

Татьяна Коростышевская

Проклятие - миньон!

С вершины Авалона мир Спящего смотрится как огромная морская звезда, раскинувшая свои лучи в пять сторон света. Пять королевств занимают эти территории, пять правящих династий, пять и еще одна, потому что сам Авалон и предгорья его принадлежат феям. Так повелось издавна, и не нам с вами установленный порядок менять. Два северных луча – Скасгардия и Тариф, на западе – Домания, на востоке – Малихабар, а прямо от Авалона на юг простирается Ардера – богатый и благословенный край.

Наша история произошла в Ардере, правила которой красавица Аврора, когда – железной рукой, но чаще – облаченной в шелковую перчатку изящной ручкой. Ибо королева была хитра и предпочитала войне политику, а прямодушной мужской логике – изощренную дамскую хитрость.

Примерно на двадцатый год правления Авроры, храни ее Спящий, назревший в стране политический кризис заставил ее величество принять меры по смене ключевых игроков. Долгий мир полезен кошелькам, но губителен для правящих элит. Разленившиеся аристократы, погрязшие в интригах внутри двора, ничего не замечали, но Аврора видела начало конца. Ее тревожила и сохранность пока нерушимых ардерских границ, гарнизоны которых требовали все больших финансовых вложений, и стычки ее вассалов за спорные территории на западе, и то, что королевский университет, некогда славный на весь мир, хирел буквально на глазах, защитившись от внешнего мира стеной словоблудия и бессмысленных ритуалов.

Ардера, богатая процветающая Ардера напоминала своей правительнице того самого глиняного колоса из древних историй: хватило бы одного удара, чтоб все разрушилось. Внезапный неурожай, притеснения соседних держав, повлекшие за собой войну, кончина королевы... Последнее, к слову, волновало Аврору менее прочего. Она бездетна и не собирается это менять, она – последний представитель золотой кости. Все. Точка. Заменить ее некем. А вот сменить военачальников и управленцев, влить свежую кровь ученым – это вполне ей по силам.

И тогда ее величество решила привлечь в столицу отпрысков провинциального дворянства, с тем чтоб из самых достойных сформировать новую элиту. Ей понадобились миньоны. Скабрезное словечко, пришедшее ей на ум, должно было усыпить опасения старой аристократии. Ну кому придет в голову, что некто, носящий столь потешное звание, может угрожать устоявшейся власти? Ведь что есть миньон? Игрушка? Постельная грелка стареющей королевы-девственницы?

Вот поэтому одним прекрасным погожим, почти осенним днем в столице оказалось две сотни молодых людей, провинциальных дворян, бедных, как университетские мыши, и столь же полных сил. И среди них наш главный герой – Бастиан Мартере граф Шерези, болтун, красавчик, забияка и... девушка.

Глава 1

Восставшие из пепла

Белоснежная Алистер изливала на мир свой яркий ночной свет, подчеркивая фиолетовый блеск Нобу, второй авалонской луны.

То есть, наверное, так оно и было, я-то в этот прекрасный час пробиралась извилистыми коридорчиками одного из замковых строений и любоваться могла только багровыми пятнами, всплывающими перед глазами вследствие непроглядной коридорной черноты и неодолимого похмелья, уже моего собственного.

Тысяча мокрых фаханов! Когда я наконец отомщу Гэбриелу, в окончательный счет будет вписано и это мое состояние. Потому что одно дело – использовать невинную деву в своих грязных интригах, а совсем другое – спаивать ее для этого. И плевать, что о том, что я дева, поганый ван Хорн не знает! Ведь с помощью своей феи, дарующей имена, и волшебного серебряного пояса я превратилась в почти неотличимого от настоящего мужчину. Ах, пардон, не ван Хорн, а ван Харт. В этом-то его грязная интрига и заключалась. Сиятельный жулик заставил своего настоящего родителя от себя отказать и быстренько усыновился в другое место. У нас в Шерези это называется – переобуться на ходу.

Самое обидное, что все Гэбриеловы маневры ему негодились бы, попроси он меня о помощи, просто по-дружески. Я бы с удовольствием сыграла роль его любовника, чтоб насолить жестокому отцу, и хохотала бы, наблюдая разъяренную рожу канцлера. Я бы чувствовала себя великим трикстером и хитрецом, а вместо этого, глотая слезы, я пробираюсь в единственное место, где, я знаю, мне никто не помешает.

Праздник закончился, ничто не мешало мне вернуться в миньонские казармы к друзьям, но мне не хотелось компании. Мне хотелось тишины и одиночества и пореветь, сняв волшебный пояс фей, чтоб хоть на полчаса превратиться опять в Бастиану, обычную деревенскую девчонку, которая ревет, потому что ее обидел парень, который ей так нравился.

Последний поворот, чадающие факелы в настенных креплениях, массивная дверь. Это покои Мармадюка, моего достойнейшего учителя, настоящего трикстера и хитреца, шута ее величества Авроры.

Я знала, что эти покои пусты. Потому что их хозяин в данный момент занят в другом месте. Ну как занят... Хм-м... Надеюсь, самым приятным для него образом. Он в королевском саду утешает прекрасную куртизанку Моник. Вот, кстати, еще один повод для моей вселенской обиды. Кого-то любят в розовых куцах, а кто-то даже расплакаться не может, потому что ардерские мужчины не плачут.

Дверь скрипнула петлями, я вошла, на ходу потянула полу сорочки, чтоб обнажить живот и снять пояс, который прятался под одеждой, и замерла в полушаге.

- Граф Шерези? – Голос ее величества звучал серебряным колокольчиком.

Королева сидела в кресле, вполоборота к двери, горящие у стены свечи мягко освещали распущенные по плечам рыжие волосы. – Какими судьбами?

Я низко поклонилась, сложив руки перед грудью:

- Простите... Я...

- Мармадюк с вами?

- Что? Ах, нет... Он... слегка занят. – Я смешалась, поняв, что чем именно занят достойнейший лорд-шут, я объяснить не смогу.

Ведь если королева ждет его здесь, а он там... Нехорошо получается. Спящий знает, какие отношения связывают королеву и ее шута. И не мне открывать Авроре глаза на измену, если они, отношения, именно такие, как мне сейчас кажется.

- Простите, простите, ваше величество. Я пойду...

И говорила, и думала я сейчас с обилием многоточий, они сменили перед моими глазами давешние багровые пятна и мельтешили, мельтешили...

Ну вот, опять.

Попятившись и сметя откляченным крупом какое-то барахло с ближайшего стула, я ринулась к двери.

- Вам не было позволено удалиться. - Голос Авроры умел быть и стальным. - Успокойтесь!

Легко ей говорить! Успокойтесь! Как это сделать, когда сердце выпрыгивает из груди, мешая вдохнуть? Ведь передо мной королева, та самая леди, ради которой отправился в столицу бестолковый Шерези, в честь которой складывает по пятьдесят сонетов в день мой друг Станислас Шарль Доре, имя которой мой второй друг - лорд Виклунд произносит не иначе чем с придыханием, заставляя при звуках этого имени увлажняться изумрудные очи моего третьего друга - золотоволосого лорда Уолеса!

- Что вы там бормочете?

Я икнула и повторила свою тираду погромче.

Аврора хихикнула:

- Изумрудные очи? Увлажняются?

- Вне всяких сомнений!

- Сто пятьдесят сонетов?

- Не менее этого количества.

- А почему у вашего второго друга белесые глаза? Он пьяница?

- Он воин, - я пожала плечами, внезапно успокоившись, - но вряд ли этот факт связан со странной внешностью достойного лорда, просто когда Спящий или феи раздавали новорожденным младенцам в Тиририйских горах всяческие достоинства, красок на моего друга они пожалели.

- Кажется, я догадываюсь, о ком вы говорите: огромный беловолосый горец. - Королева кивнула на стул, с которого я так удачно смела мармадюково барахло. - Садитесь, мой друг, кажется, удерживать себя в вертикальном положении вам дается с трудом.

Я еще раз пожала плечами и присела, выставив вперед колено и оперевшись на него со всем доступным изяществом.

Спокойно, Басти! Ты с королевой! Воспользуйся этим шансом. Понравься ей, обаяй. Мужик ты или...

- Так что вы намерены теперь делать? - Аврора откинулась в кресле и запахнула на груди нечто белоснежно-кружевное, за что, будь я женщиной, отдала бы все припрятанные в матрасе деньги и от чего захотела бы немедленно избавить собеседницу, будь я мужчиной.

Как же она прекрасна, наша королева! Горделивая осанка, тонкие запястья, высокая грудь, тонкая белоснежная кожа. Но, кажется, от меня ждали ответа.

- Не думаю, что должен в связи с эти что-то делать, - осторожно начала я, - можно, конечно, воспользоваться краской. Существуют хна, сурьма и прочие малихабарские экстракты, но, думаю, со временем я смогу привыкнуть к его внешности, и не прибегая к косметическим мерам.

Повисла тишина, очень скоро начавшая казаться мне гнетущей. Я взглянула прямо в лицо королевы, отметила ее приоткрытый в удивлении рот и изогнутые от природы брови.

- Вы сейчас о чем, Шерези?

Все-таки ардерские женщины уступают в уме мужчинам, даже венценосные. Как же она справляется здесь со всем, бедняжка?

- О лорде Оливере Виклунде, - объяснила я добродушно, - и о его шевелюре. Как изменить цвет глаз, я еще не придумал, но со временем...

Я смолкла, пережидая приступ монаршего хохота.

- Вы такой милый дурачок, Шерези, - наконец проговорила ее величество, - милый маленький дурашка. Как называют вас друзья? Басти? Ах, нет. Мармадюк говорил мне, вы - Цветочек. Я тоже буду звать вас так.

- Как будет угодно моей леди, - ответила я и покраснела.

Все-таки ардерские женщины, чьим представителем я являюсь...

- Итак, Гэбриел ван Хорн теперь ваш враг? Не смущайтесь, милый. Мармадюк успел мне обо всем рассказать. Вы раздавлены или уже готовите месть?

Я вспомнила свой эпохальный плевок перед Гэбриелом.

- Вы думаете, мне следует вызвать его на дуэль?

- Никаких дуэлей, Цветочек! Это слишком прямолинейно и слишком по-мужски. - Тут ее величество мне подмигнула. - Так что у вас там? Амулет? Подвеска?

- Не думаю, что понимаю, о чем говорит моя леди.

- Мне велеть вам разоблачиться? - опять чуточку металла в голосе. - Вы же понимаете, что если я сейчас захочу вас раздеть, вы сделаете это?

- Понимаю. - Я посмотрела в сторону окна, за которым сияли авалонские луны: бежать не удастся.

Вот и закончилась моя история. Дальше меня ждет позор, общественное осмеяние и порицание и в худшем случае - казнь, а в лучшем - позорное изгнание. Реветь хотелось уже нестерпимо.

- Я - золотая кость Ардеры, на меня не действует колдовство фей. Так как тебя зовут на самом деле, милая? - Аврора поднялась из кресла, приблизилась и опустила ладони на мои плечи.

- Бастиана. - Я чуть склонилась, расстегивая под сорочкой пояс, и разревелась.

Слезы приносили облегчение, я плакала обо всем сразу: от обиды на Гэбриела, от неприглядной будущности, от стыда, от беспомощности и от того, что все наконец закончилось.

Королева отпустила мои плечи и хлопнула в ладоши:

- Пояс! Слава Спящему, я уж думала, ты подверглась необратимой трансформации, чтоб пролезть в монаршую постель!

А так можно было? Я не про постель, а про трансформацию, и, надеюсь, на этот раз не вслух, а мысленно.

Я всхлипнула и вытерла лицо рукавом. На казнь меня прямо отсюда поведут? И казнить как будут? Удушением или утоплением? Хотя я же не дворянин, меня и более кровавым способом жизни лишать можно.

- Что такое колесование? - Аврора склонила голову к плечу. - Ты бормочешь все время что-то странное.

- Это такой вид казни, малихабарской, скорее всего. У меня матушка, когда по малихабарской мифологии полотно писала, заставила меня много про тот край изучать,

для достоверности. Потому что у нее самой все время на творчество уходит, а я... И-ик... Простите, ваше величество, у меня не получается себя полностью контролировать, особенно с похмелья. Я даже не всегда понимаю, когда говорю вслух, и... Простите!

- Ты пьяница?

Ну вот опять! Что за странные предрассудки? То Виклунд, то я.

- Скорее нет, чем да.

- Тогда зачем пила, если знаешь, как на тебя это действует? Ах, понимаю. Крошка канцлер тебя подпоил, чтоб воспользоваться?

- Канцлер? - Я протестующе икнула. - Не канцлер, а ван Хорн, то есть ван Харт... Ну то есть Гэбриел.

- Это вопрос времени. - Аврора вернулась в кресло и устроилась в нем с удобствами, видимо, казнить меня прямо сейчас она не собиралась. - Лорд Адэр, отойдя в чертоги Спящего, что, как ты понимаешь, в его возрасте может случиться в любой момент, передаст должность наследнику. И кстати, зная кое-что о его зяте, старичок сегодня максимально отодвинул этот грустный миг, о покушениях он теперь может не волноваться.

Я икнула на этот раз удивленно, потому что Аврора сочла необходимым пояснить:

- Сомневаюсь, что канцлер ван Хорн своими руками приблизит возвышение бывшего наследника. Изящный ход. Бастиана, о чем ты думаешь? Когда ты не бормочешь, мне сложно это понять.

- Вы говорите в точности как мой лорд.

- Твой лорд? Мармадюк? Ну, знаешь ли, близкие люди со временем перенимают манеру речи и образ мысли друг друга.

Близкие люди? А Мармадюк, между прочим, вам рога сейчас наставляет, леди, колосистые, то есть ветвистые. Вот что значит мужчинам доверять!

- Кстати, где мой шут? - Королева взглянула за окно. - Он покинул меня более двух часов назад с тем, чтоб лечь спать. Хотя, знаешь, все к лучшему. Иногда у женщин возникает потребность побыть в абсолютном одиночестве, чтоб помечтать или поплакать.

Взгляд Авроры переместился на стену, туда, где висел портрет Этельбора, и глаза ее на самом деле увлажнились.

- Я иногда прихожу сюда, милая, именно когда хозяин сих покоев отсутствует.

- У лорда Мармадюка нет личных слуг, могущих нарушить уединение, - кивнула я с пониманием, - здесь ее величество никто не потревожит.

- Кроме мыслей. - Аврора поднесла ладони к лицу и будто стерла с него всю грусть. - Так что ты собираешься делать дальше?

- Теперь, когда мой обман раскрылся? - Свои слезы я вытерла рукавом. - Принять положенное мне наказание со всем возможным достоинством.

- Святые бубенцы! Только не начинай опять про колесование. Если бы мне хотелось тебя наказать, я сделала бы это и без предварительной беседы. Итак, твой обман раскрыт, но останется без последствий, если о нем не узнает никто, кроме меня. В противном случае, как ты понимаешь, мне придется изобразить неведение и отправить на эшафот наглую девку.

- Так я могу продолжить?...

- Продолжить, Цветочек, и победить! Ты должна стать блистательным миньоном и утереть нос всем этим дворянским отпрыскам, доказать, что ардерская женщина стоит больше мужчины или даже сотен мужчин!

Я смотрела на свою королеву, веря и не веря. Что толку от моей гипотетической будущей победы, если о ней будут знать всего двое – я и она, две ардерские женщины?

– Не двое, а трое.

Тысяча фаханов, я опять говорила вслух! Аврора продолжила:

– И один из нас мужчина. Мармадюк тоже осведомлен о твоей маленькой тайне, между ним и мною нет секретов, так что если мой достойный шут начнет подбивать к тебе клинья...

Я смутилась:

– Тут вы можете быть спокойны, ваше величество, занятия любовью губительны для фейского колдовства, поэтому мне придется блюсти свою девичью честь, чтоб оставаться благородным кавалером.

– Ты все еще дева? – Аврора хихикнула. – С твоей-то внешностью и страстной натурой? Как тебе это удалось?

– Ценой нечеловеческих усилий, – ответила я сквозь зубы.

– Бедное дитя, надеюсь, твоя жертва того стоит.

Я пожала плечами:

– Что сделано, то сделано.

– Ты права. Ну что ж, – ее величество перешла на решительный тон, – Цветочек Шерези, что ты намерен делать?

Она была прекрасна, моя королева, умна, как тысяча фаханов, и так же хитра. Мы беседовали с ней почти до рассвета, когда король наш Солнце появился на горизонте. Я поняла, насколько мне этого недоставало – возможности просто поболтать с особой своего пола, сплетничать о знакомых парнях, хихикать над подтруниваниями и не чувствовать на талии прохладные оковы фейского пояса.

Хотя, если начистоту, мне показалось, что беседа наша ведется, как будто на двух уровнях, как в театре теней, и я видела лишь то, что мне хотели показать. Аврора испытывала меня, выясняла как границы моей преданности, так и границы дружбы, а за разговорами о предстоящих шалостях скрывались замыслы более масштабных и менее невинных интриг.

– Значит, решено, – сказала Аврора, поднимаясь с места и прикрывая зевок раскрытой ладошкой, – это станет твоим первым испытанием, Цветочек, Гэбриел ван Харт понесет наказание.

– Как будет угодно моей королеве. – Я изобразила женский поклон, сложив руки перед грудью треугольником вниз, а затем, застегнув на талии пояс, повторила его мужской вариант. – Карающий меч не дрогнет в моей руке.

– И ты сохранишь тайну, милый. Никто не должен знать, что ты лично знаком с королевой, даже твои друзья, даже твой лорд Мармадюк.

– Клянусь.

– Ты говорил, что твой достойный друг – Станислас лорд Доре не сможет сдать предстоящий экзамен?

– Да, – я кивнула, с опозданием подумав, что подвела своего менестреля, раскрыв его тайну королеве, – мы собираемся добыть ему специальные окуляры для остроты зрения, но пока не придумали, где и как именно.

– Вряд ли за две недели, оставшиеся до экзамена, вам это удастся. – Королева обвела комнату взглядом и быстро направилась к пристенному сундуку. – Если память мне не изменяет, с половиной этого дела я смогу вам помочь.

Она откинула крышку сундука, побренчала какими-то железками, сваленными внутри и извлекла узкий, обтянутый воловьей кожей футляр длиной не более локтя или четверти туза:

- Держи.

Я с поклоном приняла футляр, отщелкнула изящную серебряную застежку и посмотрела на обычную стрелу, лежащую на расшитой золотом атласной подкладке.

- Этельбор был великим чародеем, - грустно улыбнулась Аврора, - иногда это вызывало ужас. После казни королевский совет повелел сжечь на костре все, что могло относиться к волшебству.

- Это колдовская стрела?

- Да, она всегда попадает туда, куда пожелает стрелок, выпустивший ее. Лорд Доре должен будет всего лишь представить себе центр мишени.

- Я думал, такое под силу только феям.

- Когда-то и я думала так, но Этельбор считал, что мы, люди, тоже способны...

Она замолчала, опустив голову.

Спросить напрямую о чувствах, бушевающих мою королеву, я не могла. Во-первых, я сейчас была мужчиной, а они таких вопросов не задают никогда, а во-вторых, боялась ее обидеть. Этельбор. Знала я о нем немного. Канцлер последней правящей династии, последний канцлер. Он был лордом моего лорда и, как теперь выясняется, что-то значил для моей королевы. Мармадюк был его пажом?

- Учеником, - королева хихикнула, а я поняла, что опять проговорила свои мысли вслух, - лучшим и единственным. Это была непростая работа. Когда я появилась при дворе, бедняжка Мармадюк сидел на жердочке и клевал орешки. Его лорд как раз обучался изменению форм и...

- Превратил его в птицу?

- В попугая! В разноцветного болтливого попугая! Обратная трансформация не получалась, и более года крылатый скандалист терроризировал всех обитателей дворца.

- Поэтому лорд-шут не ест мяса?

Королева оборвала смех:

- Ты внимателен, Цветочек. Мне это по душе, запомни...

Нас прервали шаги в коридоре. Ее величество скользнула в угол комнаты, нажала на какой-то скрытый от меня теньями рычаг и юркнула в глубину тайного хода.

- ...никому ни слова.

Я едва успела пристроить футляр со стрелой на спине под камзолом, расположив его вдоль позвоночника и плюхнувшись в кресло хозяина, принять сонный и расстроенный вид.

Королева требует сохранения тайны, для чего - она мне объяснять не обязана, но сдается мне, что это - очередная ступень испытания для меня. Если я смогу скрыть наше с ней знакомство от его хитрейшества лорда-шута...

- Уже успокоился?

Мармадюк выглядел утомленным, но вполне довольным жизнью, как те весенние шерезийские коты, что возвращаются к теплому камельку после побед любовных.

Зевнув, я сдула со лба непослушную челку:

- Я и не волновался. А вы как поживаете?

- Великолепно! - Мармадюк уселся напротив, немного по-птичьи склонив голову. - Ну давай, рассказывай.

- А что рассказывать?...

Действительно - что? Мне же приходится сейчас держать в голове одновременно две версии событий, и в той, которую вам, ваше шутейшество, знать полагается, моего разговора с королевой быть не должно. Значит, следует разнести наши версии по времени, а еще - перевести рассказ в русло, в котором собеседнику станет неудобно. Маменька моя называла этот полемический прием - «выбить стул из-под...» Честно говоря, то слово, коим эта сентенция заканчивалась, графиням знать и не положено. Что ж, приступим. Только осторожнее, граф...

- Сначала я заблудился в парке, ходил по нему кругами, как заколдованный феями, - я остановила взгляд на блестящей лысине Мармадюка, - а потом мое верное сердце привело меня к моему лорду.

- И чего желает узнать твое верное сердце?

Он спрашивал обо мне, но ладонь его уже потянулась к голове, он заметил мой взгляд, отсутствие волос его смущает, хоть он и не подает виду. Тот самый «стул» уже пошатнулся. Продолжайте, граф, вводите в беседу третьего.

- Моник говорила правду?

- Ты говорил с Моник?

- Ах, нет, милорд. Это вы говорили с ней. Я же сказал вам о сердце, мое сердце привело меня к вам, когда я был в парке и вы были в парке, и Моник, что примечательно, тоже там была. С вами!

Бах! Получилось! Мармадюк смутился, как мальчишка, пойманный в графском саду с полным ртом птичьей вишни. Благослови Спящий Консуэло графиню Шерези и ее хитроумие.

- Кхм... Что именно из сказанного Моник тебе хотелось бы уточнить?

То ли маменька Мармадюка была не менее мудра, то ли он сам всему научился с возрастом, но удар он парировал с изяществом, вернув разговор опять ко мне. К счастью, тема страдающей куртизанки опасной не была.

- Это она продвигала Гэбриела к вершинам власти? Посвятила этому всю жизнь, многим пожертвовала?

Мне стало обидно за всех ардерских женщин в ее лице. Мы, значит, слабые создания, кладем себя на алтарь мужского честолюбия, жертвуем всем подряд, а они, эти гадкие мужчины...

- Ох уж эти женщины. - Шут закатил глаза. - Я надеюсь, ты, Цветочек, не женщина?

Ах, какой сарказм пропадает. А то вы, ваше попугайство, не знаете, что да? Королева вам ничего такого не говорила? Досада какая!

Я заскрипела бы зубами, если бы движение это не противоречило моему полному тихой скорби взгляду.

- Потому что женщины, любезный Шерези, - продолжал меж тем Мармадюк, - почему-то считают, что они многое значат в мужской судьбе, могут что-то решить, на что-то повлиять. Это все не более чем самообман, мой дорогой. А истина заключается в том, что Моник внушала одному своему любовнику то, что внушал ей другой любовник. Как только этот «другой» выиграл у «одного», она потеряла для него ценность.

Да знаю я, все знаю. Гэбриел ван Харт мне все доступно объяснил и даже наглядно продемонстрировал. Я оскалилась, не в силах сдерживать злость:

- Инструмент...

Я отомщу, меченый красавчик, и оставлю шрам в твоём сердце. Королева права, врагов нужно знать лучше, чем друзей, и только изучив все их слабые и сильные стороны, можно приступить к делу.

Лорд-шут посмотрел на меня, покачал головой:

- Если я удовлетворил твоё любопытство, мне хотелось бы поспать.

Ах! Что? Только бы я не бормотала мысли вслух. Что за глупая привычка, мне незамедлительно нужно избавиться от нее.

- Простите, милорд, позвольте откланяться.

Кажется, на этот раз пронесло. Бочком выбравшись из-за стола, я молилась Спящему и супругам его, чтоб футляр со стрелой не выпал из-под камзола, чтоб кафтан не задрался, чтоб гладкая кожаная обивка не скользнула по спине... Разумеется, все три неприятности произошли одновременно, все скользнуло, встопорщилось и почти выпало самым скандальным образом.

«Меня обвинят в воровстве, недостойном дворянина преступлении, - думала я, разворачиваясь, - лишат земель и титула, - я подхватила локтем футляр, - и казнят!»

Махнув свободной рукой в сторону настенного портрета, я торжественно изрекла:

- Знаете, милорд, мне очень хочется, чтоб через много-много лет какой-нибудь убеленный сединами ван Харт сказал мне: «Похвала трикстера самого лорда Мармадюка, трикстера самого Этельбора...»

В меня полетел башмак:

- Сегодня. После ужина. Как обычно. Не опаздывай.

Я вышла за дверь, плотно зажав футляр под мышкой.

Утро было чудесным. Я запрокинула голову, любуясь, как лорд наш Солнце золотит своими лучами шпили ардерского замка. Жизнь налаживается, Шерези, и становится все более и более интересной. У меня есть стрела, с помощью которой Станислас выдержит экзамен по стрельбе из лука, могущественный Мармадюк в явных покровителях и леди-королева в тайных. Чего еще желать? Разве что выспаться наконец и отомстить. Но ни то, ни другое мне в ближайшее время не светит. Для сна нужно свободное время, а для мести - хитроумный план. Сейчас мне предстоит очередной учебный день - завтрак, занятия, обед, занятия, ужин, и вот после него...

Поймав пробегающего двором незнакомого мне пажа, я самым деловым тоном велела отроку вывести меня через ворота внутреннего круга. До казарм миньонов я могла пойти и в одиночестве, но стражникам требовался пропуск. Мальчишка особо не сопротивлялся, ткнул резную пластину в лицо привратного алебардщика и убежал по своим делам, а я прошла воротами, неся футляр в правой руке.

Канитель нарядного камзола (надо будет забрать у пажа ван Сола мою обычную одежду) тоже блестела в лучах солнца, видимо, это меня и отвлекло, потому что нападения я не заметила. Слева от арочного прохода ко мне метнулась размытая тень, удар под колено сбил с ног, я упала животом на футляр, попыталась повернуть голову, шею обожгло болью. Нападавший, схватив меня за волосы, навалился сверху всем телом и стал натягивать на голову мешок. Все это уже было, и я опять оказалась не готова. Я трепыхалась, бестолково шаря руками, хрипела, ощущая затягивающуюся на шее горловину мешка. Под руку попался футляр, уже раскрытый, наконечник стрелы впился в мякоть ладони и я изо всех сил пожелала, чтоб волшебная стрела Этельбора освободила меня.

В этот момент воздух кончился, я потеряла сознание.

Говорят, после обмороков первым возвращается слух. Врут. Первое, что я ощутила, открыв глаза и рассмотрев рябые пятнышки света сквозь худую мешковину - явственный запах гари. В ушах шумело, виски сжимало, грудь болела от моего неровного, всхлипывающего дыхания. Я села, освободила голову, распутав на шее пеньковую

мешочную веревку. Нападавшего рядом не было. А вот стрела была. Она лежала тузах в четырех, на заканчивающейся дорожке из капелек крови. Чужой крови, не моей. По этой дорожке я ползла на четвереньках, пока спасительница не оказалась в моих исцарапанных руках, а потом подняла к небу глаза и от всей души вознесла благодарственную молитву причастным – Спящему, супругам его – Нобу и Алистер, а также Этельбору, которому, как я надеялась, нашлось местечко в божественных чертогах, невзирая на его колдовство. Потому что если бы не это колдовство, в чертогах сегодня оказалась бы я. То, что в этот раз меня собирались вовсе не пугать, а лишить жизни, сомнений не вызывало.

И вот тут ко мне вернулся слух.

- Пожар в миньонской казарме! – кричал кто-то за поворотом.

- Все живы?

Ответа я не расслышала, поэтому на полуслове закончила молитву, обернула стрелу в носовой платок и припустила к казарме.

У нас в Шерези тоже случались пожары. Особенно в деревне. Там, где жилища из дерева, а в быту используется огонь, это не редкость. И именно поэтому я знала: многое зависит от того, насколько быстро и слаженно действуют жители, передавая воду из ближайших источников. Столичные пожары, видимо, отличались от провинциальных. Этот проходил будто бы вполголоса. Не звучало тревожного сигнала, не слышалось криков обитателей замка, сзывающих друг друга на подмогу, не топотали по дорожкам сапоги стражников.

Нет, люди, конечно же, были, десятка полтора. Они растерянно стояли перед наглухо закрытыми дверями казармы – прислуга, пришедшая готовить залу к завтраку, дежурный учитель с помощниками, «лиловый плащ» без плаща, но с ростовым луком, видимо, собиравшийся вести часть миньонов на стрельбище для тренировки.

Зловонные струйки дыма, странного и плотного, который не поднимался вверх, а стелился по земле подобно щупальцам экзотических морских тварей, выползали из поддверной щели на крыльцо и струились вниз.

Вот почему пожар не спешат тушить. Пока огонь глеет внутри, в наглухо закрытой казарме, а как только двери откроют, внутрь попадет воздух и тогда полыхнет уже настоящему. Но почему я не вижу ни одного миньона? Неужели они все там, внутри? Страдают от удушья, не в силах спастись? И почему дым такой странный?

Ужас мириадами липких паучьих ножек пощекотал меня изнутри, пролез внутрь сквозь приоткрытый рот, забился в ноздри и глаза, заставив расплакаться, сердце заколотилось о ребра, я обхватила себя руками, чтоб оно не выскочило, и замерла, тихонько желая, чтоб все поскорее кончилось.

- Разойтись! – скомандовал лорд Виклунд, пронсясь мимо меня с бадьей наперевес.

Он был по пояс обнажен, мокрые волосы хлестали по спине, когда Оливер, развернувшись на бегу, выбил плечом дверь. Из бадьи плеснулась вода, языки огня лизнули спину горца, уже ничем не сдерживаемый дым вырвался наружу.

- Не вдыхать! – «Лиловый плащ» тоже отмер, будто по команде, бросил лук и побежал к двери. – Дым ядовитый! Всем разойтись. Зовите лекарей! Несите воду! Выбивайте окна!

Последний приказ был обращен к стражникам, появившимся из-за поворота.

Ветеран на бегу рванул подол сорочки и завязал лоскутом нижнюю часть лица, прежде чем нырнуть в клубы дыма, в которых уже скрылся лорд Виклунд.

Мой ужас никуда не делся, просто думать о нем я перестала. Я дернула за чепец ближайшую подавальщицу, у ног которой стояла плетенка с выглядывающими бутылочными горлышками.

- Мой лорд!

- Сохрани это для меня, милая. - Я отдала девушке стрелу, подхватила бутылку из корзины, выбив пробку о каблук, смочила крахмальную ткань чепца вином и, прикрыв этой маской лицо, вошла в казарму.

Вот это я понимаю - пожар. Сейчас выбьют окна, огонь вылизает межкроватьное пространство дочиستا, если перекрытия повреждены, здание рухнет в считанные минуты. На кухню я не пошла, сразу свернув направо, в свое крыло, где Виклунд уже колотил в ставни.

Огня в комнате не было. Были неподвижные миньоны в своих кроватях и был дым. И он действительно был каким-то не таким. Я дышала неглубоко и через маску, но вокруг меня бесновались фаханы, их глумливые рожи кривлялись перед глазами, мешая рассмотреть, что с моими друзьями, живы они или уже отправились в чертоги Спящего.

Ритмичные удары Оливера замедлились, даже сквозь фаханово марево я видела, что дела его плохи, движения стали тягучими, будто под водой, и колотил он не в ставню, а в казарменную каменную стену.

Я бросила в него бутылкой:

- Девчонка! Лорд Виклунд дерется как курица! - проорала я, дым юркнул в горло, голову повело, как от сильного опьянения.

Оливер медленно повернулся - глаза его были белыми и безумными, а из плеча торчали осколки бутылки - и зарычал.

- Твои враги сзади, лорд Виклунд, - хрипела я из последних сил, - убей их всех!

Он саданул в стену, плотно подогнанная кирпичная кладка разлетелась, как карточная башня, и мою спину обожгло, огонь ворвался в спальню.

Затем все было как в дурном сне. По подбородку текла кровь от прокушенной губы, я слизывала влагу, чтоб хоть как-то перебить поганый вкус ядовитого дыма, принимала у кого-то ведра с водой, выплескивала их вперед, не глядя, затем, уже преодолев все пространство спальни, вывалилась во двор сквозь пролом в стене и не могла надыхаться, валяясь на земле, потом жевала траву вместе с корнями и налипшей на них землей, потом меня рвало так эпично, что, если о моих подвигах когда-нибудь будут сложены легенды, я требую включить в них и описание этого процесса.

А потом ко мне подошел дерганый молодой человек в зеленой робе и сказал, что мне надо показаться лекарям.

Ситуация была чрезвычайной. В большой тронной зале собирался королевский совет, а Мармадюк со своей королевой сидел в малой и ерзал.

- Ты мне мешаешь, - бросила королева в раздражении, ни на мгновение не прерывая своего занятия.

Ее величество медленно водила раскрытыми ладонями над столешницей, инкрустированные в нее кристаллы послушно загорались при приближении монаршей ручки и гасли, когда она отдалялась.

Малую тронную залу охраняло две дюжины «лиловых плащей» и отряд дворцовой стражи, чтоб никто и ничто не мешало уединению королевы.

- Больше сотни мальчишек, Аврора! - Яркие, как маслины, глаза шута блестели. - В одну ночь мы потеряли их всех. Уж насколько я черствый человек, но это просто за гранью! Со времен Ригеля Безумного не было столь масштабных и столь жестоких нападений. И это не просто молодые люди. Аврора. Это дворяне! Как мы оправдаемся перед их родителями? Перед Ардерой? Мы пригласили к себе во дворец наследников семей и всех здесь уморили? Ты понимаешь, что близка к потере трона? Твой совет съест тебя без соли уже потому, что идея возрождения миньонства принадлежит тебе?

- Тсс. - Аврора встряхнула кисти рук и поморщилась. - Смотри, милый, почти все

кристаллы отвечают золотой кости, они живы, наша надежда... Помолчи...

- Это невозможно! Их всех осмотрели лекари! Никто из тех, кто провел ночь в миньонской казарме, не подает признаков жизни!

Ее величество не слушала, она склонилась над столешницей, что-то привлекло ее внимание:

- Малахитовый треугольник. Милый, будь добр, посмотри вон в том фолианте, где у нас перечисление приморских дворянских родов, неподалеку от Доремара.

Шут подошел к алькову, в котором прятался еще один стол - письменный, стал перебирать стопки книг:

- Дофемонды, де Краон, Шабо.

- Дофемонды точно красные, - Аврора наконец откинулась на спинку кресла, - их камень - каплевидный рубин. Посмотри, у кого из двух оставшихся фамильным кристаллом является малахит, и сравни со списком миньонов.

Мармадюк зашуршал бумагами, ее величество в ожидании прикрыла глаза: королевское волшебство - дар золотой кости - требовало от ее обладателя нечеловеческих усилий.

- Де Краон, - наконец сообщил шут, - наследник Жан Батист, проходящий испытания в составе красного крыла твоих миньонов.

- Что ж, - грустно сказала королева, - де Краоны сегодня остались без наследника. К сожалению, их кристалл мне не отвечает. Надеюсь, у этой семьи есть еще сыновья, которые... которым... - Она не закончила фразы, смахнув со щеки влагу. - А теперь, милый, идем.

- Куда?

- Разумеется, проводить большой королевский совет, теперь нам есть что им сообщить.

Мармадюк встряхнулся, на мгновение став похожим на мокрую птицу, и пошел к двери, пропустив королеву вперед.

- Лорд Данзас! - обратился он к капитану дворцовой стражи. - Отправляйтесь в миньонскую казарму и разыщите там Жана Батиста де Краона.

- Куда доставить тело? - Капитан был осведомлен обо всех событиях во дворце лучше прочих.

- Туда же, куда и остальные. Всех пострадавших, нет, условно выживших переместить в королевский госпиталий под присмотром лекарей и медиков, при де Краоне оставить дополнительную охрану.

- Куда прикажете девать выживших не условно? Несколько человек провели ночь за пределами казармы.

Мармадюк хмыкнул:

- Этих под арест до последующих распоряжений. И придумай что-нибудь устрашающее, чтоб допрос, когда у меня найдется на него время, проходил с наименьшим сопротивлением допрашиваемых.

Лорд Данзас тоже хмыкнул, его работа при дворе немало способствовала развитию сообразительности.

Глава 2

И ввергнутые в бездну

Как говаривала моя матушка, если жизнь преподносит тебе лимоны, постарайся сделать из них лимонад. Я всегда списывала эту странную сентенцию на инородное происхождение моей родительницы, это, может, в их Домании лимоны – дело обычное и то, от чего принято кривить рот, а у нас в Ардере – деликатес, каких поискать. И вообще, если ардерцу жизнь поднесет лимон, он пустит его на пунш долгим зимним вечером, а не в лимонад, который, как всем известно, делается вовсе из груш особого сорта, ароматных и сочных, но в пищу непригодных.

О чем это я? О лимонаде! То есть о грушах! То есть о том, что самое страшное событие в нашей жизни может стать прекрасным, а точнее удачей.

То, что Бастиана Мартере графа Шерези подвергли аресту, оказалось невероятным везением для Бастианы. Ведь промедли королевская стража всего лишь на минуту, меня осмотрели бы лекари и осмотрели бы в полностью раздетом виде, вместе с моими коко-де-мером и волшебным фейским поясом в комплекте. Потому что к моменту ареста я проигрывала бой с четверкой мускулистых молодых людей в зеленых робах. Кто их только в лекари понабирал, таких здоровых? А может, это занятия медициной развитию мускулатуры способствуют? Может, у них каждый болящий сопротивление оказывает, и его, прежде чем вылечить, надо стреножить и заткнуть рот кляпом, чтоб не кусался?

То, что сопротивлялась я не одна, дало мне с десятков минут форы, которыми я, глупая женщина, не воспользовалась, засмотревшись, с каким азартом эскулапы вяжут Виклунда. Оливеру осмотр тоже претил, видимо, потому что он до сих пор находился в своем боевом безумии. Он отмахивался от лекарей, как от зеленых мух, и продолжал крушить казарму. Один из парней вскочил великану на загривок, второй, тот самый дерганый, который прервал мое эпичное времяпровождение своим появлением, заорал:

- Точка слева, на два пальца ниже эпистофея!

Куда там надавливали, чтоб привести в чувство моего друга, я не увидела из-за мельтешащей белесой гривы последнего.

Оливер обмяк, с него быстренько стянули штаны, явив свету великаново мужское достоинство. Мой коко-де-мер сравнений не выдерживал, я вздохнула с невольной завистью: кому-то Спящий отсыпал достоинств с избытком, а кому-то надо экзотические орехи в гультфик подкладывать. И только в этот момент поняла, какой опасности сама подвергаюсь. Я завизжала, когда дерганый потянул ко мне ручонки, нет, ручищи, и подскочила как ошпаренная. Только через мой труп!

- Это последствия отравления, мой лорд, – сладенько бормотал лекарь, – тревожные видения владеют вашим разумом, это всего лишь я, брат Гвичи – помощник доктора, я всего лишь попрошу вас снять кафтан и камзол, и сорочку, и штаны, и чулки, и башмаки...

Видимо, монотонное перечисление предметов гардероба должно было успокоить больного, меня же оно повергло в еще больший ужас, особенно про штаны.

- У меня нет братьев! – голос дрожал.

- Извольте, мой лорд!

- Не изволю!

- У нас еще один буйный, братья, – проговорил Гвичи с оттенком усталости и молниеносно прыгнул.

Я тоже отскочила с места, наткнулась на чью-то железную грудь, увернулась, присев, дернулась, отбирая из чужих рук полу кафтана, еще раз взвизгнула, ощутив резкую боль в заломленной за спину руке. Обрастая родней, как гнилой фрукт мухами – братьев вокруг меня было уже четверо, – я решила пропадать, так с музыкой.

Родственник номер раз получил от меня по бубенцам, номер два украсился следами ногтей на щеках, третий – узором отпечатков зубов, и то только потому, что я промахнулась, а мог бы и уха лишиться, ну а номеру четыре достался мой коронный удар в лоб. Я была не я, а вихрь, сеющий смерть и разрушения.

- У него тоже боевое безумие? – держась за низ живота, простонал один из противников. – Эпистофей!

- Сам ты... – Я тяжело дышала, выворачиваясь из железных объятий брата Гвичи. – Эпистофей...

- Граф Шерези, вы арестованы!

И слова эти прозвучали в моих ушах хором авалонских фей.

- Слава Спящему, – набожно проговорила я, закатив глаза и от души пнув брата Гвичи по тощему заду.

Мой арест был произведен незамедлительно.

Арест лорда Виклунда проводился гораздо медленнее и с меньшим успехом. Друг мой в себя приходить не желал: ни крики над ухом, ни обливание холодной водой не приводили его в сознание. Зная, что после приступа боевого безумия на Оливера всегда накатывает слабость, я нисколько не тревожилась. Полежит еще немножко, почувствует холод (если бы я лежала без штанов на земле, непременно бы почувствовала) и придет в себя. Хотелось бы узнать у него, где Патрик и Станислас и причину ареста, но это уже не к Оливеру. Я осмотрелась.

Охранники наши (или правильнее называть их тюремщиками?) тоже ждали, переговариваясь вполголоса, братья-медикусы удалились куда-то за угол казармы и пропали из виду. Судя по доносящемуся до нас шуму, у входа кипела жизнь, из стенного пролома тянуло дымом, но не странным, а вполне обычным. Было понятно, что пожар потушен и пострадавшим в нем миньонам требуется помощь врачей.

- Куда всю эту ораву закапывать будем? – В голосе стражника слышалось предвкушение.

- Погоди их хоронить, – сказал второй, – капитан велел транспортировать миньонов в госпиталий...

Слава Спящему, значит, они все-таки живы. Мысль о массовой гибели моих друзей, до сего момента загнанная в самую глубь моего естества, наконец получила разрешение материализоваться. Она стала безопасной.

- Ой, – тоненько протянул лорд Виклунд, садясь на земле и прикрываясь руками. – Что здесь произошло? Почему я без штанов?

- Ты проиграл братьям-медикусам, – любезно ответила я.

- В карты? – Оливер с опаской заглянул под ладони.

Его тоже заковали в ручные кандалы, только после этого позволив натянуть штаны.

- Извольте, лорды, – скомандовал стражник, – мы проводим вас в узилище.

Я только пожала плечами, Виклунд, еще слабый после приступа, тоже не сопротивлялся. Его знатно шатало, на спине подсыхала дорожка крови. Осколки моей бутылки повредили кожу, но, судя по тому, что мне удавалось рассмотреть, раны были неглубокими и чистыми.

- Где Патрик и Станислас? – спросила я вполголоса, принаравливая шаг к его. – Что ты видел? Когда начался пожар?

- Мы с доремарцем ночевали в купальне, – ответил великан. – Я проснулся на рассвете, вышел по надобности и увидел дым, что было дальше, помню слабо.

- А лорд Уолес?

- Патрик покинул нас в полночь перед закрытием казармы, значит, он был внутри.

Тревога опять разрослась, грозясь вырваться наружу отчаянными слезами. Мне срочно нужно поговорить с кем-то обладающим информацией, иначе я просто взвою. Я хочу говорить с лордом-шутом! Арест – это, конечно, здорово и познавательно, но, кстати, о его причине мне тоже хотелось бы узнать.

Разумеется, мое неведение никто не спешил исправлять. Стражники на вопросы не отвечали, более того, градус их расположения изменился в худшую сторону после быстрых негромких переговоров со встреченным по дороге лордом с капитанскими нашивками. Нас с Виклундом перестали называть на «вы», последнего снабдили еще и ножными кандалами, а меня наградили тычком в спину, когда конвоиру показалось, что я замедлила шаг.

В узилище, огромном и квадратном, было сыро до промозглости, темноту слегка рассеивали настенные чадающие светильники числом три. Освещали они пяточок прелой соломы по центру, край дощатого помоста у стены и белые кости человеческого скелета, прикованного к стене противоположной.

Меня втолкнули в помещение первой, я упала на солому и, не в силах сдерживаться, в голос заржала.

- Тебе весело, Цветочек? – Виклунд просеменил к помосту и уселся там, доски скрипнули под его весом. Дверь медленно закрылась, снаружи громыхнул засов.

- Скелет! Оливер! Скелет! Какая дешевая... нелепая... жалкая...

Смех становился все выше и дробнее, сменившись рыданиями. Ардерские мужчины не плачут, никаких вам жемчужных дорожек слез и прочей дамской дребедени. Всклипы, похожие на кашель и собачий лай одновременно.

- Думаешь, они все умерли?

- Думаю, кому-то этого хотелось, – великан рассматривал свои ручные кандалы со вниманием, которого моя истерика удостоена не была, – и думаю, что наши с тобой, граф Шерези, усилия в том числе не позволили этому желанию исполниться.

- Тогда почему мы под арестом?

- Потому. Ты умеешь открывать замки? Нас не заковали, значит, где-то на этих браслетах есть защелка.

Процесс освобождения от пут занял мои мысли и довольно много времени. Швейные принадлежности были при мне, под сорочкой, достать их было делом плевым. Самая толстая игла вошла в углубление у самой цепочки, встретила на своем пути какую-то преграду и отодвинула ее после дюжины моих ругательств. Браслет раскрылся, одна из рук Оливера оказалась свободной. Он отобрал у меня иглу, и дело пошло быстрее, хотя поругиваться я не перестала. Избавившись от кандалов, мы продолжили беседу.

- Некто устроил пожар в казарменной кухне.

- Не просто пожар, – мотнула я головой, – дым явно был ядовитым. Значит, миньонов хотели не сжечь, а отравить.

- Тогда почему просто не закупорить дымоход, чтоб все угорели во сне?

- Это ненадежно, кто-то, обладающий беспокойным сном, мог разрушить этот план еще в самом начале...

Громыхнул засов, мы повернулись к двери. Станислас без мандолины выглядел более обнаженным, чем Виклунд без штанов часом ранее. Взлохмаченный, расхристанный менестрель поприветствовал нас и присоединился к посиделкам. Он знал еще меньше нашего, арестовали его в купальне, толком не разбудив.

- Где Патрик?

Я пожала плечами.

- А где ты шатался все это время, Цветочек? Провел ночь с ван Хорном?

- Вот уж нет! И не с ван Хорном, а с ван Хартом, меченый... - я хотела по привычке обозвать Гэбриела «меченый красавчик», но вовремя исправилась, просто пропустив второе слово эпитета, - за эту ночь успел сменить родителя!

И я поведала друзьям о событиях бала и своих ночных злоключениях до момента встречи с королевой.

- Так ты провел ночь с Мармадюком?

- Не с ним, а у него, лорд-шут отсутствовал, так что я просто промаялся ожиданием в его покоях до утра.

Дверь опять открылась, наша компания пополнилась еще одним узником, который с нами не поздоровался, а прошествовал в темный угол и присел на помост там.

- Лорд ван Харт! - сиропно проговорила я. - Неужели и вас, такого достойного будущего канцлера, подвергли позорному аресту?

- А у меня отобрали инструмент, - пожаловался Станислас, разрушив наступившую за моим вопросом гнетущую тишину.

- Где же вы провели ночь, любезный ван Харт?

Во второй раз гнетущей тишины не получилось, Гэбриел выразил сочувствие менестрелю, блеснув глазами из полутьмы, меня вниманием не удостоив.

Мне стало обидно, просто до зелененьких фаханчиков. Ты жалкая, Басти, жалкая брошенка, как называли бы тебя в Шерези в такой ситуации. Парень объяснил тебе доступно - он не желает иметь с тобой ничего общего. «Бастиан Мартере граф Шерези, я прошу вас больше никогда не докучать мне своим присутствием...» Куда уж доступнее. А ты, глупая девка, пытаешься его теперь уколоть, докучаешь. Знаешь почему? Потому что хочешь чувств, если не любви, то ненависти, равнодушие Гэбриела ранит тебя.

Я поморгала, чтоб зелененькие фаханчики перестали мельтешить перед глазами. Избавление от воображаемой нечисти заняло минут пять, все это время сокамерники поддерживали негромкую беседу. Надо было спасать, если уж не ситуацию, так лицо - вступить в разговор и перевести его в другое русло.

- Лорд Виклунд, - сказала я строго, - извольте продемонстрировать нам свой эпистофей.

Вот теперешняя тишина была такой, как надо. Ее можно было резать ножом и мазать на хлеб, такой она была тяжелой. И гнетущей, как могильная плита. И звонкой, как жужжание летних мух над помойкой. Миньоны переглянулись, Станислас несмело улыбнулся другу, Оливер залился румянцем, а на ван Харта я не смотрела.

- Ты уверен, Цветочек? - очи лорда Виклунда опустились вниз, к гульфику. - Не думаю, что там остались для тебя загадки.

Румянец приобрел оттенок зрелой вишни, перезрелой вишни и приблизился к цвету раскаленного в кузне металла за считанные мгновения.

Святые бубенчики, какие эпичные болваны населяют Ардери! Проигнорировав полный ужаса взгляд, я сама схватила великана за белоснежную гриву и заставила его склонить голову.

- Это шейный позвонок, - негромко сказал ван Харт.

Я сделала вид, что не слышу.

- Второй от основания черепа.

Считать позвонки мне не пришлось, потому что на два пальца ниже и правее на коже лорда Виклунда был вытатуирован простецкий крестик, на который и предписывалось

нажимать в случае незапланированного впадения вышеозначенного лорда в боевое безумие. На всякий случай я понажимала туда раз пятьдесят и давила бы еще, если бы Виклунд не стал отбиваться.

- Чудесно, - сказала я, опускаясь на помост, - теперь у нас на одну тайну меньше. Нам осталось выяснить, кто поджег нашу казарму и...

Проснулась я часов через пятнадцать, когда его лордейшество Мармадюк изволил о нас вспомнить и призвать для допроса, и проспала бы и семнадцать, но к несчастью, именно с меня его шутейшество решил начать.

Меня протащили коридором и втолкнули в соседнюю камеру, где не было скелета у стены, зато были дощатый стол и кресло, накрытое шкурой, в котором устроился лорд Мармадюк, и табурет, на котором, видимо, предполагалось разместить допрашиваемого. А еще там была жаровня с раскаленными щипцами на ней и толстенный мужик в маске неподалеку. Палач? В программу увеселения входят пытки?

- Для начала, граф Шерези... - Шут запнулся, с удивлением наблюдая мои действия.

Наскоро поклонившись, я оббежала камеру по периметру, обогнула палача, толкнула дверь, скрытую в дальней стене и юркнула за нее. Какие, к фаханам, щипцы, если граф Шерези не посещал места уединения уже... Ой-ой-ой... Какое счастье, что даже столь специализированные помещения Ардеры оборудованы этими самыми местами, и какое счастье, что для пущего уединения на дверях есть засовы с внутренней стороны. А какое массивное дверное полотно! Какие крепкие петли! Они чуть поскрипывали от мощных толчков снаружи, но и не думали ломаться.

- Терпение, любезные лорды! - проорала я. - Через минуту я буду готов ответить на все ваши вопросы!

- Ты собираешься выходить, Цветочек? - донесся до меня голос Мармадюка.

- Какой хороший вопрос. - Я одобрительно похлопала мокрыми ладонями: в комнатенке обнаружили также умывальный таз, кувшин и стопка чистых полотенец, поэтому, решив проблемы неотложные, я умылась не без удовольствия, марая полотенца копотью. - Мой ответ - нет!

- Но почему?

- А этот вопрос сложен и однозначно ответить на него я пока не могу. Ну, пожалуй, во-первых, подозреваю, что вы, мой лорд, намереваясь меня запугать и лишиться способности к сопротивлению, собираетесь подвергнуть меня пыткам или...

- Ты боишься?

- Да!

- Меня?

- В основном - жирдяя в маске.

Воцарившаяся в камере тишина меня слегка встревожила, я прислонилась ухом к двери. Бормотание, тяжелые шаги, скрип, шаги удаляются.

- Выходи, Почечуйник.

Я откинула засов:

- А он точно ушел?

- Кто? Герцог Турень? Можешь быть уверен, после такого-то оскорбления.

- Я принял достойного лорда за палача, - повинилась я и, доковыляв до табурета, без сил на него опустилась.

Было неловко. Ну с чего я решила, что передо мной палач? Потому что толстый? Так это не обязательно, наверное. Наоборот, говорят, что полные более добродушны. А бывают

ли добродушные палачи? Наверное, да. Может, они на работе работают, топором машут до седьмого пота, а потом приходят домой, целуют жену, ребятишек своих приветливо... топоричем... Я тряхнула головой. Что-то мысли разбегаются вовсе не в нужном направлении. При чем здесь вообще палачи?

Мармадюк между тем подошел к жаровне, поворошил в ней щипцами, выкатил на край растрескавшийся от жара каштан:

- Будешь?

- С удовольствием!

Сорочку было все равно уже не спасти, поэтому, принимая угощение, я раскатала манжету до самых кончиков пальцев. Ощувив во рту маслянистую каштановую мякоть, я поняла, насколько была голодна. Сейчас бы чего-нибудь посуше пожевать: хлеба и мяса, можно и без хлеба, но с вином или даже не с вином. Пить захотелось до обморока, о чем я и сообщила лорду-шуту самым решительным образом, закашлявшись и колотя себя по груди.

Его лордейшество, видимо, на такое развитие допроса не рассчитывал, поэтому, быстро посмотрев по сторонам, принес мне из смежной комнатенки умывальный кувшин, в котором еще оставалась вода, уже через минуту перелившаяся в мое исстрадавшееся горло.

- Спрашивайте, - милостиво разрешила я, отдуваясь.

- А ты ни о чем спросить не хочешь?

- А мне будет позволено?

- А почему бы и нет?

- Может, потому, что допрашивают именно меня, а не вас?

Мармадюк вздохнул, признавая поражение в игре «Отвечай вопросом на вопрос, пока собеседник не дойдет до белого каления»:

- Тогда для начала поведай мне об этом предмете.

Я проследила взглядом, обнаружив на столешнице свою волшебную стрелу.

- А вот герцог Турень, - начала я осторожно переводить беседу в безопасное русло, - это же батюшка достойного лорда Анри, моего соратника по черному крылу? И тучность у них, видимо, передается по наследству из поколения в поколение? То-то мне стать достойного лорда показалась до боли знакомой...

Мармадюк покачал головой и указал подбородком на стол. Я замолчала, лихорадочно придумывая варианты ответов. Про королеву я сказать не могу, просто не могу. Я поклялась! А дворянское слово, знаете ли, дорогого стоит. Но промолчать - тоже не выход. Так я выставлю себя воришкой, дворянского звания попросту недостойным.

- Это стрела, мой лорд, - промолвила я наконец.

Мармадюк поморщился, я продолжила.

- Судя по всему, вы допросили служанку, которой я вверил сей артефакт...

- Чья на ней кровь?

- Немного моей, но... - Я сглотнула, во рту было сухо и горько. - Когда я вышел от вас, мой лорд, на меня напали. От смерти меня спасла эта стрела.

- Кто напал?

- Не знаю, когда мне удалось освободиться, разбойник скрылся. Но это произошло не впервые, меня уже избивали похожим образом.

Покашливая и сглатывая, я поведала лорду-шуту об обоих своих сражениях.

Интереса в черных глазах Мармадюка не читалось, он кивнул почти рассеяно, тронул кончиком пальцев древко, затем задумчиво произнес:

- Эта информация неплохо сосчитается с той, что нам уже удалось узнать. Эта стрела, любезный Цветочек, названа была ее создателем - «последний довод».

- Вы имеете в виду канцлера Этельбора? Великого колдуна?

- Именно. Подразумевалось, что в безвыходной, смертельной ситуации капля крови владельца высвободит всю волшебную силу, скрытую в стреле, и направит ее против врага. Последний довод...

- И мой враг...

- Жан Батист де Краон, чей труп мы обнаружили несколькими часами ранее за дровяным сараем у миньонских казарм.

Я вспомнила лорда де Краона, краснокамвольного миньона, с которым пересекалась от силы раза полтора в жизни.

- Он мертв?

- Мертвее некуда. Последние доводы, знаешь ли, примерно так и выглядят.

- Мне показалось, что в этот раз меня хотели не проучить, а именно лишить жизни. Я не знал обо всех свойствах этого артефакта, лишь о том, что стрела всегда попадает точно в цель. Мне сказали только об этом...

Слова звучали довольно жалко, ими я пыталась задавить чувство вины. Я убила человека. По незнанию или по неосторожности, но суть дела от этого не менялась.

- О желаниях де Краона ты теперь никогда не узнаешь. - Мармадюк, кажется, сознательно сыпал мне соль на раны. - А теперь о главном: кто дал тебе стрелу Этельбора и научил ею пользоваться?

Внутренности скрутило неожиданным спазмом, я схватилась за живот.

- Этого я не могу вам сказать!

- Четверть часа, Цветочек. - На столешнице появились песочные часы.

- Простите?

- Соображай быстрее, граф. У меня нет времени на твои детские увертки, и, как человек старой школы, я вынужден был прибегнуть к жестким мерам. Тебя нисколько не насторожило угощение во время допроса?

Еще один спазм.

- Вы отравили меня, мой лорд?

- Именно, чудесным старинным ядом, действие которого активируется предварительным разогревом. Чертоги Спящего уже приоткрыли для тебя створки парадных врат. Если ты туда не торопишься, - шут протянул ко мне раскрытую ладонь, на которой что-то лежало, - я дам тебе противоядие. Но лишь в том случае, если немедленно услышу правду.

Я покачала головой, демонстрируя растерянность, а вовсе не твердость, кашлянула, вытерла рот манжетой и уставилась на кровь, замаравшую некогда белый шелк. Невозможно! Это даже не коварство, а подлость! Мармадюк! Я так верила вам! Мне показалось, что я слышу звук сыплющихся песчинок.

Мой лорд смотрел на меня блестящими черными глазами, и читалась в них скука вперемешку с брезгливостью. Ты дурочка, Басти. Ты почему-то решила, что жизнь при дворе похожа на сказку, где за каждое хорошее дело тебя ждет вознаграждение. А

теперь представь, что в этой сказке вовсе не ты главный герой. Ты – пешка в шахматной партии, фигура, использование которой обеспечит продвижение вперед фигур более сильных.

Я всхлипнула:

- Предпочитаю умереть.

- Чтоб встретиться в чертогах с де Краоном и узнать, что же именно он имел в виду, надевая тебе на голову мешок?

- Вы же не ожидаете, что я рассмеюсь этой остроте?

Я откинулась на спинку, забыв, что сижу на табурете и, разумеется, рухнула на пол.

- Осталось десять минут.

Тогда даже подниматься не буду. Я легла на бок, сквозь красноватую пелену любясь острыми носками туфель Мармадюка. Они были неподвижны.

- Кто, Цветочек? Кто дал тебе стрелу?

- Я дворянин, мой лорд, и не нарушу клятвы даже ценою жизни, – положив под щеку ладошку, я прикрыла глаза.

- Пять минут. Кто?

- Встречаются как-то на кладбище шут, менестрель и... дворянин. И последний говорит... Я вам ничего не скажу...

И прекрасные волшебницы, королевы фей Нобу и Алистер, подхватили меня в невесомые объятия и закружили в чародейском танце, увлекая за грань жизни. Чернота перед глазами разбавилась багровыми всполохами, боль, терзавшая внутренности, отступила и забылась. Все прекрасно, все хорошо, все удивительно... В чертогах Спящего пахло сандалом. Это было все, что я могла ощутить, умерев, ну еще резкую боль в затылке, которым меня приложили, перенося через порог.

- Двести мокрых фаханов! – ругнулась одна из волшебниц мужским голосом.

- Что вы позволяете себе, лорд Мармадюк? – взвизгнули издалека.

Потом вступил еще один голос, а я утомилась вслушиваться и приоткрыла один глаз. Конечно же, это были не чертоги Спящего, а предположим, покои ее величества королевы Ардерской. Потому что была здесь королева – одна штука, поднявшая глаза от вышивания, нарядные дамы количеством семь и пылающий камин, источающий тот самый сандаловый аромат, который привел меня в чувство.

Королева Аврора сказала:

- Подготовьте ванну, леди Сорента...

- Приветствую прекрасных леди, – сказала я.

- Прекрати сопеть мне в шею, – сказал Мармадюк. – Щекотно.

Одновременно до меня донесло:

- О Спящий, – набожно произнесенное звонким девичьим голосом.

Потом глаза опять заволкло алым, меня куда-то потащили, опустили, приложив затылком, чьи-то нежные ручки потянули завязки сорочки на груди.

- Оставьте, – велела королева, – я лично займусь нашим мальчиком.

Их мальчик постанывал и боролся с рвотными позывами, а затем охнул, ощутив, как его многострадальное тело погружается в горячую ароматную воду.

- Чем ты его отравил?

- Тиририйским желудем. - Мармадюк говорил прерывисто, откуда-то издали. - Помнишь эту милую штуку, которую любили добавлять в крем-супы неугодных вельмож во времена Ригеля Безумного?

- Четверть часа, - булькнула вода, видимо, в мою ванну добавляли некие эликсиры, - позже противоядие уже не подействовало бы.

- Он долго мне противился.

- А в результате?

- Предпочел смерть бесчестию.

Они помолчали, затем Аврора спросила:

- У тебя остались еще желуди?

- Да.

- Их нужно растолочь и добавить в тигель, это ускорит процесс. Отравы уже в крови, лучше будет выводить ее через поры.

- Шерези выживет?

- Непременно. И ему очень пойдет адамантовая звезда миньона, которую ты вручишь ему вместе с извинениями.

На этой сладостной ноте я уснула.

В покоях ее величества я провела четыре дня, не выходя наружу и не общаясь ни с кем, кроме королевы и семи прекрасных фрейлин. Разоблачаться при посторонних мне не пришлось. Первую ванну я приняла прямо в одежде, а затем, когда слабость немного отступила, получила на смену огромный длиннополый шелковый халат, в который и заворачивалась, когда наступало время трапезы. Я много спала под шелковым королевским балдахинном и очень мало говорила, послушно принимая какие-то горькие настойки и без сил откидываясь на подушках после любого движения. Ее величество время от времени трогала мой лоб, а один раз даже поцеловала его, склонившись над постелью. Где проводила ночи сама Аврора, я не знала, ее спальня была в моем полном распоряжении постоянно, как и смежная с нею гардеробная с глубокой ванной и клозет. Утром пятого дня я смогла встать с постели самостоятельно, а леди Сорента принесла мужскую одежду. Камзол был лиловым и расшитым жемчугом. Я переоделась в гардеробной. Коко-де-мер занял свое законное место, но доставил мне некоторое неудобство. От горячей воды он покорежился и даже треснул, в чем я убедилась после извлечения его и тщательного осмотра.

Я подняла глаза к зеркалу - огромной полированной медной пластине, закрепленной на глухой стене комнаты. Я был бледен и задумчив, лиловый цвет шел мне невероятно. Бастиан Мартере граф Шерези - красавец и миньон ее величества королевы Авроры. Говорила я в эти дни мало, зато слушала много и складывала обрывки услышанного в довольно занятные конструкции.

Все молодые люди, пострадавшие во время пожара в миньонской казарме, были живы, все, кроме одного. И именно он, ныне покойный Жан Батист де Краон, был повинен в этом преступлении. Мармадюк развил бурную поисковую и допросную деятельность и добился правды. Он нашел какого-то пажа, который что-то видел, затем другого, который что-то слышал, затем королевские медикусы сопоставили время смерти наследника Краонов со временем, когда я покидала покои лорда-шута, и осмотрели глубокую колотую рану в основании шеи, послужившую причиной смерти. Дело выглядело следующим образом: де Краон ненавидел меня всем сердцем, многие слуги слышали, как он грозился показать поганому выскочке Шерези, где его место, и пытался мне вредить в меру своего разумения. В ход шли грязные сплетни, о которых я даже не догадывалась, мелкие пакости, которых не замечала, и то самое первое нападение, во время которого мне пообещали выбить зубы. Кроме меня несчастный убийца ненавидел всех и вся, в его голове засела мысль, что только он достоин величия и привилегий, а все

прочие – лишь помеха. Где де Краон раздобыл смертную бледь, фейский ядовитый порошок, запрещенный во всех пяти королевствах, выяснить не удалось, но именно этот яд был впоследствии обнаружен в камине миньонской казармы. Де Краон всыпал туда порошок, запер двери и окна и отправился отлавливать остальных соперников поодиночке. Спящих миньонов спасло лишь то, что ставни одного из окон оказались неплотно задвинуты. А меня спасла стрела. Об этом не говорили, но я-то знала, что без этой малышки дело закончилось бы очень быстро. Слухи заверяли, что отважный Шерези остановил убийцу, отважно сражаясь, и в этом бою пострадал. И именно эта графская отвага привлекла к нему сердце ее величества. Теперь королева Ардеры выхаживала всеобщего спасителя в личных покоях, а прочие пострадавшие отлеживались в госпитале под присмотром братьев-медиков. Когда он придут в себя и придут ли вообще, не знал никто. Смертная бледь недаром находилась под запретом, противоядия против нее человечеству известно не было. Медикусы бились над его рецептом, хабилисы шерстили старинные фолианты королевской библиотеки, но пока безрезультатно.

– К вам посетитель, граф, – из спальни возвестила леди Сорента.

Я взвесила на ладони покореженный коко-де-мер и еще раз взглянула в зеркало. Длинный, до середины колена камзол в любом случае скрывал бы графское мужское достоинство, так что в подчеркивании оно смысла не было.

В спальне ждал меня лорд-шут.

– Как ты себя чувствуешь, Цветочек?

Волосы Мармадюка за прошедшие дни отросли и теперь топорщились на голове, как хохолок птицы.

– Преданным? – ответила я задумчиво. – Подвергнутым поруганию от некогда любимого учителя и преданным.

– Любимого?

– У вас, мой лорд, некая избирательная глухота? Одно слово из десяти проникает в вашу голову через уши?

– Нет уж, погоди, Шерези, – шут хитро глянул на леди Соренту, топтавшуюся у кровати, и улыбнулся, – ты сказал, любимого учителя. Из чего я могу сделать вывод, что приглашен побороться за твою преданность с самой королевой.

– Я еще сказал – «некогда», и именно это слово в моей фразе было главным, мой лорд.

– Ну что ж, – он вздохнул сокрушенно, – что сделано, то сделано. Должен принести тебе извинения и...

Из-под полы кафтана появился футляр, я замерла, предвкушая, как получу свою звезду.

– ... преподнести тебе, мой любимый все еще, а не некогда, ученик, этот небольшой извинительный подарок.

Крышка футляра отщелкнулась, внутри лежала стрела. Я разочарованно фыркнула.

– После того как ты активировал сей артефакт своей кровью, – не замечая моего разочарования, продолжал Мармадюк, – я не смогу использовать его, такие вещи привязываются однажды и навсегда, по праву первой крови, как пугливая девственница к первому, кто...

На этом месте цветистого пассажа леди Сорента покинула спальню, прижимая к щекам ладони.

Я проводила ее взглядом.

– И теперь вы дарите мне негодную вещицу?

– Во-первых, не негодную, а бесполезную именно для меня. Она защитит тебя, Цветочек,

будет тебе послушна и всегда будет доводить начатое до конца. Ты пожелал поразить де Краона, и она совершила это, перебив ему артерию, даже не будучи выпущенной из лука. А во-вторых, неблагодарный щенок, я согласен забыть, что ты вероломно похитил принадлежащую мне вещь, что будет моим вторым подарком.

Ох! Про воровство я как-то позабыла! Хотя Мармадюк-то прекрасно теперь знает, кто и при каких обстоятельствах мне ее подарил, не может не знать. Но раз его шутейшеству угодно продолжать притворяться, я не буду ему в этом препятствовать.

- Благодарю, мой лорд, - я поклонилась, сложив руки перед грудью.

Коко-де-мер мешал сомкнуть пальцы как полагается, но я очень старался. Или старалась... Или... Святые бубенцы, кажется, даже в мыслях я начала называть себя в мужском роде! Я теряю женское естество? Может, во время болезни я пропустила ночь, которую должна была провести без волшебного пояса? Может, владычица Нобу, покровительница вод и тьмы, теперь накажет меня за это?

Я тщательно пересчитала дни, мысленно загибая пальцы. Да нет, все в порядке, время терпит. Правда, место, где я смогу разоблачиться и провести ночь пред черным ликом своей феи-покровительницы, еще предстоит отыскать. Купальня для этих целей не подойдет. По слухам, весь двор и пристройки, где размещалась миньонская казарма, теперь заперты. Отрава там въелась в стены и в почву, и пройдет немало лет, прежде чем находиться на этой территории будет безопасно для человека.

Но о месте я подумаю потом. Сейчас есть другие дела.

- Где моя звезда, мой лорд?

Мармадюк посмотрел на меня удивленно:

- Какая звезда, Цветочек? Мы, кажется, еще не в таких с тобой отношениях, чтоб дарить тебе звезды.

- Ах, - отринув мысль, что фраза королевы прислышалась мне в бреду, я грозно сдвинула брови, - извинения я получил, к ним полагается алмазная звезда. Также мне хотелось бы узнать, где находятся мои друзья, с тем чтоб немедленно с ними увидеться, а также я требую от вас...

Паж Дэни ван Сол, проскользнувший в спальню бесшумно, как марево, и протянувший лорду-шуту некий свернутый в трубочку документ, видимо, избавил меня своим появлением от выслушивания глумливых замечаний. Мармадюк пробежал строчки глазами, шумно втянул воздух, будто ощутив его недостаток, и молча зашагал к выходу. Уже от двери он обернулся и кисло велел ван Солу:

- Отведи графа в его покои.

Одновременно он взмахнул рукой, я пригнулась, но не смогла избежать столкновения с крошечной коробочкой, обтянутой лиловым атласом. Коробочка стукнула меня по лбу и откатилась, мягко упав на ковер.

- Святые бубенчики! - ругнулась я.

- Извини, - точно таким же раздраженным тоном ответил лорд-шут.

Он отвернулся, а я, доведенная до белого каления, запустила в его спину коко-де-мером, ну просто потому, что до сих пор держала в руках и мужское достоинство, и футляр со стрелой, а стрелу мне было жалко.

Мармадюк, ловкая бестия, перехватил орех в полете и покинул нас, даже не обернувшись на пороге. Старый фахан! Мерзавец! Осел! Козел! Попугай! Чтоб ты подавился!

- Вы готовы следовать за мной, граф? - спросил меня ван Сол, поднимая с пола коробочку и протягивая мне.

- Открой! - велела я. Руки дрожали, грудь вздымалась, а в висках проколачивала себе

путь наружу стайка трудолюбивых дятлов.

На белой атласной подложке лежала подвеска. Когда я мечтала об алмазной королевской звезде, она представлялась мне покрупнее и более лиловой. Ну, согласитесь, странно мечтать о фиалочке размером с ноготь большого пальца? Дэни моего разочарования не разделял. Он с таким благоговением уставился в коробочку, будто зрил там лекарство от всех болезней с камнем бессмертия до кучи.

- Где это подразумеваться носить? - спросила я, нарушая величие момента. - В волосах? На груди?

Я ринулась в гардеробную, отложила стрелу на призеркальную полочку и достала звезду, ограненный пятиконечный кристаллик в изящной серебристой оплетке. Работа ювелира была достойной, более чем достойной. В проволочное ушко над одним из лучей звезды было вдето нечто вроде колечка. Видимо, туда следовало пропустить кованую цепочку или нарядную ленту.

Я приложила кристалл к груди, на лиловом камзоле алмазная звезда попросту терялась. Современная мода, предписывающая мужчинам украшать свои одежды, сыграла с нею злую шутку. Лучше всего алмаз смотрелся у волос, у моих черно-пурпурных локонов, цветом которых я и моя матушка немало гордились.

Я поднесла награду к самым глазам. Колечко оказалось разъемным, достаточно было поддеть его ногтем, чтоб серебряное звено расщелкнулось.

- В Дювали обучают мужчин обращению с иглой? - спросила я почтительно ожидающего ван Сола.

- Простите?

Мужчины! Ардерские тугодумы! Я сокрушенно вздохнула. Мои швейные принадлежности лежали здесь же, на полочке в гардеробной, на них я и указала:

- Дэни ван Сол, лорд Дювали, будьте любезны достать из этого свертка самую тонкую и длинную иглу, затем прокалить ее острие над огнем свечи, которую следует предварительно зажечь... Я не слишком быстро говорю, вы успеваете за ходом моей мысли?

Видимо, в наших отношениях с пажом что-то безвозвратно изменилось, он первым обратился сегодня ко мне на «вы», я решила последовать его примеру.

Дэни кивнул:

- Граф желает, чтоб я шил?

Я закатила глаза под лоб и опять вздохнула:

- Граф желает, чтоб вы прокололи ему мочку уха. Потому самостоятельно граф этого сделать не может, руки его дрожат вследствие болезни, и он опасается, что не получится приложить достаточно усилий.

- А над огнем держать зачем? - Ван Сол уже зажигал свечу.

Я пожалала плечами. Моя фея, дарующая имена Илоретта, всегда настаивала, что это очень важно - предать сталь очистительному огню, прежде чем втыкать ее в живого человека.

- Если огня рядом не окажется, дочь моя, - говорила она, сверкая алыми, похожими на огонь глазами, - воспользуйся магией хмельной воды, но тогда смочи в ней не только иглу или нож, но и края раны. Если бы графский лекарь, латавший потроха твоего батюшки после той памятной охоты, когда его распорол дикий вепрь, последовал моим наставлениям, нам не пришлось бы расставаться с графом так рано. А тебе не пришлось бы изображать из себя наследника и мужчину. И вообще, многое могло бы сложиться совсем по-другому.

Об этом я пажу, разумеется, не поведала, ограничившись общим наставлением.

Руки ван Сола дрожали посильнее моих, когда он поднес иглу.

- Подождите, так дело не пойдет.

Я подвинула к зеркалу табурет, села на него, стянула волосы в плотный хвост, чтоб ни один волосок не выбивался наружу.

- Не бойтесь, крови не будет.

Я хотела уточнить, что не будет, если он не промахнется, но решила не пугать мальчишку еще больше.

Дэни склонился надо мной, я зажмурилась. Боль была резкой, но быстро закончилась, ван Сол вытащил иглу, приложил к горящему уху смоченный вином носовой платок.

Я покряхтела, подышала открытым ртом, затем, рассудив, что дело сделано, а ходить просто с дырявым ухом мужчины и дворянина, скорее всего, недостойно, вдела в свежую ранку колечко алмазной звезды.

Идеально! Мочка, конечно, слегка распухла, но через пару дней вернет себе исходный размер и цвет, особенно если мне удастся избежать нагноения. Не забыть бы вечером обработать ранку хмельной водой да покрепче, не дювалийским молодым вином, а например огненным доремарским эликсиром, после глотка которого меняются в лице и задерживают дыхание даже опытные ветераны.

В зеркале я встретила взгляд пажа, восхищенно-завистливый, но скорее добродушный, чем злой. Дэни кривовато улыбнулся, живо напомнив мне другого дювалийского лорда, о существовании которого мне хотелось бы уже забыть, и распустил завязку в моих волосах, локоны рассыпались, обрамляя мое бледное лицо, оттеня алмазную королевскую звезду в мочке левого уха.

- Если вас выгонят со службы, лорд Дювали, - добродушно подначила я мальчишку, - вы вполне сможете зарабатывать себе на жизнь прокалыванием ушей всем желающим.

- Боюсь, граф, в таком случае я умру с голода, в Ардере не найдется много желающих подвергнуть свое тело подобному надругательству как среди мужчин, так и среди женщин.

- Ах, мой юный друг, - проговорила я с видом донельзя умудренным, - поверьте Бастиану Мартере графу Шерези, миньону ее величества, что очень скоро во всех цирюльнях и банях Ардеры процедура прокалывания ушей станет самой модной и востребованной.

Так я стала миньоном. Без многоступенчатых испытаний и экзаменов, без честной борьбы, просто оказавшись в нужное время в нужном месте. Наверное поэтому особого удовольствия в этот момент я не испытывала.

- Я провожу вас ваши покои, граф, - сказал Дэни.

- Проводи меня в королевский госпиталий, - сказала я, - покои подождут, я должен навестить Патрика лорда Уолеса, моего лучшего друга.

Лорд Мармадюк вбежал в свои покои, привычно спугнув своим появлением стайку фрейлин.

- Что опять стряслось? - Ее величество отвела взгляд от портрета Этельбора и поднялась из кресла, установленного напротив этого самого портрета.

Комната блистала чистотой и каким-то очень дамским уютом. Многослойная постель на ложе была аккуратно застелена меховым покрывалом, все доступные поверхности сверкали, лишённые привычных вековых залежей пыли, на столе появилась ваза с источающими аромат розами. Рядом на расстеленной рогожке стоял цветочный горшок, наполненный землей, видимо, в него собирались подсаживать розовые отростки. Если бы граф Шерези видел сейчас эти перемены, его любопытство о том, где проводит ночи Аврора, оставив за ним свою спальню, было бы удовлетворено. Где в результате этого

обмена проводил ночи сам шут, так и осталось для всех загадкой.

Шут желал поговорить с ее величеством с глазу на глаз, о чем и сообщил без слов, быстро шлепнув ближайшую фрейлину по обтянутому атласом заду.

- Плебей! - успела взвизгнуть дева, увлекаемая за дверь стайкой товаров.

- Еще какой, милая, - согласился шут, подмигнув красотке и даже получив взамен несмелую призывную улыбку.

«Как все же развращает юные души и неокрепшие умы жизнь при дворе, - подумал он сокрушенно. - Еще полгода назад дело закончилось бы пощечиной и вызовом на дуэль от родственника оскорбленной леди. А что теперь? Теперь мне раздадут авансы».

- Так что там? - поторопила его королева.

- Всеобщее падение нравов, - ответил Мармадюк, - свидетельствующее о...

О чем это свидетельствовало, шут придумать не удосужился.

- А ты стареешь, мой дорогой, - Аврора обняла себя за плечи и опять опустилась в кресло, - в прежние времена ты бы успел условиться о свидании с этой крошкой.

- Чтоб сразу после оногo немедленно жениться на невинной овечке под занесенным клинком ее родича? Ну уж нет, дорогая, не настолько я стар, чтоб променять свободу на ад супружества. Кстати, об аде. - Мармадюк бросил на колени своей повелительницы свернутый трубочкой документ. - Доманское посольство почтит нас ровно через семь дней.

- И именно это вызвало твою тревогу?

Аврора давным-давно привыкла к порывистости своего друга, поэтому на невежливый жест никак не среагировала.

- А тебе не кажется, что все у нас складывается одно к одному? Сначала кто-то убивает в столице фею, затем покушается на миньонов, и вот в этот дивный момент доманцы проявляют к нам дружелюбный интерес и участие.

- Они ничего об этом не узнают, - отмахнулась королева, - подумаешь, посольство. Ну организуем бал, откроем винные погреба. Что это у тебя в руке?

Мармадюк посмотрел:

- Какой-то плод или семя, а может, орех?

Аврора приподнялась, вытянув голову:

- Какая забавная форма. Но он, кажется, поврежден?

- Он готовится прорасти, - уверенно отвечал Мармадюк и, пройдя через комнату, опустил коко-де-мер в приготовленный под розовую рассаду горшок. - Скоро мы узнаем, чем мне предлагалось подавиться.

Последнюю фразу королева не поняла, но уточнять ее значение не стала, углубившись в чтение.

Через некоторое время, когда шут закончил посадку дивного плода, а королева - чтение, она произнесла:

- Кажется, ты прав, мой дорогой. Это непростое посольство. Послание это не выглядит таким уж свежим, скорее заготовкой, пущено в ход при удобном моменте.

- Это все, что тебя насторожило?

- Состав, - Аврора кисло улыбнулась, - Рамос и Перес - благородные доны, коим доверено посольство, нам с тобой давно известны.

- Как лучшие доманские шпионы и интриганы, каких поискать. - Мармадюк вытер ладони о колени и подошел к своей королеве. - А у нас нет времени выяснять, что за авантюру задумали доманцы на этот раз. Нам нужно искать противоядие для твоих мальчиков и призвать в столицу лорда Краона для опознания тела наследника.

- Тебе тоже пришла в голову мысль о подмене?

- Это возможно, - кивнул шут. - И облегчило бы наши поиски представителя золотой кости, убившего фею.

- Я сегодня же лично напишу лорду Краону, - сказала Аврора. - Мы будем ждать его в Ардере в конце следующего месяца. Поиски противоядия пока отдадим на откуп лекарям и ученым, а приемом посольства придется заняться тебе. Доманцы не должны догадаться ни об одной из наших бед. Это будет непросто, наши придворные болтливы сверх меры. Кстати, чем занят ван Хорн после нанесенного ему поражения? Его я вижу самым слабым звеном в цепи нашей защиты.

- Он затаился, - отвечал Мармадюк. - И это тоже меня тревожит.

В комнату, кланяясь, вошел Дэни ван Сол с очередной кипой документов. Королева разложила их на столе, подвинув рогожку.

- Ты обустроил Цветочка в миньонских покоях? - спросил Мармадюк пажу.

- Нет, граф предпочел отправиться в госпиталий, где предался эпичной скорби над бесчувственным телом Патрика лорда Уолеса.

- Эпичной?

- Он рыдает, как девчонка, и даже, кажется, со слезами, - сообщил ван Сол. - Лекари опасаются уже и за его здоровье, поэтому прежде чем отправиться сюда, я забежал в миньонские покои и направил в госпиталий лордов Виклунда и Доре для оказания дружеской поддержки.

- Хороший мальчик, - решил шут.

И хотя лорд Мармадюк не уточнил, кого именно из мальчиков, Цветочка Шерези или Дэни ван Сола он имеет в виду, паж принял похвалу на свой счет и мило покраснел.

Глава 3

Черное полнолуние

Патрик лорд Уолес был самым красивым мужчиной в пяти королевствах. Даже сейчас, лежащий неподвижно на койке в госпиталии, бледный, измученный, почти бездыханный, он был красив. Его тонкие четкие черты лица, белоснежная кожа, золотистые волосы так и просились на эпичное полотно, которое я назвала бы просто и емко – «Скорбь». Скорбь была моя и она была безгранична.

До госпиталя я была в порядке, даже в неплохом настроении, потому что исполнение мечтаний обычно повышает настроение счастливец. Я стала миньоном – это ли не повод к радости? Я и радовалась, пока тихонько, потому что для полномасштабной радости мне были необходимы зрители, но радовалась. А потом меня ввели в длинный сводчатый зал, так похожий и не похожий на миньонскую казарму. Два ряда кроватей с неподвижными телами на них. Тяжелая тишина и тяжелый запах каких-то лечебных благовоний. Я замедлила шаги, рассматривая неподвижные лица своих друзей и приятелей. Эжен Лятре, Жан Алари, Анри Турень... Я знала их всех, имя каждого я могла назвать и называла, шепотом, сглатывая слезы, а на имени Патрика они хлынули неудержимо. Если бы я послушалась тебя, дружище, если бы осталась с вами вместо того, чтоб танцевать на балу с проклятым Гэбриелом, все сложилось бы иначе. И было бы гораздо лучше, лежи я сейчас на соседней койке, такая же бездыханная. По крайней мере, тогда меня не терзала бы боль потери.

Я рухнула на колени, опустив лицо, дурацкая стрела мешала, и я отбросила в сторону постылый артефакт лорда Этельбора. Братья-медикусы, поначалу отнесшиеся к моей скорби с пониманием, быстро утомились, попытались успокоить меня, бедняга паж тоже внес свою лепту, но все было бесполезно.

– Возьмите себя в руки, лорд Шерези.

Глумливый голос заставил меня поднять голову. Надо мною стоял Гэбриел ван Харт.

– Это все из-за тебя, – всхлинула я. – Ты виновен в том, что мой любимый... друг... в том, что Патрик...

Я и раньше замечала, что стоит обвинить в своих бедах не себя, а кого-то другого, беды становятся не такими глобальными и вполне переносимыми. Ван Харт этой хитрости, видимо, не знал, потому что на его лице, по крайней мере, на той половине, которую не украшал шрам и которую мне удалось рассмотреть из своей коленапреклоненной позы, читалось недоумение.

– Смертная бледь, которой вы надышались в казарме, граф, не лучшим образом повлияла на ваш ум.

Действительно, что это я? Нашла кому и что предъявить! Нас же так мало осталось. Всего четверо из полутора сотен, четверо храбрых миньонов нашей королевы! Я всхлинула, теперь умильно, и обняла лорда ван Харта под коленями. Тот, разумеется, попытался шагнуть назад и, разумеется, упал на спину, не в силах сдержать напор моих дружеских чувств. Так мы и барахтались в межкроватьном пространстве, пока не были извлечены оттуда лордом Виклундом.

– Совсем наш Цветочек расклеился, – сокрушался великан, забрасывая меня себе на плечо. – Простите моему другу несдержанность. Старые раны....

– Его настроение меняется, как направление ветра, – негромко бормотал Станислас. – Если бы Басти был женщиной, я бы сказал...

– В этом случае я бы очень удивился, – сказал Ван Харт, – увидев на нем алмазную звезду.

– Неужели? – Виклунд перехватил меня под мышками, повертел, как тряпичную куклу, из стороны в сторону. – Действительно. Ай да граф, ай да наш жеребчик.

И мужчины заржали, неявно продолжив лошадиную тему беседы.

- Поставь меня на ноги, - велела я громко и потянула носом.

- Обещаешь не драться?

- И не лезть к окружающим с объятиями?

- И объяснить, каким образом тебе удалось разделить ложе с ее величеством?

- Драться не буду, объятия мои вам придется заслужить, а что касается вашего последнего вопроса, - оказавшись на полу, я покачнулась на каблуках и обвела всех троих собеседников грозным взглядом, - вынужден заметить, что считаю его недостойным мужчины и дворянина и оставляю его без ответа.

Я их пристыдила, Станислас даже покраснел и потянулся за спину к своей мандолине.

Мы были у кровати Патрика, я сокрушенно вздохнула, поправила краешек простыни на груди лорда Уолеса и обратилась с вопросом к ближайшему брату-медикусу. Тот заверил, что состояние нашего друга не внушает опасений больших, чем об остальных, что уход за ним осуществляется с достаточным тщанием, что ничего сверх того, что могут предоставить ему в госпиталии, больному не требуется. Брат-медикус был знакомым, именно он присутствовал при моем эпохальном аресте, его звали Гвичи, и я уважительно обратилась к нему по имени. Брат Гвичи светло и грустно улыбнулся на это. Маменька моя, дай ей Спящий здоровья, всегда говорила: «Собственное имя, услышанное из уст человека, обличенного властью, звучит слаще музыки. Запоминай, дочь моя, как зовут арендодателей, слуг, кузнецов и кухарок, прачек и повитух. Так ты приобретешь власть не силы, но любви». Сейчас я заслужила пусть не любовь, но явно расположение маленького медикуса. Он тоже поправил простыню на Патрике, и я поняла, что времени теперь моему другу он будет уделять больше.

О стреле я вспомнила позже, когда мы с друзьями уже покинули госпиталий. Но как вспомнила, так и забыла. Возвращаться не хотелось, я опять разревусь, опять впаду в неистовство, а мой организм, только оправившийся от отравления, мог этого и не перенести. Я попросила разыскать этельборов артефакт встреченного в коридоре пажа, тот поклонился в ответ, уважительно рассматривая мое левое ухо с королевским адамантом. Явно повысившийся статус графа Шерези вызывал во мне удовольствие, а тревогу - то, что настроение мое действительно болталось из стороны в сторону, как флюгер на ветру.

Гэбриел ван Харт нас покинул, попрощавшись с Оливером и Станисласом, и друзья повели меня в наши покои.

Тысяча мокрых фаханов, какой стыд! Я вспомнила, как обнимала колени ненавистного ван Харта и мысленно застонала. Что за комичная нежность? И это сразу после вспышки яркой, как огонь, ненависти. Почему меня так треплет? Я никогда не страдала истериками, никогда. Я была нормальной спокойной девой, возвращенной на природе, хорошо и разнообразно вскормленной, иногда порывистой, но веселой и благодушной. Даже в эти дни, когда женщинам вроде как положено проявлять плаксивость и прочие дамские чудачества, я ничего необычного не ощущала. Неужели...

- Мне нужно сначала посетить библиотеку, - сообщила я друзьям.

- Что тебя там интересует? Древние трактаты об искусстве любви? - напел Станислас.

Я отвесила ему затрещину:

- Какие из сплетен о моем неожиданном возвышении успели достигнуть ваших ушей?

- Все, - сказал Виклунд, - и мы с доремарцем решили не верить им.

- Почему же? Некоторые из них довольно эпичны.

- И противоречат друг другу. - Станислас потер затылок. - В узилище мы видели, что ты не был ранен. И когда ты успел убить де Краона? До узилища или после?

- И как? - Оливер окинул критическим взглядом мою фигуру от адамантовой звезды до кончиков мягких кожаных сапог. - Не с твоими данными, Цветочек, людей убивать.

- Что за оскорбление!

- Убить-то ты, конечно, мог, – великан примирительно обнял меня за плечо и увлек по дорожке в сторону замковой библиотеки, – ядом, например, или зашутить до смерти, но в бою, любезный Шерези, у тебя не было шансов. Мы же знаем, что твоя победа над здоровяком Туренем...

Мне захотелось расплакаться от обиды. Ох, Шерези, что-то ты неправильно понял в объяснениях феи, дающей имена, или с арифметикой напутал. А еще опять стал называть себя в мужском роде. Святые бубенцы! Мне нужно узнать точную дату затмения! А бессмысленные оправдания только отнимают время и путают мысли. К чему я вообще эту ерундовую беседу начал? Скажи правду, Бастиан, просто скажи правду своим друзьям.

- Я поразил де Краона стрелой.

- Не похоже, – покачал белоснежной гривой Виклунд. – Где ты добыл лук? Или воспользовался арбалетом?

- Мне хватило руки.

- Невозможно! От удара стрела бы преломилась, в ране остались бы обломки. Лорд Мармадюк позволил мне осмотреть тело, артерия была рассечена чем-то длинным и острым, я ставлю на стилет, к тому же удар нанесен сверху и слева.

- И о чем это говорит?

- О том, что при вашей разнице в росте де Краону пришлось бы сидеть перед тобою на корточках!

- А если Басти поразил соперника в прыжке? – Станислас, видимо, принял в споре мою сторону, мысли об этом вызвали быстротечный приступ умиления.

- Он правша, наш Цветочек, – вздохнул Оливер. – Ничего не сходится.

Я выдохнула:

- Хорошо, Оливер лорд Виклунд. Клянусь, ты узнаешь всю правду во всех подробностях. Если немедленно отведешь меня в библиотеку и подождешь, пока я выясню там то, что меня в данный момент интересует!

Он кивнул. Это все? Так можно было? Просто попросить не морочить мне голову некоторое время?

- Ты уверен, что нас туда пустят? – спросил Станислас.

- А кто сможет остановить Бастиана Мартере графа Шерези, миньона ее величества?

Библиотечный служитель у дубовой конторки сначала не понял, что именно мне от него нужно.

- Астрономический матрикул Арриана? Вы уверены, лорд? Может быть, ваше любопытство вызвал труд некоего Адриана Алансонского? В названии также фигурируют звезды, а сюжет повествует о приключениях соратников Спящего лорда в местах, населенных мифологическими волшебными существами. Представьте, в экспозиции лорды Отвага и Честь после попойки...

Я, конечно, уважала низкие жанры, но четко помнила, что Патрик Уолес говорил мне о своем учителе. Арриан был великим географом и астрономом, и если уж он не подсчитал точные даты полнолуний, на других ученых мужей надежды мало.

- Благодарю вас, лорд-библиотекарь, за познавательный рассказ, – смиренно перебила я служителя, чтоб не слушать продолжение скабресной историйки. – Но меня интересует именно матрикул. Ее величество требует от своих миньонов глубоких знаний.

Он посмотрел на меня, я сдула со лба челку, качнула серьгой, привлекая его внимание к алмамантовой звезде.

Оливер и Станислав остались ждать нас у конторки, я же в сопровождении служителя углубилась в переплетение коридоров и коридорчиков, образованное шаткими, бесконечно высокими и длинными стеллажами.

Лорд-библиотекарь добродушно пояснял мне, следуя каким принципам, хранятся книги, посетовал на то, что искомый матрикул одолжить мне не сможет, а вот «Звездное путешествие» Алансонского выдал бы без малейших сомнений. Я вежливо отказалась, добродетельно закатив очи под самый лоб. Верхушки стеллажей терялись в высоте, меня слегка замутило от мысли, что в любой момент они могут рухнуть, став моей пыльной могилой.

– Здесь собраны труды, посвященные деяниям и легендам авалонских фей, – сообщили мне за очередным поворотом. – Все небесные явления нашего мира связаны с ними.

Коридор расширился достаточно, чтоб хватило места на стол с письменными принадлежностями и шаткий табурет при нем. Лорд-библиотекарь сверился с огромным фолиантом, лежащим на дубовой книжной подставке:

– Присаживайтесь, лорд Шерези. Вам будет дозволено делать записи.

По тону сказанного я догадалась, что мне только что оказали невероятную честь, поэтому изобразила лицом благоговение и благодарность. Открытого огня здесь не было, светильником служил мутноватый кристалл соли, установленный на столешнице и зажегшийся молочным светом, когда служитель поднес к нему ладонь.

Я села на табурет, ожидая, когда мне принесут искомое. За столом недавно кто-то работал. Чернильное пятнышко у светильника смазалось, когда я провела по нему пальцем. Прибрать за собой мой предшественник не удосужился. Я рассеянно поворошила стопку записок, видимо, черновиков. Взгляд выхватил имя Этельбора, какую-то сложную формулу, на уразумение которой моего обрывочного образования не хватало. На другом клочке быстрыми линиями некто изобразил генеалогическое древо, плоды которого обозначались лишь инициалами, заключенную в звезду буквы «А» с завитушками, в которых угадывался шутовской колокольчик. Все это было, конечно, любопытно, но не более того. «А» – это, скорее всего, Аврора, хотя бы потому, что вынесена она на дальнюю ветвь, да и колокольчик явно указывает на близость Мармадюка. Спросить, что ли, служителя о том, кто именно сидел здесь до меня? Но лорд-библиотекарь принес матрикул, и я отвлеклась.

Эпохальный труд являл собой всего шесть грязноватых кожаных листов, сшитых по корешку толстой нитью. Покойный учитель Патрика был мужем основательным и чуждым велеречивости. Список был именно списком, хотя и снабженным подробнейшими сносками. Три основных небесных тела – лорд Солнце, Нобу, Алистер. Полнолуния происходят раз примерно в двадцать восемь дней, разделенные то одной неделей, то декадой, в зависимости от времени года и высоты лорда нашего Солнца в зените. Так... Двойное полнолуние... Затмения, двойные затмения, тройные затмения. Шесть листов, двенадцать страниц, исписанных бисерными буквами. Я потянулась к стопке чистой бумаги: нужно изобразить календарь этого года и отметить на нем полнолуния.

Я углубилась в расчеты, лорд-библиотекарь переминался у книжной подставки с ноги на ногу.

– Обещаю вам быть осторожным, – попыталась я его успокоить.

– Вы что-то сказали? – Он отвел взгляд откуда-то из-за моей спины. – Ах, простите, лорд Шерези. Дело не в недоверии, просто в библиотеке строгие правила: древние и ценные труды мы не можем оставлять без присмотра ни на мгновение.

За спиной что-то зашуршало, я обернулась, в ужасе ожидая обрушения стеллажей.

– Это в соседней секции, – служитель юркнул в коридорчик, – продолжайте, граф, я все исправлю.

Легко ему было говорить, а граф покрылся холодным потом и не мог сосредоточиться, прислушиваясь, пока лорд-библиотекарь не вернулся и не заверил его, что все в порядке.

- Это была крыса, мой лорд.

Граф прислушался к себе: крыс он не боялся даже в своей странной, истеричной ипостаси.

Поэтому я кивнула и вернулась к матрикулу, к тому же работа моя близилась к завершению. Я действительно ошиблась при подсчетах, потому что изначально брала за основу астрономию, а не ту простую посконную арифметику, которую любая ардерская девушка осваивает примерно в четырнадцать лет (хотя моя шерезская подруга Мари, по ее словам, познала эту премудрость в двенадцать). С удивлением я узнала, что наши дамские неприятности связаны с темной королевой, а точнее с ее расположением на небосводе, что человеческому глазу невозможно рассмотреть все ее состояния. Арриан описал в сносках восемь фаз луны, связав их с особенностями женских тел. Я вознесла хвалу Спящему за то, что наделил он ученого мужа ясностью и простотой изложения.

Я отложила перо. Так, еще раз, теперь на пальцах. Мое тело, тело Бастианы, всегда имело связь с пятой ипостасью нашей черной королевы, с полнолунием. И сегодня, уже сегодня, она (не Бастиана, разумеется, а Нобу) начнет стареть, то есть убывать. Полнолуние было сегодня ночью, я его не видела из-за отраженного света другой луны – белоснежной Алистер. Что это значит? Все пропало? Ах, Илоретта, что ж не предупредила меня обо всех этих проблемах? Ах, Бастиана, что ж ты ее подробнее не расспросила?

Я смотрела на лист бумаги, но ничего не видела. Я нарушила условие, я не провела ночь полнолуния у воды и без пояса. Я буду покарана. Да что там буду... Я уже покарана. Я разговариваю сама с собой, называю себя в мужском роде, злобствую по любому поводу. Что дальше? Безумие от истерии? Потеря человеческого облика? Мучительная смерть?

- Вам нехорошо, граф?

Лорд-библиотекарь, на которого я и не смотрела толком до этого, оказался молоденьким и сероглазым. У него впереди была длинная интересная жизнь, в отличие от меня.

Может, я успею все исправить? Может здесь, в библиотеке, в секторе, где собрана вся информация о феях, я найду способ спастись?

- Какой сегодня день? – спросила я, просто чтоб не молчать.

- Пятнадцатый, – ответил библиотекарь без запинки.

Я закрыла глаза, выдохнула, мысленно вознесла хвалу Спящему, открыла глаза. Пятнадцатый! Не шестнадцатый. Полнолуние сегодня ночью. Сегодня!

- Благодарю вас. О, благодарю, любезнейший лорд.

Я вскочила с табурета, подхватила свои каракули, зашуршала ими, складывая руки перед грудью в нижайшем церемониальном поклоне.

- Позвольте мне узнать ваше благородное имя, мой лорд!

- Мы всего лишь слуги в храме знаний, граф, – улыбнулся библиотекарь, – имена и титулы нам не нужны.

Я его даже не дослушала, умчавшись к своим друзьям. Мне срочно нужно было найти место, где я проведу сегодняшнюю ночь.

Так, спокойно, граф, то есть бежать-то вы можете продолжать. Но вот скачушим галопом мыслям извольте придать стройность. Место! Каким оно должно быть? Уединенным, граф. Максимально безлюдным и тихим. Вы, как выясняется, абсолютно не готовы к таинству полнолуния, поэтому удвойте предусмотрительность. Может, пред ликом черной королевы тело бедняжки Бастианы трансформируется в нечто невообразимое? Может, процесс доставит вам такую нечеловеческую боль, что вы не сдержите крик или стоны? А может, вас обуяет безумие и вы отправитесь бродить по замку подобно привидению? Значит что? Значит, в «месте» должна быть дверь, и она должна закрываться на ключ, а не на внутренний засов, который вы в помешательстве вполне сможете отбросить. Эх, какая жалость, граф, что вы не рискнете посвятить в свою тайну

друзей! Как было бы удобно провести обряд под присмотром кого-то сильного вроде Оливера.

Я даже замедлила шаг, но потом тряхнула челкой и покачала головой. Меня перестанут уважать. Сразу и безоговорочно. Друзья прощают Цветочку некоторую эксцентричность, но не простят изначального обмана. Они, Оливер со Станисласом, прежде всего мужчины и дворяне, а уже потом мои друзья. И к тому же раскрытие одной тайны повлечет за собой целую горную лавину секретов, и не всегда моих. Я предаю королеву.

- Нашел свой партитур? - Лорд Виклунд посмотрел на листок в моей руке.

- Это называется матрикул. - Я засунула бумагу за отворот камзола. - Да, мое любопытство удовлетворено.

- И именно твое удовлетворение настолько тебя нервирует?

- Цветочек, да на тебе лица нет! - Станислас спрыгнул с конторки. - Ты узнал нечто ужасное? Куда теперь нам предстоит бежать в свете открывшихся тебе бездн?

Я посмотрела на доремарца, затем на великана. Нет, буду молчать до последнего.

- Не смею настаивать, друзья, но мне хотелось бы прогуляться в сторону миньонской казармы.

- Из-за денег?

- Каких еще денег?

- Которые ты зашил в свой матрас, Цветочек, и которые, возможно, до сих пор лежат там.

Если начистоту, меня больше интересовало, смогу ли я воспользоваться сегодня ночью купальней, своим прекрасно оборудованным тайным местом, но объяснение, предложенное мне любезнейшим лордом Доре, меня устроило.

Мы вышли из библиотеки. Граф Шерези с лордом Доре желали отправиться добывать мою кубышку немедленно, лорд Виклунд возражал, обозвав нас легкомысленными мальчишками. Оказывается, тайные вылазки делаются совсем не так, как мы, легкомысленные мальчишки, себе вообразили. Никто не позволит нам фланировать через кордоны стражи в места оцепления. Сначала надо все распланировать, затем добыть пропуск, чтоб не привлекать к авантюре болтливых шутов. На дело надо выдвигаться ночью, и, воспользовавшись тайным фонарем...

- Я восхищен вашим опытом, - перебила я лекцию по тактике, - лорд Виклунд, но я не собираюсь изображать лазутчика в королевском замке.

- Как вы предпочитаете действовать? - Оливер обиделся и тоже перешел на «вы».

- Как легкомысленный мальчишка!

За препирательствами мы незаметно подошли к приземистому строению.

- Теперь нам предписывается спать здесь, - сказал Станислас.

- В казарме пажей? Другого места у лорда Мармадюка для нас не нашлось?

- Это миньонская звезда сделала вас столь разборчивым, лорд Шерези? - Оливер все еще был обижен.

Требовалось срочно вернуть его расположение.

- Думаю, я смогу выпросить для нас лучшие условия, - начала я примиряюще, - давно вы здесь обитаете?

- Я рад, что вы наконец об этом спросили...

Мы прошли коридором, здороваясь со знакомыми и незнакомыми пажами, которые

сновали как муравьи, миновали их комнатенки, свернули, потом еще раз. Станислас толкнул дверь, тяжелую и снабженную засовом, за ней оказалась винтовая лесенка, по которой мы поднялись гуськом. Пригнуться пришлось даже мне, что уж говорить про Виклунда, который сложился почти вдвое, чтоб преодолеть ступени. Наверху оказалось еще две двери, менее массивные, левая была приоткрыта, туда меня и пригласили.

Мы оказались в спальне с двумя вполне приличными кроватями с балдахинами из плотного льна и узкой бойницей окна, у которого стоял одежный сундук.

- Здесь спим мы с лордом Доре, - сказал Оливер и присел на кровать.

- А я?

- А вам, мой юный друг, придется делить спальню с лордом ван Хартом.

- Оливер храпит, как дикий вепрь. - Станислас, кажется, хотел меня утешить.

- Так давай поменяемся?

- Хорошая попытка, Цветочек, - хихикнул доремарец, - но если выбирать, с кем ссориться, мне не хотелось бы лишиться расположения именно этого дикого вепря.

Ах так! Значит, теперь мы тут делимся на друзей и лучших друзей? Фаханы бесчувственные! Я не могу спать с врагом! Не могу и не буду! Только представив, что проведу ночь в комнате с Гэбриелом, я покрылась испариной. Они же знают, что он со мной сделал! Да как они могут требовать от меня... А Мармадюк? Хотя от него-то я привыкла ждать чего угодно. С некоторых пор его имя тоже в моей гипотетической книжечке врагов!

- А еще здесь нет клозета и умывальни, - продолжал Станислас, - так что...

- После покоев королевы блистательному лорду Шерези будет неудобно мочиться в окно, - ядовито продолжил Виклунд.

Я покраснела:

- Если вы, лорд Виклунд, решили окончательно порвать со мною дружеские связи, не стоит мелочиться. Желаете сразу вызвать меня на дуэль? Хотя о чем это я. Вы не сможете вызвать на бой дворянина, находящегося выше вас по статусу, просто потому, что вам этого хочется, вам нужен повод. - Меня замутило, желудок сжался, рот наполнился горькой слюной. - Что ж, извольте, тогда я вызову вас. Графу Шерези, миньону ее величества, повод не нужен.

Я подбежала к окну, оно оказалось закрытым решеткой, я поискала глазами умывальный таз, не обнаружила его и пискнула:

- Меня сейчас вырвет!

- Станислас! - скомандовал Оливер, доремарец выбежал из комнаты, а великан схватил меня за плечи и потянул к себе. - Ложись! Да не на кровать, дурень, на пол, боком ложись, иначе захлебнешься, вот так, дыши...

Я дышала широко открытым ртом, чувствуя, как по щеке стекает дорожка слюны. Прибежал Станислас с медным тазом, Оливер громыхнул крышкой сундука:

- Пей!

О зубы стукнулось горлышко бутылки, теперь по щеке тек обжигающий алкоголь.

Оливер ругнулся, сел на пол, положил себе на колени мою голову и принялся поить меня из бутылки, как кормилица чужого, но любимого младенчика коровьим молоком.

Полегчало мне минут через десять или после трети бутыли ядреного доремарского самогона, называемого почему-то эликсиром.

- Давно вас отпустили? - спросила я заплетающимся языком, склоненное лицо Виклунда я видела как в тумане.

- В тот же день, когда тебя отвели на допрос, а обратно не вернули.

Оливер приложился к бутылки, мне было видно, как дергается его кадык, когда в великаново горло полилась огненная влага.

- Мармадюк сообщил нам, что королева сделала свой выбор и что мы можем не ждать тебя в ближайшую неделю.

- Он меня отравил, - я икнула, - Мармадюк. Каким-то тирийским каштаном, а ее величество - вылечила.

- Надеюсь, лекарство было приятным? - Доремарец сидел на кровати и перебирал струны мандолины, поэтому вопрос получился напевным.

- Обычным, - пожала я плечами.

- Зачем? - Оливер оттолкнул мою голову с коленей, заставляя подняться. - Зачем лорд-шут тебя травил?

- Проверял мою стойкость, смею предположить. По крайней мере, именно так он оправдывался перед королевой. А может, действительно хотел уморить, но потом испугался.

- Мармадюк? - Виклунд хихикнул, как деревенская девчонка, которой сообщили о размере мужского достоинства ее кавалера более опытные товарки. - Да ему два десятка Цветочков немножко прибить - разминка перед завтраком! Испугался!

- Значит, это действительно была проверка, и я ее прошел. - Я села прямо, поджав под себя ноги, и потянулась к бутылке. - Дай глотнуть.

- Тебе хватит! - не дал мне выпивки Виклунд. - Тирийский желудь, желудь, Цветочек, а не каштан - штука, конечно, не особо мощная, но желудок тебе придется беречь еще месяца два.

- Ты знаешь этот яд?

- Конечно. Его ценят не за быстроту действия, а за вкус и еще за то, что он становится смертелен только при нагревании.

Я вспомнила, как Мармадюк доставал его из жаровни, и меня передернуло.

- А что именно лорд-шут хотел узнать? - неожиданно спросил Станислас.

Вот так всегда. Только я представляю окружающих добродушными простаками, они показывают мне фахановы рожки, намекая, что за каждой маской болвана прячется хитрый тип. Но, знаете ли, за личиной Цветочка Шерези скрывается тоже отнюдь не полевая фиалка.

- То, как мне удалось победить де Краона.

Я выдержала паузу и обвела присутствующих тяжелым взглядом.

- В ночь пожара мне в руки попал старинный артефакт, стрела, изготовленная самим чародеем Этельбором, носящая название «последний довод».

- Ты имеешь в виду последнего канцлера?

- Именно! Последний канцлер и последний довод! Неужели канцлер не может быть чародеем, а чародей - канцлером?

- Не отвлекайся, - велел Виклунд, - эту твою горячую манеру вводить разговор в бессмысленные споры мы уже прекрасно изучили.

- Последний довод активируется кровью. То есть я тогда об этом не знал, я думал, что артефакт поможет Станисласу пройти испытание в стрельбе. Ведь представьте себе, эта волшебная стрела попадает точнехонько туда, куда пожелает выпустивший ее из лука.

- Мне очень хочется рассмотреть это чудо поближе!

- У тебя не было лука, - напомнил мне Оливер, - когда ты повстречал де Краона. Кстати, где это было?

- На том же самом месте, где и в первый раз. - Мне показалось, что из-за приоткрытой двери потянуло сквозняком, но я продолжала быстро рассказывать: - Я шел в казарму, стрела была при мне, когда мне на голову набросили мешок, я упал и стрела оцарапала мне руку. Лорд Мармадюк считает, что именно капля моей крови оживила артефакт.

- Де Краон хотел тебя убить или просто испугать?

- Теперь я об этом не узнаю, но мне показалось, что... - Я быстро вздохнула и вытерла глаза тыльной стороной ладони, слез не было, ардерские мужчины не плачут. - Дальше стрела все сделала сама. Я нашел ее неподалеку, когда выпутался из мешка. Она была в крови, не моей, и также кровь была повсюду, видимо, де Краон ... пошел туда, где и умер.

- У окна казармы, его нашли у кухонного окна, он, скорее всего, пытался открыть ставню, и, допуская, именно эта щель позволила выжить всем нашим пострадавшим.

Я опять вздохнула.

- Ты претерпел такие муки, - пропел Станислас.

Ах, кто бы спорил, мне не хотелось. Оливер молчал, я посмотрела, разделяет ли он восхищение мною, пострадавшимися, но встретила пустой взгляд, великан прислушивался.

- Это вы, лорд ван Харт? - спросил он довольно громко.

- Я в спальне, лорд Виклунд, - донеслось издалека, - паж ван Сол передал для нас повеление от лорда Мармадюка предстать через час перед королевским советом.

- Кого именно «нас»?

- Одну минуту, лорд. - Голос приближался, сопровождаемый уверенными шагами. На пороге появился Гэбриел. - Перекрикиваться через переднюю несколько утомительно.

Он протянул Оливеру свернутый пергамент:

- Извольте сами прочесть.

Я смотрела на пергамент, на Виклунда, на таз, на решетку окна, на что угодно, только чтоб не встретиться взглядом с серыми глазами.

Оливер прочел:

- Твоя вылазка в казармы откладывается, Цветочек. Пред королевским советом должны предстать все четверо. Предлагаю посетить их после отбоя.

Фахан! На ночь у меня другие планы. И, к слову, никак не связанные с соседней комнатой, где будет ночевать сероглазый Гэбриел. Так чего я заранее испугалась? Если сегодня я справлюсь с черным полнолунием, буду пугаться завтра. Потому что, если не справлюсь, бояться мне придется совсем других вещей. Испытанное облегчение, видимо, отразилось на моем лице.

- Ты опять хочешь спорить, граф? - строго спросил Оливер.

- Если позволите, - протянул ван Харт, избавляя меня от необходимости отвечать Виклунду, - я предостерегу вас от посещения миньонских казарм.

- Цветочек не боится стражи, - улыбнулся Станислас, перегнувшись и тронув пальцами мой адамант.

- Дело не в страже, а в яде, господи. Смертная бледь впиталась во все, чего коснулась. Вас не удивило, что всю вашу одежду у вас изъяли, ведь даже мандолина, лорд Доре, у

вас теперь новая?

Я посмотрела на инструмент Станисласа: разницы не заметно, но для меня все мандолины были, так сказать, на одно лицо.

- Там настолько опасно находиться?

- Да, господа. Поверьте, я первым побежал бы в купальню, где остались многие ценные для меня вещи, но не делаю этого.

Точно! Кроме всяких алхимических эликсиров, помнится, ван Харт (тогда еще ван Хорн) хранил в купальне массивный сундучок с монетами, и там было побольше, чем осталось в моем матрасе. Ах, какая жалость! Интересно, а за какое время золото очистится? Смогу ли я когда-нибудь получить свои деньги обратно?

О чем ты думаешь, Басти? Никакое золото мира не поможет тебе, если ты не сможешь уединиться сегодня ночью. Купальня не подходит, все, проехали и забыли.

- Благодарим за совет, лорд ван Харт. - Оливер поклонился. Оттого, что делал он это, сидя на полу, вышло слегка комично. - Мы ему последуем.

«Кто выбрал нашим командиром этого тиририйского болвана? - раздраженно подумалось мне. - У некоторых присутствующих алмазные звезды в ушах, эти некоторые и должны командовать!»

Но закатывать истерику при ван Харте было совсем непристойно, поэтому я смотрела на таз, на решетку, на сундук, потом опять на таз.

- Вы, наверное, желаете переодеться перед посещением королевского совета, господа, - ван Харт поклонился, - я вас оставляю. Пойдемте, граф, я покажу вам нашу спальню.

От этой «нашей спальни» меня кинуло бы в жар еще неделю назад, но сейчас я была холодна, как заснеженные вершины тиририйских гор, откуда в столицу поставляют чистейший лед и самозванных командиров.

- Я предпочту остаться с друзьями, лорд ван Харт, - ответила я тазу.

- Если зрелище обнаженных мужчин доставляет вам удовольствие, - проговорил, к сожалению, не таз, а меченый красавчик, - не смею вас его лишать.

- Басти, не дури, - Виклунд был непреклонен, - мы в этой камерке с доремарцем едва помещаемся!

Я посмотрела на лорда Доре, тот смотрел на мандолину.

Я фыркнула, поднялась на ноги, слегка покачнулась. Будь проклят доремарский самогон, Доремар и все его самогонщики, а также все...

Две кровати, тоже с пологам, окно чуть пошире, с разноцветным виражным стеклом. От этого моя комната смотрелась веселее и наряднее соседней, а еще здесь были ковер на полу и низенькая дверь, которую я поначалу приняла за дверцу шкафа, вела она в нависающий надо рвом клозет. Да уж, меченый красавчик знает толк в комфорте.

Я осмотрела комнатку, поморщилась и села на кровать, полог которой был отодвинут.

- Простите, граф, но это мое ложе.

Я опять поморщилась и, поднявшись, отдернула полог другой кровати. Она была застелена, поверх покрывала лежали стопки белья и три новеньких, с иголки, лиловых камзола. Кажется, этому цветку предстоит стать моим любимым.

Я сложила одежду в пустой сундук у изножья кровати, вздохнула и присела на краешек постели, сложив руки на коленях. Делать было абсолютно нечего, коротать время за беседой я не желала и потому посвятила его размышлениям. Ван Хорн сидел напротив, я глаз не поднимала, поэтому мне видно было только его затянутые черным бархатом колени и руки на коленях: длинные пальцы, на мизинце правой - перстень с черным гербом ван Хартов. А любопытно, где провел роковую ночь меченый красавчик? С новым

отцом или с какой-нибудь барышней, которая позволила ему забыть мои... Прекратите думать о глупостях, граф! Желаете мстить – мстите, но томно вздыхать не смейте! Вам еще оправдываться из-за безобразной сцены в госпиталии. Нет! Оправдываться тоже не смейте! Вы пообещали с ним не разговаривать, вот и молчите. Да! Вот эти колени вы и обнимали, на которых пальцы, длинные и красивые, слегка перемазанные чернилами, как, впрочем, и ваши.

Я посмотрела на свои руки. Интересно, где предавался чистописанию меченый красавчик? И когда? До или после госпиталия? Здесь, в спальне, письменных принадлежностей нет, тут и стола нет за недостатком места.

С чернил мои мысли перескочили на записи, я достала из-за пазухи листок и вперилась в него. Это успокаивало и помогало сосредоточиться. Где же я проведу сегодняшнюю ночь? Где?

- Я хотел бы поговорить с вами о том, что произошло несколькими часами ранее, граф.

- Простите мое безобразное поведение, – сказала я гербовому перстню ван Харту, – моя печаль из-за плачевного состояния любимого друга лорда Уолеса безмерна, не совладав с нею, я позволил себе некий отчаянный жест, который мог быть вами неверно истолкован.

Хорошо сказано! Ай да Басти, ай да молодец!

- Сочувствую состоянию вашего любимого друга, граф.

Мне не понравилось, как собеседник интонировал слово «любимого», и я посмотрела прямо в лицо ван Харта, на котором, как и ожидалось, змеилась неровная глумливая усмешка.

- Я обязательно передам ему ваши теплые слова, мой лорд, когда сегодня пойду проведать своего любимого друга.

- Вы умеете любить друзей, мой лорд.

- Мои друзья достойны любви!

Мы бы, наверное, еще долго склоняли на все лады любовь, но дверь тряхнуло от энергичного стука:

- Вы идете на совет, лорды?

- Ваши другие любимые друзья, – кивнул на дверь Гэбриел. – Не желаете открыть им дверь?

- А зачем вы ее заперли?

- Это сделали вы, граф. – Ван Харт пересек комнатенку в полтора шага, повернул ключ и распахнул створку. – Да, господа, простите. Лорд Шерези зачем-то запер дверь, думаю, по привычке.

Он вышел в прихожую, я, кипя гневом, следом. Это он, он, а не я! Он запер эту фаханову дверь! Оливер, пропустивший меня вперед на лестнице, взглянул на меня и негромко хмыкнул. Святые бубенчики! Теперь мои друзья будут думать, что я вешаюсь на меченого красавчика! А я даже доказать свою невиновность не могу, потому что начни я оправдываться, это вызовет еще больше подозрений. Мало того, что этот поганый ван Харт разбил мое сердце, он еще топчется на осколках! Я чертыхнулась, скользнула каблуком со ступени и врезалась в спину ван Харта, спускающегося передо мной.

- Вы так порывисты, граф, – громко сказал он.

- Простите, – проговорила я, смачно впечатывая в его лопатку кулак, – простите, простите, любезный лорд, впредь я буду осторожней!

Раз, два, три, семь! Семь раз мой кулак успел соприкоснуться со спиной ненавистного ван Харта, пока мы оказались внизу.

Под лестницей ван Харт обернулся и сообщил мне, потирая плечо:

- А вы довольно увесистый юноша.

Он улыбался! Мерзавец, он потешался надо мной!

Я фыркнула и гордо прошествовала к выходу. Кажется, кто-то пытается затеять со мной очередную игру во флирт? Ну уж нет, мы, шерезийские девушки, не такие, а уж шерезийские мужчины, тоже мы, - тем более. Каким бы образом меченый красавчик не планировал использовать свой инструмент, во второй раз я на это не куплюсь.

Уже во дворе я смогла рассмотреть, во что переоделись мои друзья. Их камзолы были красными камзолами претендентов, ван Харт был в черном, не в форменном, но вполне привычном для меня облачении. Я же лиловым великолепием своих одежд контрастировала с ними.

- Куда мы идем? - спросила я Оливера.

- В главную залу, - ответил он, посмотрев на Гэбриела, - большой королевский совет желает видеть нас там.

- Туда входит много народа?

Великан пожал плечами.

- Об этом мы спросим любезного ван Харта, - пропел Станислас.

- В большой королевский совет входит больше тысячи человек, - ответил сама любезность, - представители знати, вассалы, чиновники двора, жрецы и священники, военные, несколько десятков самых влиятельных торговцев. Но вынужден вас разочаровать, лорды, всему этому обилию важных персон нас сегодня не представят. Мы имеем честь присутствовать на так называемом «узком» совете, который отличается от малого совета...

Он выдержал паузу:

- Только местом проведения. Вместо рабочего кабинета - парадная зала. Мы увидим ее величество, обоих канцлеров, двух-трех министров и лорда-коннетабля.

- Тогда зачем этот пафос? - не выдержала я. - Ради четверки миньонов?

- Малый королевский совет, любезный Шерези, это обмен мнениями, целью которого является принятие какого-либо решения. В этом совете голос каждого участника важен и принимается во внимание. А в большом совете главный голос у ее величества, на нем обычно сообщают готовое решение.

У караула внутреннего замкового круга нас встретила стайка пажей-сопроводителей. Как-то незаметно наша группа перераспределилась, я выдвинулась на полшага вперед, сразу за моим плечом оказался Гэбриел, Оливер и Станислас отстали еще больше. Мы поднялись по ступеням парадного входа, вошли в сводчатую светлую залу. Мраморный разноцветный пол, придерживающие свод резные колонны, большие картины на стенах. Я ощутила трепет и благоговение. За спиной кто-то присвистнул, я раздраженно обернулась, это был Виклунд.

- Лопни мои глаза!

- От чего на этот раз умер твой дядя?

- Голая леда!

Я проследила направление его указующего перста. Лорд наш Солнце сквозь высокие окна освещал аллегорическую картину «Изобилие», на котором юная красавица, держащая на плече рог, из которого то самое изобилие сыпалось, демонстрировала свои прелести благодарным зрителям - ликующим пейзанам, ну и нам, стоящим по эту сторону полотна, заодно. Когда я уезжала из Шерези, картина была почти закончена. Ай да матушка, в этот раз она превзошла саму себя. Продать картину в королевский дворец!

- Это Мари-Сюзет! - тренькнул Станислас. - Я узнаю эти прекрасные волосы и поворот головы, и эти груди!

Крот слепой! Грудь он узнал! Так бы и врезала!

Я перевела взгляд на ван Харта. Он как раз на груди нарисованной девы не пялился, он смотрел на меня:

- У вас есть сестра, граф Шерези?

- А вам-то что? Леди Дидиана ван Сол уже разорвала вашу помолвку, прознав о вашем черном сердце? Или, любезный лорд, теперь в каждой даме вы видите черты человека, которого некогда обманули?

Вот ради таких мгновений люди, наверное, и живут. Глядя на растерянное лицо Гэбриела, я испытала такую ни с чем не сравнимую радость, что захотелось танцевать.

- Поторопитесь! - Мармадюк сбежал по ступеням. - Так, Цветочек, две коровки Спящего и одна ворона - полный комплект.

Оливер стоял как столб. Я прислушалась, он бормотал что-то о нагоде, судьбе и Спящем.

- Это искусство, дубина, - толкнула я его в плечо, - и фантазия прекрасного художника Консуэло Аданто.

- Мы ожидаем прибытие доманского посольства, поэтому ее величество решила отдать центральное место доманской картине.

- Я знаю эту девушку! - пропел Станислас.

- Сомневаюсь, милый бард, - Мармадюк тряхнул хохолком, - этой девушки в природе не существует. Цветочек тебе объяснил про фантазию художника? Ну вот представь себе, нарисую я тебя, только с рогами, ты же не будешь думать, что где-то существует факан Станислас Шарль Доре?

- Вы хотите сказать, мой лорд, - протянул Гэбриел, - что прототипом этой девы послужил наш любимый друг Бастиан Мартере граф Шерези?

- О прототипе нужно спросить художника, но я уверен, что схожесть этой девы с нашим любимым Цветочком была одной из причин того, что ее величество избрала для украшения именно это полотно. Мы же с вами, господа, понимаем, как ее величество относится к своему миньону?

И он дернул меня за ухо, чтоб серьга покачнулась. Я покраснела и от интимности жеста, и от преследующих меня сегодня «любимых», Гэбриел скривился, наверное, от зависти.

Станислас, вздохнув, оторвался наконец от картины.

- Давайте, господа, живей! - Лорд-шут погнал нас вперед на манер пастушьей собаки. - Вас ждут великие дела!

Мармадюк остался наедине со своей королевой уже после заката, фрейлины удалились, расчесав прекрасные волосы Авроры. Она лежала в постели, укрытая до подбородка одеялом, шут сел у нее в ногах:

- Bravo, мое величество, кажется, это должно сработать. Кто бы мог подумать, что наш новый старый канцлер Адэр измыслит столь изящную авантюру.

- И к чему сейчас твой сарказм? - Королева говорила с закрытыми глазами, на лице ее величества лежала тканая маска, пропитанная лечебными травами и эликсирами фей, ее красота требовала постоянных усилий. - Ты меня проверяешь? Кому угодно понятно, что идея показать доманским послам полторы сотни фальшивых миньонов принадлежит вовсе не Адэру.

- Думаешь, это не его стиль? Думаешь, его кто-то надоумил?

- Будь у меня чуть больше сил, я надавала бы тебе тумаков, противный мальчишка. Да, это не его стиль, и да, я уверена, что старая собака не сумеет выучиться новым фокусам. И я боюсь этого твоего Гэбриела, потому что не понимаю, кто он и зачем делает то, что делает.

- Убить его для тебя или изгнать?

- Чтоб поднять восстание в Дювали в первом случае или отложить восстание во втором? Нет уж, я предпочту держать его поближе к себе.

- А зачем ты велела повесить «Изобилие» у входа в парадную залу?

- Хотела позлить этого паршивца, ненавижу, когда кто-то оказывается умнее меня. Теперь он будет думать, действительно ему мерещится Шерези во всех увиденных женщинах, или у Цветочка есть сестра-близнец.

- Он быстро обо всем догадается, Аврора.

- Нет, милый, не догадается, колдовство фей так не работает. Это не только трансформация, не только иллюзия, любому смотрящему на графа не может прийти в голову мысль, что он не мужчина, просто не может, а если придет, разум будет ее отвергать с ужасом или отвращением.

Шут закинул ногу на ногу, покачал остроносый башмаком:

- Пожалуй, ты права, я постоянно пытаюсь увидеть в юном миньоне женщину и постоянно терплю неудачу.

- Ну так пойди сейчас к «Изобилию» и удовлетвори свое любопытство.

- Так это точно она? – хохотнул Мармадюк.

- Гладкая, чуть смугловатая кожа, яркие вишневые глаза и такие же яркие волосы, точеные плечи, тяжелые груди...

Королева перечисляла монотонным страстным шепотом, на последнем слове сорвав с лица маску и прямо посмотрев на шута, расхохоталась:

- Ты попался, милый! Я знала! Никак не могла понять твоей эскапады с тирийским желудем, а потом меня осенило – ты отравил Шерези, чтоб он, нет, она возненавидела тебя, чтоб избегала, чтоб у тебя не было ни единого шанса в нее влюбиться!

Подвижное лицо шута выразило потрясение:

- Леди Сорента не заметила под твоей подушкой любовного романчика? Главной фрейлине следует аккуратнее относиться к тому, что ее госпожа читает.

- Тили-тили-тесто! – проказливо пропела ее величество.

- Твои фантазии, моя милая...

- О, говори, говори, каждое твое слово будет воспринято мною жалкой попыткой оправдаться!

- Твой миньон, между прочим, стремился побеседовать с тобой наедине сразу после королевского совета.

- И почему его ко мне не привели?

- Потому что во дворце существует некий протокол, которому обязаны следовать все его обитатели, – противным голоском леди Соренты возвестил шут. – И нельзя просто так приблизиться к королеве Ардерской.

- Какая жалость, – протянула Аврора, – надеюсь, у моей Шерези не произошло ничего такого, что не могло бы подождать. Сейчас уже поздно, а утром, дорогой, вели привести Цветочка Шерези ко мне, пусть он присутствует во время утреннего туалета.

- А если главная фрейлина будет возражать?

- Скажи ей что-нибудь обидное, например, что нынешнее черное полнолуние не лучшим образом сказалось на ее добронравии, или что королева желает видеть утром молодые красивые лица.

- Можно сослаться в этом на тебя?

- Ни в коем случае. Именно мне придется утешать леди Соренту, когда противный лорд Мармадюк доведет ее до слез.

- Обычное дело, - в притворном сокрушении вздохнул шут, - один из нас должен разыграть плохиша, чтоб другой оставался добрейшей королевой.

Сразу после королевского совета Гэбриел ван Харт отправился в библиотеку. Был он тут завсегдатаем и, пользуясь некими своими личными возможностями, никогда не пользовался ни парадным входом, ни пропусками, для посещения библиотеки предназначенными.

- Как все прошло? - Лорд-библиотекарь отделился от конторки подобно бесплотному духу.

В холодном свете соляных светильников его классическая дювалийская внешность была особенно заметна - острые скулы, широко расставленные серые глаза с рыжеватыми бровями, прямой длинный нос.

- Ты ждал меня, ван Фриз? - Гэбриел подошел к конторке и выложил что-то на столешницу. - Все прошло подозрительно неплохо. Предложение моего достойного отца лорда ван Харта встретило одобрение королевского совета.

- А наш другой канцлер?

- Он тоже не был против. Это-то и подозрительно. Ван Хорн всегда отличался излишней порывистостью.

- О чем же говорит нам его поведение?

- О том, что у него есть план, иначе он не преминул бы щелкнуть по носу своего шурина и новоиспеченного племянника заодно. Ты бы видел, какую дивную пантомиму он там отыграл. - Гэбриел придвинул светильник и открыл футляр, рассматривая его содержимое. - В ней, в этой пантомиме, было все: скорбь преданного отца, добродушное покровительство, тихая грусть, болезненная слабость. Он публично попросил ее величество о должности в любом дипломатическом посольстве, так как находиться при дворе ему невозможно.

- Однако!

- И вскорости мы сможем поразмышлять о том, какую интригу он намеревается провернуть.

Пальцы Гэбриела скользнули в футляр и извлекли оттуда обычную стрелу.

- Что это?

- Артефакт Этельбора, того самого чародея, о котором мы говорили с тобой, когда явление в библиотеку Цветочка Шерези прервало нашу беседу.

- Что он может?

- Надеюсь, твой вопрос касается артефакта, а не графа, потому что возможности последнего мне неведомы. Эта стрела носит название «Последний довод» и, по словам его владельца, может спасти его жизнь.

- А владелец...

- Тот самый Цветочек.

- Ты украл его стрелу?

- Стыдитесь, лорд ван Фриз, - криво улыбнулся ван Харт, - воровство недостойно дворянина, мальчишка выбросил ее во время истерики, пажи разыскали пропажу и, разумеется, так как большая часть королевских пажей происходит из Дювали, а не из других ардерских провинций, принесли ее мне.

- А так как все, что касается канцлера Этельбора, вызывает твой интерес, ты решил ее придержать?

- Именно. Может быть, в какой-то момент она мне понадобится. Если Шерези устроит скандал или предпримет поиски, я ее, конечно же, верну, но пока... Кстати, ван Фриз, ты выяснил, зачем юному миньону ее величества понадобился астрономический матрикул? Что в нем такого? Пока я прятался за стеллажами, до меня доносились даже рыдания.

- Шерези очень чувствительный юноша, - хмыкнул лорд-библиотекарь, - наверное, это его качество привлекло сердце ее величества. Нет, я не узнал. Если желаешь, я дам тебе матрикул немедленно.

- Не к спеху. Сегодня я хочу закончить с генеалогическим древом новейшей династии.

- Как тебе будет угодно.

Гэбриел работал до полуночи. Колокол, возвестивший отбой в десять вечера, он проигнорировал, а полуночный во внимание принял. Спать нужно всем, даже дювалийским принцам, радеющим о благе будущих подданных. Он загасил светильники, ван Фриз его покинул двумя часами ранее, поэтому Гэбриел запер дверь черного хода своим ключом и, не скрываясь, прошествовал к пажеским казармам. Несмотря на отбой, жизнь внутреннего замка кипела. До юноши доносились отдаленные звуки застолий, музицирование, жаркие вздохи из-за щелястой перегородки сеновала. Повстречался ему и ночной караул, проверивший его пропуск. Канцлер ван Харт жил во дворце и, разумеется, выдал своему сыну пластину, позволяющую перемещение внутри замка. В казарме было тихо, негласная традиция уважала право уставших пажей на отдых и сон. Гэбриел поднялся по винтовой лестнице, покачал головой, заслышав громогласный храп лорда Виклунда из-за левой двери, толкнул правую и, присев на свою постель, устало вытянул ноги. Полог кровати Цветочка был задвинут. Бастиан Мартере Шерези... А ведь действительно, сходство его с аллегорической девой на доманской картине заставило сердце ван Харта биться чуть чаще. Неужели проклятие юного графа сработало, и теперь в каждой встреченной женщине Гэбриел будет видеть его черты? Или где-то в далекой Домании есть дева с такими же пурпурными волосами и густыми изогнутыми бровями, улыбки которой столь же светлы, а глаза полны точно такой же неги?

- Явился, меченый красавчик? - донеслось из-за полога. - Дверь закрой, дуэт.

Ван Харт похолодел. Голос был абсолютно мужским, непохожим на ломкий тенор Шерези.

Глава 4

Влияние бусиков на победы ардерской дипломатии

В каких-нибудь других обстоятельствах я могла бы ощутить сладкую радость от приобщения к ардерскому величию. Но не сейчас. Пафос момента был напрочь убит реакцией Оливера на «Изобилие». Всю дорогу до залы королевского совета, а это два обширных лестничных пролета, он не замолкал ни на мгновение. И хотя говорил он не мне, а Станисласу, и говорил вполголоса, мне было слышно все. Ах, оказывается, вследствие нерушимых горских традиций он теперь немедленно должен лицезреть Мари-Сюзет во плоти. У тиририйских дикарей с этим, оказывается, строго. Увидел дамские груди, изволь жениться.

Станислас с Оливером препирались, менестрель горячо доказывал, что увидел деву первым, поэтому и преимущества на его стороне, великан напирал на нерушимость традиций и на то, что лорд Доре обязан исполнить свой долг дружбы и познакомить его с Мари-Сюзет.

Очень удобные традиции, я считаю. Вот предположим, живет некая дева в горах, живет не тужит, все вроде неплохо – и еды вдосталь, и сидра, природа, погода, вот только с мужчинами не задалось. А песочек-то сыплется. (Я просто сомневалась, что у горцев в ходу дорогие механические часы, поэтому использовала именно такое сравнение.) Тогда, придя в брачный возраст, эта некая дева просто ловит где-то за домом приглянувшегося парня и... Не успел зажмуриться – его проблемы, а она с женихом.

От этих размышлений щеки мои пылали, когда я переступила порог королевской залы. Находилось там человек тридцать благородных мужей, чинно сидящих на резных табуретах вокруг круглого стола в центре, и еще человек пятьдесят у стен, тоже на табуретах. Среди зрителей я не знала никого, кроме лорда-повара, которому украдкой поклонилась, встретив его взгляд. А вот за столом я узнала лорда Туреня, мною недавно оскорбленного, лорда ван Хорна, недавно обиженного Гэбриелом, лорда ван Харта, никем вроде пока не обиженного, лорда-коннетабля, лорда-казначея. Ее величество тоже была там, она восседала лицом к входу в кресле с высокой спинкой и подлокотниками.

Не знаю, чего я ожидала. Аплодисментов? Воздушного поцелуя от Авроры? На нас попросту не обратили внимания. Королева посмотрела на Мармадюка, шут кивнул и суетливо усадил нашу бравую четверку на свободные места у стены.

– Ждите, пока вас позовут.

За столом шло обсуждение каких-то важных политических вопросов, и уже минут через десять я поняла, что политика – это не мое. Скучно просто до зевоты. Я и зевала украдкой в ладошку. Надо потерпеть еще часик, и еще до обеда я освобожусь и займусь поисками пристанища на ночь. В крайнем, самом крайнем случае я обращусь к ее величеству. Она обязательно поможет.

Я посмотрела направо. Виклунд с Доре шептались, склонив головы друг к другу, видимо, планировали скорейшую поездку в Шерези. Мальчишки! Неужели не понимают, что прежде чем овладеть пейзанкой, положено заручиться позволением ее лорда? А граф Шерези своего позволения не дает! Нет! И не просите. И дело даже не в том, что, как могли бы подумать люди косные и неумные, граф желает оставить Мари-Сюзет для себя, и даже не в том, что этой Мари-Сюзетт просто не существует в природе, а в том, что у дворянина, кроме сердечных или страстных желаний, есть обязанности перед страной и родом. Оливер лорд Виклунд должен взять в жены достойную деву достойного рода, с тем чтоб укрепить положение своей семьи. Это его долг.

Я зевнула и посмотрела налево. Гэбриел ван Харт сидел тише мышки и, кажется, шевелил ушами в стремлении не упустить ни слова. Ему это интересно? Он действительно понимает разницу между подушным, поземельным и сословным налогом? Кто такие «откупщики»? И почему при этом слове, произнесенном лордом-казначеем, Гэбриел восторженно, будто желая что-то сказать, но быстро осекся? Правда понимает. Как же мне тебя поразить, умника такого? Я об этом еще не размышляла особо, но, например, поле политики для моей мести можно вычеркнуть сразу.

Потом я, кажется, задремала, очнувшись, когда мне на колени опустился какой-то сверток. Симон Жан Огюст Франсуа лорд Пападель, королевский повар, возвышался надо мною колыхающейся громадой:

- Это тебе перекусить, Цветочек, - прошептал он, потом тренькнул моей серьгой. - Молодец, жеребчик, я именно на тебя в этой гонке ставил.

- Спасибо, мой лорд.

Я благодарила за еду, но повар понял иначе:

- С меня ужин с лучшим ардерским вином, малыш. Заодно обручение отпразднуем. Розетта моя... а-ах!

Глазки его увлажнились сентиментальной отеческой слезой. Я поздравила родителя ветреной Розетты. Он, пригнувшись, пробрался у самой стены к выходу.

За окном, к удивлению моему, уже смеркалось. За столом продолжалась политическая беседа. Станислас и Оливер дремали, прислонившись друг к другу. Я растолкала их, прошуршала пакетом, доставая из него пышнейшие пирожки с птичьей вишней.

Они были божественно вкусны, даже моя шерезская кухарка Магда это бы признала. С Гэбриелом я мстительно не поделилась потому еще, что шесть на четыре не делится, да и он, кажется, еды не заметил. А, нет, заметил, угрожающе прошептал, что если я брызну на него вишневым соком, мне не поздоровится.

- Подумаешь, угроза, - фыркнула шепотом я, но пятно, которое уже успела посадить на его камзол, попыталась вытереть максимально быстро и незаметно.

Обсуждение налогов, кажется, наконец подходило к завершению. Ее величество кивала, отпивая маленькими глотками из бокала, Мармадюк, сидящий от нее по правую руку, протянул ей какие-то бумаги.

- Еще один неотложный вопрос, который следует обсудить, мои лорды, - сказала королева, - это приезд в нашу столицу доманского посольства.

- Я говорил лорду-шуту, что казначейство предоставит требуемые суммы по первому требованию. - Лорд-казначей, кажется, устал не меньше, чем я, и мечтал о холодном вине и теплой постели.

- Мы благодарны вам за безупречную работу.

- Проблема не в деньгах, - лорд-канцлер ван Харт заговорил, кажется, впервые за сегодня. - А в том, чем мы намереваемся развлекать наших гостей. В приветственном послании лорд Рамос выразил живейший интерес к королевским миньонам. Даманский королевский двор подумывает возродить институт фаворитов и у себя.

Присутствующие заговорили одновременно, у каждого имелось свое мнение о лорде Рамосе в частности и доманцах в общем, и было оно далеким от комплиментарного.

- Посещение королевского госпиталя невероятно развлечет посольство. - Лорд ван Хорн, бывший папаша меченого красавчика, хохотнул.

В зале воцарилась тишина.

Лорд Адэр посмотрел на зятя с отвращением:

- Я взял на себя смелость предложить ее величеству скрыть от доманских вельмож нашу неприятность.

Мне стало обидно, что трагедию, случившуюся с моими друзьями, канцлер называет «неприятность», а еще в этот момент у меня заболел живот, и пирожки тут были вовсе ни при чем. Резкий спазм заставил меня охнуть и согнуться, опустив грудь на колени. Святые бубенчики! Уже началось? А я потратила день неизвестно на что!

- И как же мы это скроем? - спросил ван Хорн. - Разумеется, можно придумать некие срочные учения, на которые отправились полторы сотни бравых дворян.

Я мысленно зааплодировала. Идея на самом деле была прекрасной. Я бы на месте королевы так и поступила. Боль усилилась, как будто мне в низ живота впился нож.

- Мы покажем им дворян. - Адлер проигнорировал сочащийся сарказмом вопрос второго канцлера. - Королевские портные и белошвейки еще две недели назад подготовили две сотни форменных мундиров миньонских цветов, мы переоденем в них замковых слуг и пажей.

- Это очень рискованно, - лорд-коннетабль задумчиво щипал свой седой ус, - у нас шесть дней, чтоб их чему-то обучить.

- А в этом нам помогут те претенденты, которые остались невредимы.

И тут наконец на нас обратили внимание. Нам велели выйти к столу, Адэр представил моих друзей и меня.

- Бастиан Мартере граф Шерези, миньон ее величества, возьмет на себя заботу о белом крыле, Оливер лорд Виклунд - о красном, Станислас Шарль Доре берет себе синих, а Гэбриел ван Харт - черных. У нас планировались отборочные экзамены с турниром? Что ж, мы его проведем.

В этот момент мне стало так нехорошо, что я тихонько заскулила сквозь сжатые зубы. Канцлер еще что-то говорил, а я переминалась с ноги на ногу, молясь Спящему, чтобы все поскорее закончилось. В ушах шумело, глаза застил красный густой туман.

- Сегодня уже поздно, - издали донесся до меня голос Авроры. - С утра эти четыре достойных дворянина приступят к своим обязанностям. А теперь давайте их отпустим, молодые люди непривычны к столь долгим заседаниям.

Спящий, храни королеву! Нас отпустили.

Первым делом я отыскала взглядом леди Соренту, сидящую в рядах зрителей и кивнула ей, вызывая в коридор для разговора.

- Нет, - сказала главная фрейлина, выслушав мою просьбу, - нет, нет и еще раз нет. - Как бы тепло не относилась ее величество к своему миньону... Проявите скромность, граф!

Может, я и смогла бы ее уговорить, в конце концов, язык у Цветочка Шерези подвешен, но мучительная боль мешала сосредоточиться и подобрать убедительные слова, на лбу выступила испарина, меня бросало то в жар, то в холод. Поэтому я попрощалась и побрела к выходу. Друзья ждали во дворе. Ван Харт, наверное, остался зрителем на королевском совете или ушел по своим делам. Мне было плевать, впервые на самом деле плевать!

- Тебе нехорошо, Басти?

- П-пирожки, - прошептала я и схватилась руками за живот, - ничего страшного, скоро отпустит.

- А мы собирались отправиться на кухню, лорд королевский повар намекал, что оставит нам что-нибудь на ужин.

Видимо, я побледнела, а еще почувствовала, что с кончика носа сорвалась капля. Какой позор, граф Шерези!

- Это без меня. И, умоляю, не говорите достойнейшему Пападелю, что я маюсь желудком.

- Если он спросит, где его любимый миньон, - пропел Станислас, - мы напомним, что дела государственной важности потребовали его присутствия...

- И вот на этом месте намек стоит завершить, - я оскалилась в улыбке, давя стон, - так он приобретет некую глубину.

Уговаривать меня не стали. Если бы я пожаловалась на болезнь в обществе своих деревенских подруг, к примеру, в покое меня бы точно не оставили, предложив наперебой наилучшие лекарства и уложив в постель, сидели бы у одра, меняя компрессы на лбу и развлекая меня свежими и не очень сплетнями. Но то девы, у парней взаимовыручка построена несколько иначе. О помощи я не попросила, значит, собираюсь решить свою проблему самостоятельно, значит, лучший вариант – не мешать мне в этом. Спящий, благослови всех ардерских мужчин! Отбиваться и убежать от друзей сил уже не было. Мне нужна была проточная вода и уединенное место. Я брела, куда вели ноги, выбирая места безлюдные и темные. У какой-то стены скрючилась, пережидая спазм, а когда поднималась, приложилась затылком об оконный выступ. И видимо, исключительно благодаря посыпавшимся из глаз искрам рассмотрела жестяной желоб, спускающийся с крыши. Что это за здание? Из приоткрытой двери на двор вырывался смрадный жар.

- Надеюсь, за эти дни ты ничего не напортачишь, горбун.

Дверь распахнулась, выпустив двоих оборванцев. Я вжалась в стену.

- Выгребные ямы, печь, торфяная печь, мусорная печь...

- Если пойдет дождь, поглядывай в верхние бочки, чтоб никакой сор не попал в водопровод.

- Я все понял, господин мой, не извольте беспокоиться, я за всем прослежу.

В их речи было еще изрядно грязных простонародных словечек, которые я пропускала, сосредоточившись на слове «вода». Дождевые бочки на крыше? Может, там я смогу...

Оборванцы еще поболтали, из их беседы следовало, что один из них – дворцовый служка, а второй – его заместитель, остающийся на хозяйстве в одиночестве. Судя по состоянию их одежды – работа простой не была.

Наконец они попрощались, горбун топтался на пороге, пока его начальство забрасывало на спину заплечный мешок, затем, проводив уходящего взглядом, скрылся за дверью. Я отлипла от стены. Руки дрожали и не желали хвататься за острый край желоба. Чертыхнувшись, я расстегнула под одеждой пояс и, испытав моментально облегчение, спрятала его в кармане камзола. Одежда стала маловата в груди и бедрах, но широковата на талии, но это было наименьшей проблемой. Басти когда-то неплохо лазила по деревьям, поэтому сейчас я представила себе, что осторожно взбираюсь к верхушке птичьей вишни, чтоб собрать ягод к ужину. Воображаемое дерево превосходило в высоту шерезские садовые растения раза в два, но я справилась. Перевалившись через бортик крыши, отдышалась и посмотрела по сторонам. Жемчужный серпик Алистер давал достаточно света, Нобу тоже была там, в небе, но света, по понятным причинам, не изливала. Плоская крыша, огромные бочки с медными поясами и переплетение жестяных труб, отходящих от них под самыми нелепыми углами. Это не крыша, а какой-то адский лабиринт! Я обошла его от края до края, не найдя не только проточной воды, но и вообще воды. При попытке прикоснуться к одной из бочек я обожгла руку. Направление ветра изменилось, в мою сторону принесло клуб дыма, который выпускала каменная труба, которую я обогнула. Видимо, внизу поддерживают огонь, нагревая эти бочки и воду в них, затем горячая вода отправляется в купальни. Нужно выбрать одну из труб и идти по ней, как вдоль реки. Сразу за дымоходом деревянно скрипнуло и исторгло к небесам веер красноватых потусторонних лучей. На крышу выбрался горбун. Из-за этого света и вони и от того, что горбун не отличался миловидностью (честно говоря, он был попросту страшен), аллегория с адом приобрела для меня пугающее овеществление. Я заметалась, попыталась забиться в какую-то щель и ухнула с крыши, успев в последний момент обнять предплечьями горячую медную трубу. Камзол защитил от ожогов, но не от жара, с меня семь потов сошло, пока я, перебирая руками и ногами, доползла наконец до другого здания. Труба исчезла в стене, я толкнула витражный экран окошка, перегнулась через подоконник. Пролететь туда могла разве что кошка, ну или девушка, которой нечего было терять. Мне терять было уже нечего. Горбун в спину не кричал, и то – слава Спящему. Но окно я все-таки закрыла, оказавшись в небольшой купальне. Или это клозет? Неважно. С этой стороны трубу украшал кованый бантик вентиля, который я повернула, выпустив струйку горячей воды. Итак: у меня есть вода, проточная, заметьте, и женская ипостась, только и осталось – избавиться от хозяина этого милейшего помещения. Уболтать,

отключить, отравить, я сейчас была готова почти на все. А вдруг хозяина сейчас нет? Вдруг здесь живет тот самый начальник горбуна, который отправился куда-то из замка? Нет, невозможно. Здесь явно обитает кто-то важный в дворцовой иерархии. А может, мне вообще не стоит отсюда выходить? Забаррикадирую дверь, а наутро выйду тем же путем по трубе?

Я обдумала эту мысль, представив под конец, как меня выбивают из укреплений при помощи отряда замковой стражи, и, вздохнув, была не была, вышла из купальни.

«Ты – самый удачливый дворянчик во всех пяти королевствах, граф Шерези!»

Примерно это, я уверена, сказал бы мне канцлер Этельбор, будь сейчас передо мною он, а не его изображение.

А я бы ответила: «Так точно, милорд!»

Заслышав шаги в коридоре, я пронеслась через комнату и опустила засов, дверь дрогнула, в замке звякнул ключ.

– Тысяча фаханов! – раздраженно сказал Мармадюк и пнул деревяшку.

Сейчас он позовет стражу и меня раскроют. Я тихонько поскребла дверь:

– Это я, мой лорд, Цветочек Шерези!

Я говорила громким шепотом.

– Что у тебя с голосом? – спокойно спросил шут.

– Простуда. – Я кашлянула.

– И в мои комнаты ты пускать меня не намерен?

– Нет, мой лорд, – сказала я после паузы. – Я предложу вам сделку.

– Ты там один?

Судя по тому, как немного переместился источник звука, его шутейшество наклонился к замочной скважине, я сделала то же и посмотрела в черный блестящий глаз Мармадюка.

– Это неважно!

Глаз исчез, но разгибаться я не спешила.

– И почему ты уверен, что твоя сделка будет мне интересна, лопушок?

Я не была уверена, но мне было больше нечего ему предложить.

– Вы получите мое прощение, мой лорд, – это был самый торжественный шепот из всех возможных. – Если позволите мне провести здесь сегодняшнюю ночь, я забуду о том, что вы пытались меня отравить. И, лорд Мармадюк, граф Шерези будет верен вам до самой смерти, верен так же, как он верен своей королеве!

Он молчал очень долго, у меня даже затекла согбенная спина. А если, пока я жду ответа у замочной скважины, он попытается обойти дверь? В спальню ведет еще и потайной ход, которым пользуется ее величество, да и окна...

– Вы еще там, лорд Мармадюк?

– Да.

У меня отлегло.

– Я могу надеяться также, что вы не попытаетесь войти сюда до рассвета каким-либо другим способом?

– То есть в моем принципиальном согласии ты уверен?

Я мысленно застонала. Болели живот и голова, меня подташнивало, хотелось лечь и вытянуть ноги, а еще съесть чего-нибудь сладкого.

- Хорошо, я отдам тебе свою спальню в обмен на верность, Шерези.

Мармадюк сказал это просто и ушел, просто ушел. Я слышала его удаляющиеся шаги. Прислушивалась я еще несколько минут для надежности, потом забаррикадировала дверцу потайного хода, проверила оконные запоры и вернулась в купальню.

Отодвинув витражный экран, я любовалась лилово-черным диском королевы Нобу, пока в ванну набиралась вода. Затем, оставив лишь крошечную струйку из трубы, я разделась и, опустившись в горячую воду полностью, откинулась затылком на бортик. Все хорошо, Шерези, ты справилась, на этот раз справилась.

В десять зазвонил колокол, возвещая отбой. Я не спала, лениво размышляя обо всем подряд, но ни о чем конкретно. Получится ли у меня в следующее полнолуние найти столь же удобное пристанище? И стоит ли мое приближение к трону сегодняшних мучений? К той боли, которую я испытывала сейчас, привычна любая ардерская женщина, это правильное и регулярное неудобство, которым мы расплачиваемся за возможность деторождения. Просто мне сейчас пришлось платить также за смену пола, соответственно и боль, и неудобства были концентрированы.

Наверное, я задремала, лиловый диск Нобу приблизился, я рассмотрела фигурки каких-то то ли зайцев, то ли кроликов, мельтешащих в лиловой траве, стебли которой тоже мельтешили, извиваясь и переплетаясь сложными фигурами.

Пробило двенадцать, я избавилась от половины воды, открыв сток ванны, и добавила горячей.

Королева говорила, что феи в состоянии превратить женщину в мужчину, это, кажется, называется «окончательная трансформация». Если я не хочу до седых волос раз в месяц страдать и прятаться от чужих глаз, мне стоит, наверное, ей подвергнуться. Интересно, Илоретта сможет это сделать?

На этой мысли я отрубилась окончательно. Снилось мне темная королева Нобу, принимающая то мужской, то женский облик, а разбудил далекий, но энергичный стук в дверь.

Я выскочила из остывшей за ночь воды и заметалась сначала по ванной, а потом и по спальне.

- Бастиан Мартере граф Шерези! - орала из коридора. - Все ждут только вас!

Одежда валялась на полу, там, где я ее оставила, но надеть эти лохмотья не представлялось возможным. Кафтан с прожженными до дыр рукавами, замаранная сорочка и камзол, украшенный бахромой потертостей и пятнами копоты. Я выдернула из тряпичной кучи пояс, застегнула его на талии и закуталась в первую попавшуюся под руку простыню.

Чувствовала я себя великолепно. Живот не болел ни капельки, а пояс сел как влитой, из чего я заключила, что никаким непоправимым изменениям мое тело за ночь не подверглось.

- Кто и где меня ждет? - Резко отбросив засов, я распахнула дверь и встретила взгляд серых глаз Гэбриела ван Харта.

- Вы один?

- А вам какое дело? - Я потянула дверь, желая захлопнуть ее как можно быстрее.

- Значит, не один. - Из-за спины ван Харта показалась ручища Оливера Виклунда, и именно ему принадлежал голос. - Может, познакомишь нас со своей дамой?

Я поднажала, но против великана шансов у меня не было. Предусмотрительность замковых строителей, установивших дверное полотно так, чтоб оно открывалось наружу,

то, что обычно мешает нападающим выбить дверь, сейчас играла против меня.

- Господа, - сказал Станислас Шарль Доре, - недостойно мужчины и дворянина раскрывать инкогнито дамы.

- Ты прав, - сказал Оливер и убрал руку. - Одевайся, Цветочек, прощайся с прекрасной незнакомкой, мы подождем тебя в коридоре.

Я дернула дверь и захлопотала с засовом.

- Не торопитесь, Шерези...

- Что-то еще? - засов я все-таки опустила.

- Извольте открыть, лорд Мармадюк велел передать вам одежду.

Дай Спящий здоровья его шутейшеству и быстроты роста волос! Мой лорд подумал обо мне! Хотя стоп! Может быть, меня пытаются провести? Что, если для кого-то из присутствующих в коридоре ворваться в спальню, в которую их не желают пускать - это не бесчестие, а наоборот - дело чести?

- Оставьте сверток у порога и отойдите от двери! - велела я после минутного размышления.

Еще через минуту я услышала далекое и раздраженное:

- Ваша одежда ждет вас.

Так, значит, Гэбриел отошел. А остальные? Стоит, мне кажется, проявить осторожность.

- Лорд Виклунд? - требовательно и громко спросила я и, дождавшись далекого ответа, спросила опять: - Лорд Доре?

Потом в приступе подозрительности я заставила всех троих ответить хором и только после этого втащила сверток внутрь через узенькую щель.

Странные все-таки они люди, ардерские мужчины. Я бы на их месте уже давным-давно смертельно обиделась и ушла по своим делам. Ну ладно, Оливер со Станисласом, они мне хотя бы друзья и привычны к некоторой эксцентричности шерезского графа, но ван Харт? Что заставляет его терпеть сейчас мои капризы? Повеление Мармадюка или простое любопытство?

Я бросила на постель извлеченный из свертка новый лиловый камзол и прочие лиловые предметы туалета, расшитые жемчугом и канителью.

Затылком я почувствовала взгляд, так бывает, как толчок, заставивший резко обернуться к двери. Кажется, ардерских мужчин удерживало здесь все-таки любопытство. Я готова была поставить свою алмазную звезду на то, что сейчас один из них приник к замочной скважине. Они пытаются рассмотреть мою мифическую даму? Какое счастье, что простыня все еще на мне! Просто Спящий уберег. Но каковы мерзавцы! А еще дворяне! Благородные мужи, долженствующие служить примером низшим сословиям! Фаханы мокрые и сластолюбивые! Желаете видеть даму Цветочка Шерези? Ну так я вам сейчас ее покажу!

- Оставайтесь здесь, любовь моя, - негромко, но отчетливо произнесла я, двигаясь в сторону ванной комнаты, - скоро путь будет свободен.

Вход в купальню от двери не просматривался, я сбросила простыню, расстегнула пояс и, подхватив с бортика полотенце, накрыла им голову, скрыв лицо.

- О, граф, - протянула я нормальным женским голосом, голосом Басти, - надеюсь, наш любезный хозяин не поспешит вернуться в свои апартаменты. Я пережду четверть часа, прежде чем выходить за вами.

Я капризно растягивала слова, одновременно пересекая комнату. Я была абсолютно голой, не считая ткани, прикрывающей лицо на манер капюшона.

В коридоре грузно завопили, кто-то чертыхнулся, затем, видимо, устыдившись разоблачения, ардерские мужчины удалились. По крайней мере, я их больше не слышала, пока спокойно одевалась, все же предосторожности ради скрывшись в ванной комнате.

Оставить здесь старые лохмотья я не посмела, хозяин этих покоев мог поинтересоваться, почему и чем они замараны. Поэтому свернула их, стянув многострадальной простыней, и отдала прачкам, когда в сопровождении Виклунда, Доре и ван Харта шла мимо хозяйственных построек.

Меня вели на общее построение, о чем сообщили, краснея и пряча глаза. Интересно, кто из этих троих удостоился чести лицезреть формы возлюбленной графа Шерези?

Хотя интересно и другое. Почему соратники мои выглядят столь уставшими и вялыми? Одеты они были в форменные камзолы – ван Харт в черный, Виклунд – в привычно красный, а Доре в синий, который шел ему невероятно. Одежда была новой и нарядной, мишенью – помятыми и более чем будничными.

– Нам пришлось пить всю ночь, – ответил мне на прямой вопрос Станислас. – Лорд Мармадюк возжелал компанию, мы были вынуждены ему ее предоставить.

– Цени, Цветочек, нашу жертву, принесенную на алтарь твоих любовных побед, – зевнул Виклунд.

Ах, значит, его шутейшество, лишившись спальни, не нашел ничего лучшего, чем ввалиться к моим друзьям?

– Лорд-шут объяснил вам, что от нас сегодня требуется?

– В общих чертах. Каждый из нас получит под командование одно крыло, за шесть дней мы должны их подготовить.

– К чему?

– К тому, что сойдет за экзамен и смотр в глазах доманского посольства. – Мандолина Станисласа устало тренькнула. – Кстати, любезный Шерези, ты, абсолютно случайно, не владеешь доманским?

– Доманским чем?

– Языком, конечно же.

– Абсолютно случайно – да.

– Тогда переведи, будь любезен...

Далее последовала забористая фраза, произнесенная с чудовищным акцентом.

– Что это значит?

Я покраснела:

– Кто тебе это сказал?

– Лорд Мармадюк до рассвета учил нас доманскому, – грустно ответил Станислас, – когда мои способности к языкам были признаны недостаточными, он заставил меня вызубрить это наизусть. Так что я только что сказал?

– Что предпочитаешь делить ложе с огромными волосатыми мужчинами.

Виклунд, прислушивающийся к нашему разговору, захохотал.

– А что заставили выучить тебя, Оливер? – ядовито спросила я великана.

Свой урок он оттарабанил без запинки.

– Это что-то обидное?

- Наверное. Ты никому не позволишь обидеть свою женушку, но из-за двусмысленности построения фразы можно сделать вывод, что твоя женушка также мужчина.

И пока Виклунд раздумывал, обидно это или не очень, я повернулась к Гэбриелу:

- Что у вас, лорд?

Ван Харт вообще не чувствовал языка, он выталкивал слова, будто сражался с каждым словом. Я едва поняла, что он хотел сказать, а когда поняла - покраснела.

- Фантазия и чувство юмора лорда Мармадюка оставляют желать лучшего. Это тоже шутка про мужеложество.

Я покачала головой и пошла вперед. Щеки горели. Только что я услышала: «Мой цветок лишь для моего сада. Люблю, желаю, добыю, сорву». В доманском довольно много слов для обозначения видов любви. Те, которые заставил выучить Гэбриела Мармадюк, носили оттенок одержимой страсти. И цветок... я догадывалась, какой именно цветочек имел в виду зловредный шут.

Кто-то слишком разыгрался. Мне захотелось щелкнуть этого кого-то по носу.

- Лорд Доре, - я остановилась посреди двора, - желаете услышать забавную историю, которую неплохо было бы зарифмовать и положить на ноты?

- Я весь нетерпение! - Мандолина подтвердила слова менестреля. - Давненько граф Шерези не баловал нас новеллами, подтверждая титул лучшего рассказчика королевства.

- Однажды некий шут некой королевы... - напевно и громко начала я. - Мы не называем имен, это было давным-давно, кто знает, какая королева тогда была и как звали того достойного лорда. Так вот, некий шут отправился к фее...

Через минуту к небесам вознесся хохот.

- Все волосы? - Оливер вытирал слезы, выступившие от смеха. - И... там?

- Везде, - кивнула я, скромно потупившись, - фея была очень старой и не брезговала ничем.

- Граф Шерези! - Подбежавший к нам паж был совсем юным. - Немедленно пройдемте со мной!

- Что произошло?

- Королева желала видеть вас во время утреннего туалета... - Мальчишка запыхался и говорил прерывисто. - А лорд Мармадюк позабыл... А мы вас ищем, и если вы не явитесь к ее величеству, мне попадет.

Ну конечно! Забыл Мармадюк, но попадет этому ребенку! Чудесные порядки!

- Вынужден вас покинуть, господа, - кивнула я миньонам и побежала за пажом.

Утренний королевский туалет происходил в знакомой мне опочивальне и был довольно многолюдным и, к ужасу моему, донельзя регламентированным. Об этом сообщил мне юный Филипп, именно так звали мальчишку. К слову, своего высокого пажеского статуса он достиг сегодня на рассвете. То, что большинство королевских пажей отправились изображать миньонов, способствовало карьерному взлету замковой малышни. Поварята и посыльные, портняжки и подметальщики, даже трубочисты, ценившиеся именно за малый рост, надели сегодня форменные камзолы со звездами и пажеские береты.

- Филипп Пуазон, - представился мне провожатый, сложив перед грудью ладошки.

Я поклонилась в ответ, чем вызвала его довольную улыбку. И хотя в должности своей юный Филипп был новичком, в самом дворце - настоящим старожилом. Он и родился здесь, и ни разу за девять лет не покидал королевского замка.

- Фаворит королевской особы удостоивается чести держать свечу у ложа, когда ее

величество его покинет. Не смейтесь, граф, это большая честь. Да не хихикайте, будьте серьезней. Вы должны находиться не далее полутора туазов от постели, но и не ближе этого расстояния. Когда главная фрейлина подаст домашние туфли, вы должны приподнять канделябр...

Я слушала довольно внимательно. Поэтому к тому, что кроме фрейлин в спальне ее величества я встречу двух министров и одного лорда-камердинера, а также с десяток незнакомых или смутно знакомых мне дворян, была готова.

Аврора ждала моего появления, лежа в постели, она раздраженно покачала головой, когда я появилась в дверях. Леди Сорента сунула мне в руки четырехсвечный канделябр, тяжелый, как ее взгляд, и я приступила к исполнению своей роли королевского любимчика. Та еще роль, если честно. Во-первых, было тяжело, во-вторых, жарко от свечей, воск стекал со всех четырех рожков точнехонько на мои манжеты. Я сдувала прилипающую ко лбу челку и изо всех сил пыталась соответствовать.

Домашние туфли с меховой опушкой опустились на коврик, Аврора, придерживаемая под руки двумя фрейлинами, ступила на них, еще две фрейлины набросили на ее плечи невесомый халат.

Я в это время подняла канделябр над головой.

Королева неторопливо выбирала платье из десятка предложенных, затем украшения, затем, кивнув леди Соренте, замерла, пока та расчесывала ее кудри.

Я пыхла, на лоб упала капля свечного воска. Ее величество улыбнулась мне в зеркальном отражении:

- Оставьте жирандоль, граф Шерези, и подойдите ко мне.

Я торжественно отдала канделябр ближайшему дворянину, ошалевшему от свалившейся на него чести.

- Ты хотел видеть меня вчера? - интимным шепотом спросила Аврора, когда я приблизилась.

Честно говоря, разговор с глазу на глаз я всегда представляла себе иначе. Королева шептала столь отчетливо, а уши набившегося в спальню народа были столь чутки и наострены, что даже для наивной меня стало многое понятно.

- Влюбленное сердце всегда желает биться как можно ближе к объекту обожания!

Я опустилась на колено и вперила в ее величество восторженно-безумный взгляд. Видимо, примерно такое поведение и ожидается от королевского миньона. Потому что меня потрепали по голове и удостоили чести закрепить в королевской прическе две из двадцати восьми положенных золотых шпилек.

Утренний королевский туалет напомнил мне королевский же совет, на котором имел честь присутствовать граф Шерези днем ранее. Он тоже был бесконечно долгим и малопонятным. Только сегодня мне приходилось не дремать в зрительном зале, а отыгрывать роль влюбленного дворянина. Это было несложно. Что я, влюбленных мужчин не видала на своем веку? Да предостаточно. В Шерези верной приметой любви считалось молниеносное оглушение субъекта нежной страсти. То есть если мужик начинал вести себя как дурак, это оно - любовь.

Поэтому сейчас я вздыхала с томным видом и благоговейно касалась кончиками пальцев подола ее величества, делая это как бы украдкой, но с точным расчетом, чтоб все всё заметили.

Бедная, бедная Аврора! Я сидела на скамеечке в ногах своей леди и любовалась ее тонким профилем. Ей явно претит весь этот протокол, заведенный во дворце порядок, ей не нравятся люди, которые ее окружают. Лицо королевы не выражало почти ничего, кроме рассеянной заинтересованности. А какие разнообразные эмоции там отражались, когда мы болтали с ней в комнате Мармадюка, когда Аврора утешала зареванную и несчастную Басти, которую обидел коварный Гэбриел. Тогда ее лицо было живым, теперь же окружающим показывали лишь продуманно красивую маску.

Наверное, своим молниеносным возвышением я обязана и этому королевскому одиночеству. Ей понравилось болтать со мной, она меня приблизила. И мне надо попытаться это доверие оправдать, быть для своей королевы верной подругой.

Утренний туалет не заключался лишь в зрелище одевающегося монарха. Леди Сорента постоянно подводила к туалетному столику сановников, лорд-министр финансов задержался дольше прочих, он вполголоса зачитывал ее величеству столбики цифр из своего документа. На три тысячи пятьсот сорок четыре дробь восемнадцать запятая семь меня сморил сон.

- Цветочек, проснись! У нас несколько минут.

Я вскочила со скамеечки как пружина. Ее величество, полностью одетая и причесанная, стояла у окна, больше в комнате никого не было.

- Что я должен успеть за это время?

- Услышать, понять, запомнить.

Никакой томной неги в голосе королевы больше не было, только деловитость.

- Ты же понимаешь, что задача вас четверых не в том, чтобы подготовить к смотру толпу пажей?

- Догадываюсь. Наши наставники справятся с этим делом лучше четверки недоучек.

- Я в тебе не ошиблась, Шерези. Самое важное - посольство. Во главе его прибывают двое достойных доманских лордов - Рамос и Перес.

Эти имена упоминались на королевском совете, поэтому я просто кивнула, экономя время.

- Твоя задача выяснить, за каким мокрым фаханом...

Далее ее величество завернула столь забористую словесную конструкцию, что у меня перехватило дыхание.

- Они попытаются тебя обаять, дорогой. Подкупить, запугать, перетащить на свою сторону. Ведь ты первый королевский фаворит, значит, не вызвать их интереса не можешь. Твой доманский хорош? Ах, не отвечай, вопрос был лишним. С матушкой - доманской уроженкой у тебя не было шансов его не выучить.

Я кивала, все еще оглушенная королевским красноречием.

- Иди, дорогой. Если возникнет необходимость во встрече, скажи Мармадюку, он все устроит. Но будь осторожен, мы не знаем, кто именно во дворце работает на доманцев, поэтому вынуждены подозревать всех. Я верю только тебе и Мармадюку.

- Одну минуту, моя леди, - я схватила королеву за запястье, - если замок наводнен шпионами, как нам удастся скрыть от Рамоса и Переса отравление миньонов?

Она широко шагнула в сторону, вывернув руку, это явно был какой-то рукопашный прием, и тренькнула моей серьгой:

- Не лезь, куда не просят, милый, это не твоего ума дело.

Последние слова были сказаны тем самым «особенным» голосом. Я поняла, что в комнате мы больше не одни, прежде чем услышала звук распахивающейся двери.

Я вздохнула, выпучив от страсти глаза, и грустно удалилась, не забыв послать воздушный поцелуй своей даме сердца. Удалилась на плац, чтоб с головой окунуться в подготовку.

Бусики! Сколько же здесь было этих самых бус! Бывшие пажи, а ныне бравые миньоны были обвешаны ими на манер священных деревьев или малихабарских вельмож с полотен моей достойной матушки. Я вспомнила, как мы с друзьями сражались за каждый медный или серебряный шарик, и вздохнула. Некоторые вещи ценны только

потому, что мы считаем их ценными. Кстати, о бесполезных штуках. Во всей этой суете я забыла о своем мужском достоинстве, мне казалось, что я забыла еще о чем-то, но это что-то забылось совсем намертво. Коко-де-мер, мой верный... гм... верное... или верные... Ах, неважно. Замены своему коко-де-меру я так и не нашла, и теперь мне казалось, что и так сойдет. Мои новые штаны были скроены таким чудесным образом то ли вследствие требований моды, то ли потому, что кое-кто велел портным скроить их именно так, что сами собой топорщились в нужном месте, плотно облегая при этом бедра. Я решила не умножать сущности сверх необходимого. Держать в голове еще и морской кокос... Нет, увольте.

Оглядев свое воинство – тридцать юных балбесов в одинаковых белых камзолах претендентов, я возвестила:

- Спящий, храни королеву!

Мармадюк посмотрел на молодых людей с нескрываемым отвращением:

- Как? Объясните мне как? За какие грехи Спящий послал мне именно вас, троих великовозрастных балбесов, не способных к языкам?

- В прошлой жизни вы предали свою страну, – лорд Оливер Виклунд говорил со школярской старательностью.

- Что?!

- В моих краях говорят именно так. Если человека постигла эпичная неприятность, значит, в прошлой жизни он предал страну.

Шут подошел к великану и, запрокинув голову, внимательно посмотрел тому в глаза. Тиририйский берсерк изволит шутить? Похоже на то, хотя роль недалекого увальня отыгрывать тоже не забывает. Однако Цветочек умеет выбирать себе друзей. Судя по сведениям, которые Мармадюку удалось собрать, наследник Виклундов сбежал в столицу из своего клана, скрываясь от преследования прочих претендентов на княжеский горный престол. Ход был изящным, лет за пять они там поубивают друг друга к фаханам, и тогда у Оливера появятся неплохие шансы.

- Почему никто из вас не говорит на доманском?

- Ну почему же не говорим? – Виклунд, видимо, решил отдуваться за всех. – Я никому не позволю обидеть свою женушку! – сказал он по-домански. – Вот и граф Шерези похвалил мое произношение, милорд.

Мармадюк поморщился. Эк его вчера занесло, хотя заставить болванов заучивать глупости было весело.

- К тому же, милорд, кроме Домании существуют и другие королевства, в некоторых из них говорят более чем на одном языке. Я владею скасгардийским, лорд ван Харт – тарифским наречием, а лорд Доре вообще может объясниться в любви на семи или восьми языках.

- Я делю ложе с волосатыми огромными мужиками! – поддакнул Станислас на доманском.

Мармадюк понял, что болваны над ним потешаются. И это было... забавно. Шут расхохотался и хлопнул менестреля по плечу:

- Туше, господа, один-один. Вы познакомились со своими подчиненными?

- Да, милорд.

- Сможете подготовить их за шесть дней к экзамену и турниру?

- Как вам будет угодно, милорд, – говорил Виклунд, но ван Харт приблизился к нему на полшага.

- Какие-то проблемы?

Оливер замялся, потом кивнул Станисласу:

- Лорд Доре, озвучьте наши размышления.

- Зрелищность, мой лорд. Все, что мы намереваемся показать доманцам - скучно и не поражает воображение.

- Хороший турнир и военный смотр требуют хорошей выправки участников, которой королевские пажи не обладают в полной мере, - дополнил Виклунд.

- А что скажете вы, ван Харт? - повернулся шут к Гэбриелу.

- Если мне будет дозволено предложить, я бы поручил каждому крылу свою часть подготовки. Лорд Виклунд может выбрать себе несколько десятков наиболее бравых парней и подготовить их к турниру, лорд Доре - обучить крыло музыкантов, а я бы взял на себя экзамен по географии и картографии, который будет смотреться ярче, чем проверка знаний по арифметике или логике.

- А что вы оставите Цветочку?

Ван Харт пожал плечами:

- Тех пажей, которые не вошли ни в одну из перечисленных групп.

- Тупых немзыкальных задохликов?

- Таланты лорда Шерези, - ван Харт криво улыбнулся, - найдут им применение.

«Да уж, - подумал Мармадюк, - повезло Цветочку с друзьями...»

- Кстати, а где сейчас граф Шерези? Почему его нет с вами?

- Он в госпиталии, - ответил шуту Станислас, - пошел проведать нашего друга Патрика Уолеса. Лорд-коннетабль поведал нам на утреннем смотре, что завтра вокруг обители братьев-медиков поставят оцепление и посещения будут запрещены.

- Да, мы пытаемся загасить сплетни о наших горестях, чтоб они не достигли ушей доманского посольства. Кроме оцепления госпиталии мы занимаемся еще и сменой obsługi внутреннего замкового круга. - Мармадюк хлопнул в ладоши. - Что ж, господа, поступим именно так, как вы предлагаете. Музыка, наука, война и... дураки.

Глава 5

Белый цвет глупости

После хлопотного бестолкового дня пахнувшая лекарствами тишина госпиталия умиротворяла. Я сидела на постели Патрика и изводила вопросами братьев-медиков, допустивших оплошность попасться на мои глаза. По очереди.

Сейчас оплошал брат Гвидо.

- Граф, я не чародей и у меня нет хрустального шара, - монотонно говорил он, - я не могу предсказать, когда ваш достойный друг Патрик лорд Уолес придет в себя.

- А как же противоядие, которое вам велели изготовить?

- Мы пользуем всех пострадавших молодых людей одинаковым набором эликсиров...

Он украдкой зевнул и посмотрел в окно. Там было хорошо, золотисто поблескивали замковые шпили и не было меня. Брату Гвидо очень туда хотелось.

Я отодвинула простыню и взяла Патрика за руку. Она была живой и теплой, жилка на запястье пульсировала.

- Может быть, он нас слышит, - сказал брат-медик. - Может быть, граф, если вы поговорите с ним немного, это поможет. Я читал о таких случаях.

Я сжала ладонь, кивнула лекарю, наконец того отпуская, и повернулась к Патрику. О Спящий, как же он красив!

- Привет, дружище. Если ты меня слышишь, знай, мы тоскуем и ждем, когда ты придешь в себя. Мы, все трое: и Оливер, и Станислас, и я. Наверное, мне особенно тебя не хватает. Даже посоветоваться не с кем. Ты же из нас самый умный и рассудительный, и там, где от великана с менестрелем получишь лишь шутку или, Спящий сохрани, песню, от тебя - ученую мысль. Или вот, например, радость. Я уверен, ты был бы рад моей алмазной звезде, ты бы гордился мной, а эти двое...

Я нажаловалась Патрику на то, что наши друзья почти бросили меня, предпочтя злокозненного ван Харта, и выгнали меня, брошенного, к нему в спальню. Потом посетовала, что не успела запомнить имен всех трех десятков своих подчиненных пажей, и на то, что лорд-коннетабль нелестно отозвался о моих молодцах во время тренировки. И на то, что королева позволила мне закрепить только две из двадцати восьми шпилек, что, наверное, говорит о неглубоком ее ко мне чувстве...

На шпильках я поняла, что заносит меня куда-то не туда. Заигралась ты в миньона, деточка, явно заигралась, если притворяешься даже перед Патриком, бесчувственным, заметь, Патриком.

Я покраснела от стыда.

- Вам нехорошо, граф. - Гвидо подошел неслышно и заставил меня вздрогнуть.

- Мне просто грустно.

- Если позволите, лорд Шерези... - Барт Гвидо раскрыл ладонь, показывая мне крошечную склянку. - Я заметил, что недавно вы прокололи себе мочку уха.

Я кивнула.

- Мой взор медика заметил, что ранка воспалилась. Вам следует ее обработать, чтоб не было нагноения.

Я вспомнила, что и сама собиралась обработать ухо, но забыла. И это было не единственное, о чем я забыла, но то, второе, забылось намертво. Я попыталась вспомнить сейчас, поэтому не обратила внимания, как брат Гвидо осторожно открыл склянку и перевернул ее над шариком корпии. Я смотрела мимо него. Что же я забыла, что?

Рука разжалась, выпуская ладонь Патрика, влажный комочек прикоснулся к ранке, брат Гвидо был в перчатках, жесткая кожа царапнула заушье.

Стрела!

Я резко дернулась, склянка покатила по полу. Точно так же, как моя стрела, стрела Этельбора.

Брат Гвидо был человеком невероятной выдержки, это не требовало еще одного подтверждения. Того, с каким стоицизмом он переносил мое присутствие последние два часа, хватало с головой. Он даже не дернулся в сторону склянки, отвечая на целый град моих вопросов.

Стрела? Была стрела. В футляре. Ее разыскали на полу пажи. Какие пажи? Один из них. Дювалиец, если припомнить его высокие скулы и серые глаза, типичные для дювалийцев. Значит, мы можем сделать вывод, что это был какой-то ван.

Паж и ван в моей голове сложились в ван Сол, поэтому я попрощалась с Патриком, кивнула брату Гвидо и широкими шагами отправилась в пажеские казармы.

Ван Сол обнаружился в столовой, распеваящим и распивающим. Пили там красное, а пели...

Я остановилась, прислушиваясь, затем хихикнула. Песня была в том привязчивом простонародном ритме, в котором хорошо плясать, держа у пояса пышные юбки, прыгать вокруг костра, не забывая орать ее во все горло, и была она при этом сюжетной.

«...Ах, как же его звали, его ведь как-то звали, определенно звали...»

На этой строчке припева я выловила за ухо ван Сола.

- Где моя стрела, Дэни?

Он долго не ломался, так, слегка похорохорился, бегая от меня вокруг стола и осыпая оскорблениями лорда Бастиана и все шерезское дворянство в его лице, и отбиваясь от меня ногами, и пытаясь меня поцарапать, как девчонка, и уворачиваясь от вертела, с которым я за ним бегала, предварительно сдернув с очага и уронив на пол жарящихся на нем каплунов. Каплуном я ван Сола и достала, подняв с пола сочащуюся жиром тушку и бросив в его тощую спину.

Дэни ван Сол рухнул, я поклонилась аплодисментам и крикам «Браво!» От предложения исполнить «на бис» отказалась, пояснив, что для вещей гениальных требуется вдохновение, которое у меня появится, если мы немедленно не выясним, куда делась моя стрела. И вдохновение это будет направлено уже не на поверженного ван Сола, а на вот этого вот юного болвана или на этого...

Каждый, на кого указывал мой карающий вертел, прятал серые глаза и съезживался.

- Твой фаханов футляр, Цветочек, у ван Харта, - сообщил лежащий ван Сол и даже осмелился погрозить мне ножкой каплуна, - попробуй на него так же наскочить!

Эту сентенцию я оставила без ответа. Я быстро миновала коридор, взбежала по винтовой лестнице, толкнула правую дверь. Ван Харт, стоящий у окна, обернулся, я взмахнула ставшим неожиданно тяжелым вертелом и, заорав «Ты - вор!» - бросилась вперед.

Видали когда-нибудь ван Хартов на вертеле? Вот и мне не довелось. Потому что скрутили меня в два счета. И кто! Господа, которых я считала своими друзьями: злокозненный Виклунд с нечестивым Доре!

Я немножко возгордилась, что тирийскому великану понадобилась помощь, и обозвала всех присутствующих щенками и канальями. А пока я искала синонимы позабористее, ван Харт сунул мне под нос футляр со стрелой Этельбора.

- Она все это время была здесь, граф, в вашей спальне! Пажи принесли ее сюда в ваше отсутствие.

У правого плеча бормотал Оливер:

- Цветочек, не пори горячку, надо сначала разобраться, прежде чем бросаться оскорблениями.

У левого – напевал Станислас:

- Нужно выпить хмельного в честь вашего примирения.

Какое еще примирение, о чем он? Я дернулась, освобождая плечи, и огляделась. Без меня здесь неплохо проводили время. На моем одёжном сундуке на льняной салфетке стояли пузатая бутылка, бокалы и блюдо с фруктами.

- Уберите это, – велела я, кивнув в сторону сервировки, потом выдернула футляр из рук Гэбриела и проверила его содержимое.

Станислас послушно освободил крышку сундука, я откинула ее, пряча этельборгов артефакт среди одежды.

Ван Харт врет, я в этом уверена. Если бы пажи принесли пропажу мне, они так бы и сказали. Но что я могу сейчас сделать? Ничего. Мои друзья переметнулись на другую сторону, и возвращать их я не намерена. Меня ведь уже предавали и в дружбе, и в любви. И единственный урок, который я вынесла – оставить прошлое в прошлом, предавший однажды, предаст и впредь, а тратить часть своей души на сожаление – глупость. Мне было грустно, очень грустно, казалось, что будь сейчас со мной Патрик, он не позволил бы мне остаться в одиночестве. Я даже всхлипнула шепотом, склонившись над сундуком.

Надо просто обернуться, сказать несколько пустых слов и завалиться спать, чтоб этот день побыстрее закончился. Завтра уже не будет так больно.

За слово «боль» зацепилось ощущение: пульсировала и горела мочка уха, видимо, зря я не осталась в госпиталии и не завершила обработку ранки. А может, не зря. Эта боль отвлекала меня от другой, менее материальной. Я сконцентрировалась на ней, захлопнула сундук, разогнулась, обернулась к бывшим друзьям и замерла в удивлении.

- И что ты хочешь теперь с ним сделать, Цветочек? – Виклунд стоял у окна, загоразивая его полностью, и отряхивал ладони.

Ван Харт полулежал на своей кровати, прислоненный к подушкам, и вращал глазами, сделать ничего сверх он попросту не мог. Пока я сопела над имуществом, его так плотно обмотали веревкой, что он стал похож на фаршированного поросенка. Сходство увеличивалось большим кляпом, который при внимательном рассмотрении опознавался как ванхартов же носовой платок, но на первый взгляд казался яблочком, которое у поваров принято засовывать в свиную пасть.

- Сейчас прольется чья-то кровь? – вопросительно напел Станислас, устроившийся на краешке постели. – Единственное, о чем мне хотелось бы тебя предупредить, граф, на тот случай, если ты забыл: проливать дворянскую кровь в Ардере запрещено королевским указом. Поэтому я на всякий случай оставил тебе туза полтора веревки, если ты предпочтешь удушье.

- А еще можно просто оставить его наедине с менестрелем, – сказал Виклунд, – ставлю сто против одного, он запоет его до смерти еще до полуночи.

Я молчала, думала-то я быстро, но все не о том. Я думала, что Гэбриел – красивый фахан, даже в такой унижительной позе, даже с вышитым вензелем носового платка на свисающем на подбородок лоскутке.

- Что происходит? – наконец пискнула я жалко, переведя взгляд с ван Харта на Виклунда.

Тот присел на подоконник, уперевшись спиной в стену:

- Этот дювалийский дворянин обидел нашего друга, друга, с которым мы поклялись верности друг другу перед ликом Спящего Лорда, поэтому мы должны отомстить. А так

как обидел и, кажется, оскорбил этот дювалиец именно тебя, тебе и решать, как именно мы это свершим. И если бы ты, Цветочек, не мотался по ночам неизвестно где и с кем, – тут он мечтательно закатил глаза и я поняла, что Оливер-то точно подсматривал в замочную скважину покоев Мармадюка, – получил бы свой подарочек гораздо раньше.

– Мы долго думали, – гордо пропел Станислас.

– Минут десять, – кивнул Оливер.

– Лучше всего было бы, конечно, чтоб ты, Цветочек, отбил ван Хартову невесту. Среди пажей ходят упорные слухи, что леди Дидиан ван Сол – исключительно благонравна и хороша собой...

Святые бубенчики! Они действительно думали!

– И что вас заставило передумать? – спросила я с интересом и уселась на свою кровать.

Мне было хорошо. Мои друзья со мной! Что еще нужно? Да вообще ничего! Даже мечь Гэбриелу не казалась мне сейчас сколько-нибудь важным делом.

– Бедная девочка ни при чем, – пропел Станислас, – если бы действительно влюбился в нее, тогда было бы совсем другое дело и мы бы всячески способствовали соединению ваших сердец, но обманывать ни в чем не повинную душу – недостойно ардерского мужчины и дворянина.

Ван Харт фыркнул, выплевывая кляп:

– Дидиан и Цветочек Шерези? Да я бы сам с удовольствием на это посмотрел!

– И кто из вас так паршиво засовывает кляпы? – строго спросила я.

– Потому что это шелк, – оправдывался Виклунд, поднимая многострадальный платок и начиная его сминать, – а в Тиририйских горах, знаешь ли, с шелком не очень.

Он приблизился к кровати, Гэбриел замотал головой.

– Стой! – Я подняла руку. – Лорд ван Харт не будет кричать, ведь если кто-нибудь примчится к нему на помощь и увидит всю нелепость его положения...

Гэбриел побледнел, в дурацких ситуациях он оказываться не любил, мужчина, что с него взять.

– Когда мы с вами обсуждали наши дела, граф Шерези, вы обещали мне не докучать более.

– И вы поверили? После того как использовали мою наивность и доброе отношение?

– Не поверил, – ван Харт криво улыбнулся, – я уже немного изучил ваш темперамент, но ожидал мелких пакостей вроде испорченной одежды или сплетен.

– Такая мечь недостойна мужчины и дворянина, – ахнул Станислас.

Я покраснела, потому что примерно так свою мечь и представляла.

– И что мне теперь с вами делать?

– Это ваша мечь, граф, вам и решать. – Ван Харт попытался пожать плечами, но только хмыкнул. – Можете, к примеру, меня покалечить, шрам на другой щеке придаст симметричное завершение моему образу.

– И снизит ваши шансы на алмазную королевскую звезду. – Я качнула серьгой и поморщилась от боли. – А также продемонстрирует всем, на какие подлые шаги готов Цветочек Шерези, чтоб оставаться единственным миньоном королевы?

– Наш Цветочек – самый умный фахан во всех пяти королевствах, – торжественно сказал Виклунд. – Не вижу повода не выпить, тем более что дядя у меня умер именно от воздержания.

- И ты никому не позволишь обидеть свою женушку, - хихикнула я, принимая бокал.

Зеленый эликсир горячим шариком скользнул в горло, взрываясь в животе хмельными пузырьками. Мои друзья со мной! Они меня не предавали!

Фрукты были сочными и сладкими, закусывать ими было вкусно. Мы повторили тост, потом выпили за дружбу, потом за любовь, которую, мы были уверены, каждый из нас встретит рано или поздно, потом за королеву - даму сердца, которую мы уже встретили. Мне подумалось, что в нашем отношении к королеве кроется что-то глубоко неправильное, я бы даже сказала - противоестественное. То есть мы любим ее величество и хотим быть рядом с ней, но при этом не собираемся отказываться от прочих радостей жизни. Мне напоминало это истории из бесконечных куртуазных рыцарских романов, которые входили в моду последние лет десять, входили настолько стремительно, что стали популярны даже в отдаленных провинциях. В историях этих у каждого рыцаря тоже была своя дама - дама-мечта, дама-звезда, а также куча пейзажей, пастушек, актрисок, фей без счета и прочих волшебниц, это не говоря уже о законных женах.

Еще было приятно наблюдать злобные гримасы ван Харта. Вел он себя тихо, лишь его серые глаза прожигали дыры в присутствующих.

- Зачем вам была нужна стрела? - спросила я, поймав этот взгляд. - Я же знаю, что принесли ее именно вам?

Он промолчал. Я хихикнула, фейский эликсир уже ударил в голову, хотелось дурачиться и делать глупости. Виклунд с Доре беседовали между собой, поэтому я встала и пересела на соседнюю кровать, придвинувшись к Гэбриелу.

- Вы хотите пыток, мой лорд, я их вам обеспечу, - говорила я с хриплым двусмысленным придыханием. Увидев опаску в глубине серых дювальнойских глаз, широко улыбнулась и наклонилась к лежащему. - Будете говорить, или мне продолжить мою сладкую месть?

Он сдался настолько быстро, что это даже немного разочаровало. Я бы не отказалась сейчас от поцелуя, сладкого такого поцелуя не дружбы, но мести. Но ван Харт заговорил, когда мои губы были почти на его.

- Мне не нужна ваша стрела, Шерези, мне нужен Этельбор.

Я оттолкнулась руками от постели и выпрямилась:

- Вы интересуетесь покойниками?

- Только этим. И даже не им, а тем наследием, которое он после себя оставил.

Я получила ответ, но он ничего мне не объяснил.

- Продолжайте.

- Этельбор был именно тем, кто заложил фундамент Ардеры, тем, кто сменил королевскую династию, и тем, кто подчинил себе Дювали, обеспечивая Аврору трон. А то, что касается Дювали, касается и меня.

- Ах да, вы же дювальный принц, - кивнула я, - именно поэтому все воины долины и все пажы постоянно в вашем распоряжении. И что, вы как самый крупный феодал собираетесь бороться за независимость своего феода?

- Шерези, политика - не ваша стезя, - поморщился ван Харт, - все гораздо проще и одновременно сложнее.

- И поэтому вам так важен брак с ван Солами? Или добронравная и хорошенькая леди Дидиана все-таки очаровала ваше ядовитое сердце?

Меня слегка повело от выпитого, и я, не замечая, опять склонилась над лицом ван Харта.

- Узнаю Цветочка, - прошептал Гэбриел, - говорить о любви вам приятнее, чем о войне, или дипломатии. Возьмите ее себе, добронравную Дидиану. Я разорву помолвку, а вы

очаруете леди ван Сол и присвоите ее.

- Меня удивляет ваша покладистость.

- Это и есть дипломатия, Шерези. Я не хочу иметь вас своим врагом, я недооценил вас и ваших друзей. Женитесь на Дидиан, это укрепит ваше положение, вы станете герцогом и моим другом.

- Моя дружба не продается.

Он перевел взгляд с моих губ на сережку миньона:

- По крайней мере, вы перестанете быть моим врагом, свершив свою месть. Ну сами подумайте, что вы еще можете сделать? Все равно вам рано или поздно придется меня развязать и тогда все усилия лордов Виклунда и Доре пойдут прахом. Второй раз на их фальшивое приятельское расположение я не куплюсь, буду начеку. А еще, Шерези, я буду мстить, потому что сегодня меня обыграли болваны, которых я считал безобидными. И поверьте, моя месть будет гораздо изощреннее всего, что вы можете вообразить.

Я вспомнила, как последовательно он мстил собственному отцу, и поверила.

Гэбриел продолжал шептать:

- У вас есть только один вариант: умертвить меня немедленно. Тело можно сжечь в печах при королевских купальнях, вы знаете, такое нелепое строение, почти вплотную примыкающее к башне лорда Мармадюка. Возьмите полтора туаза веревки, которую отложил для вас лорд Доре, придушите меня, дождитесь отбоя и... Вам будет трудно нести труп по винтовой лестнице, поэтому лучше одновременно с первым ударом колокола сбросить его из окна, тогда на шум падающего тела не обратят внимания.

По спине у меня бежали стада ледяных букашек. Он все шептал свой четкий план по своему убийству и сокрытию улик, так что мне захотелось заорать или взять полтора туаза веревки.

- Замолчите!

- А то что? - Он приподнял голову и легко меня поцеловал.

Ситуация была нелепой, нелепой прежде всего для меня. Он прав, скоро придется его развязать и отпустить. Как он будет действовать освободившись, я могу только догадываться. Под ударом окажусь не только я, но и мои болваны, как их метко недавно обозвали. А уж какие удары умеет наносить дважды канцлерский сынок, я даже представить себе не смогу. Моя месть? Какая, к фаханам, месть в такой ситуации?

И еще: какого... гм... какого он меня опять поцеловал? Это была моя пытка, пытка угрозой поцелуя! Как это типично для Гэбриела - извратить все себе на пользу!

- Судя по вашей страсти, мой лорд, - прошептала я в его губы, - леди Дидиана не интересуется вас нисколько именно потому, что бедняжке выпало родиться женщиной. Я утешу ее с большим удовольствием, Цветочка Шерези хватит на всех прекрасных дев во всех пяти королевствах. А вы для своих нежностей разыщите мальчика помиловиднее, ибо я больше не желаю обмениваться с вами поцелуями дружбы.

Я оттолкнулась от плеч ван Харта и встала с кровати.

- Оливер, развяжи его, будь любезен. Мы пришли к соглашению.

Виклунд дернул за кончик веревки:

- И что это за соглашение?

- Через пять с половиной дней я разорву помолвку с леди ван Сол, - любезно пояснил Гэбриел, встряхивая освобожденными руками, - и как принц долины благословлю ее на вступление в брак с графом Шерези.

- Хорошая партия, - согласился Виклунд. - Значит, Цветочек, мы не обязаны теперь

ненавидеть Гэбриела лорда ван Харта?

- Не обязаны, - вздохнула я. - Но и не дружите с ним особо, лорд ван Харт вас всех купит и продаст с выгодой, если ему понадобится... Кстати, - я обернулась к ван Харту, который уже наливал себе зеленый эликсир, одновременно заталкивая в рот горсть виноградин, - откуда такая точность в датах? Почему пять с половиной дней?

- Потому что моя, а скоро не моя, а ваша невеста, граф, прибудет в столицу одновременно с доманским посольством, чтоб полюбоваться успехами своего жениха при дворе.

У меня слегка кружилась голова, я списывала это на хмель, но присесть и прислониться к подушкам все же пришлось. Я закрыла глаза, потолок кружился над головой, от этого мельтешения мутило.

- Вам придется поддержать нашего бойкого графа, лорд Виклунд, - донеслось издалека.

- Зачем? К утру проспится.

- У него явное заражение, неужели вы не видите, как воспалено ухо? Если не обработать рану, к утру лорд Шерези будет метаться в лихорадке, а к обеду отойдет в чертоги Спящего.

Сознания я не теряла. Слышала, как толково и обстоятельно ван Харт дает указания, как журчит вода, которой он моет руки, почувствовала острый запах какой-то настойки, потом стало больно. Я засучила конечностями, но колени и запястья были твердо зафиксированы, потом что-то лопнуло и комнату наполнило зловоние, по щеке что-то потекло.

- Корпию, - командовал ван Харт, - и вон ту склянку. Нет! Не прикасайтесь руками, только в перчатках!

Уху стало прохладно.

- Окуните серьгу в эту жидкость, надо вдеть ее обратно, иначе к утру ему опять придется прокалывать мочку.

- Волшебная штука, - одобрительно бормотал Виклунд, - только почему, лорд, обладая этим волшебным веществом, вы не сведете шрам со своей щеки?

- Чтобы помнить, - любезный Оливер, - некоторые вещи ни забывать, ни прощать нельзя.

- То есть вы не собираетесь оставить в покое лорда ван Хорна, вашего бывшего отца?

- А вы гораздо информированнее, чем можно было предположить. - В голосе ван Харта слышалось уважение.

- Ну, рты народу не позатыкаешь, так что в любом случае ваши семейные дела рано или поздно стали бы нам известны. Когда Цветочек рассказал нам, как вы спровоцировали лорда ван Хорна отказаться от вас, мы сопоставили уже услышанное с тем, что произошло.

- Лорд ван Хорн мнит себя тонким интриганом, - Гэбриел сел рядом со мной, я почувствовала, как прогнулся матрас. - Он женился на моей матери, стал владельцем Дювали, тогда ему казалось, видимо, что Адэр ван Харт не будет большой препоной, но получилось наоборот. Матушка моя, будучи натурой страстной и романтической, не могла простить своему супругу нелюбви. Ходят слухи, что это именно она виновата в его последующем бесплодии. Я помню свою мать только совсем без волос, она отдавала их феям за... Впрочем, мы теперь не узнаем, за что именно, можем только предполагать. Когда лорд ван Хорн потерял надежду на дювалийский престол, он обратил свой взор на Ардеру. Аврора недавно стала королевой, разумеется, все решили, что она ищет для себя короля.

- Я был слишком мал в то время, - сказал Виклунд, - но помню, что тиририйцы живо обсуждали ситуацию на клановых сборах. Мы не принимали участия в битвах, но, если бы приняли, свой вариант ардерского короля предложили бы непременно. Так что

сделал ваш отец? Теперь супруга ему мешала?

Я открыла глаза, Гэбриел сидел ко мне вполборота, я видела его шрам, прикрытый волосами.

- Мать погибла во время нападения разбойников на деревню, где мы тогда жили. Лорд ван Харт покарал убийц, но...

- Вы думаете, что все это было спланировано ван Хорном?

Гэбриел провел ладонью по щеке:

- Она страдала, всю жизнь страдала из-за глупого недальновидного мужчины. Если он ее убил, что ж, я хочу, чтоб он умер страдая, если нет, пусть страдает от невозможности достичь желаемого. Видит Спящий, я все для этого сделаю.

- Он собирается покинуть столицу, - вдруг сказала я, - ван Хорн просил королеву отпустить его с дипломатической миссией.

С удивлением на меня уставились все трое, Станислас даже поднял глаза от мандолины.

- Мне обидно ваше недоверие, господа, - я, кряхтя, села на постели, - с некоторых пор Цветочек Шерези вхож в очень высокие круги.

- Как ты, дружище? - Станислас с Виклундом захлопотали, налили мне вина, теперь вина, эликсир, видимо, закончился.

- Я такого нарыва в жизни не видал, - благоговейно бормотал Оливер. - Гэбриел вскрыл его этой штукой.

Я проследила, куда он показал, там на рогожке лежали крюки и ножи с тончайшими лезвиями, и кривая толстая игла, а также кучка измазанных какой-то гадостью корпиевых тампонов, склянка с мазью и бутылочка с настойкой.

- А еще у тебя не будет шрама. - Станислас сунул мне под нос медную полированную пластину.

В зеркальце граф отражался грязноватым и бледным, но бравым. Я проковыляла к клозету, закрылась там и сняла с широкого подоконника умывальную чашу. Полноценно умыться здесь, конечно же, невозможно, но я поплескала водой в лицо.

- Ну раз я поведал о своем прошлом, господа, - говорил ван Харт за дверь, - жду ответную любезность. Вы, лорд Доре! Какие скелеты болтаются на цепях в ваших семейных подвалах?

- Ах, батюшка мой - добрейшей души человек, и матушка, и никакой борьбы за власть внутри семьи. Вся власть у матушки, она наш лорд-коннетабль, лорд-казначей и лорд-канцлер. Меня сослали в столицу как не оправдавшего материнских ожиданий. У Оливера все гораздо эпичнее.

- Да нет, все тоже вполне просто. Я уже лет пять сирота и наследник без возможности вступления в наследство. Но я всех пересяжу. Если достаточно долго сидеть у реки, в волнах ее увидишь труп своего врага.

- А потом? - спросил ван Харт.

- Я объединю горные кланы, - просто ответил Оливер, - потому что я смогу это сделать, и мои люди не будут голодать, им не придется совершать набеги в близлежащие долины, чтоб прокормиться и прокормить детей.

Я сидела в клозете и страдала. У людей вон планы какие-то на будущность, ответственность, мечты, а я вообще ничего не хочу и отвечать ни за кого не хочу. Вот хочу, чтоб шрама за ухом не осталось - это абсолютно точно.

- Граф Шерези, вы там не умерли? - громко спросил ван Харт, выводя меня из задумчивости.

- А вы уже планировали, как столкнете труп в окошко клозета? - распахнула я дверь.

- А это прекрасная идея, - криво улыбнулся он, - внизу ров, в чьем зловонном содержимом копать никто не захочет, в следующий раз я поступлю именно так.

- Не забудьте синхронизировать действие с первым ударом колокола, - я подняла палец вверх, - вот как раз он!

- Десять. Я покину вас, господа. - Ван Харт свернул рогожку и с нею под мышкой убежал.

Виклунд с Доре переглянулись:

- Тут такое дело, Цветочек, ты только не сердись на нас...

- Что?

- Мы сегодня целый день изображали дружеское расположение к ван Харту, поэтому приняли одно его предложение, которое, кажется, может тебе не понравиться.

- Что?! - На глаза попался валяющийся вертел.

Они рассказали, быстро и перебивая друг друга.

- Дураки?! Мне достались дураки?

- Ван Харт решил, что если каждое крыло посвятить одному из соратников Спящего Лорда, лордам Отвага, Благородство, Верность и Честь...

- Дураки?

- Ты можешь выбрать Верность, цветочек, ты ценишь это качество превыше прочих...

Они опасливо косились на уже оказавшийся в моих руках вертел.

Вот так всегда, только я начинаю по-человечески относиться к меченому красавчику, сразу выясняется, что зря. Он же меня подставил! Завтра под моим командованием окажутся худшие из худших, и пусть соперничество крыльев номинальное, скорее для отвода глаз, я хлебну позора. Я - Бастиан Мартере граф Шерези, миньон ее величества - буду опозорен!

Я отбросила вертел и упала на постель. Мне нужно подумать.

Пристыженные болваны тихонько прибрались, не забыв и вертел, и удалились, перешептываясь и, может быть, даже на цыпочках.

Война, музыка, ум... То есть каким бы лордам-достоинствам мы бы не посвятили наши отряды, это все равно будет война, музыка, наука и... дураки. Станисласа будут слушать, Гэбриела уважать, Оливера бояться, а меня... Королевский миньон должен обладать целым сонмом исключительных качеств...

Я уже почти засыпала.

Он должен быть умен, боевит и куртуазен... Куртуазен он должен быть, этот фаханов миньон. Миньон - это я... Бастиан... Мартере...

Проснулась я в прекрасном настроении. Я знала, чего смогу добиться со своими «дураками», и надежда на успех заставляла меня торопиться приступить к подготовке.

- Ты светишься, Цветочек, - приветствовал меня Мармадюк, к которому я ввалилась еще до завтрака. - Патрик пришел в себя?

- Кто? Что? Ах нет, мой лорд, я радуюсь по другому поводу. Вам уже доставили новые списки? Меня интересует состав моего белого крыла.

- Изволь, - он пошелестел бумагами на столе и протянул мне измятый клочок. - Можешь забрать с собой.

Я поклонилась, сложив пальцы треугольником. На столе его шутейшества стоял цветочный горшок, которого я раньше не замечала. Из влажной земли виднелся наивно-зеленый полупрозрачный росток.

- Провалите задание, мне придется осваивать работу садовника, - кивнул Мармадюк в сторону горшка.

- Редкое растение? - без интереса спросила я.

- Тебе лучше знать, Цветочек, что из этого вырастет.

- Вы говорите загадками, мой лорд.

Его шутейшество был столь любезен, что пояснил мне происхождение своего огорода.

- Так чем ты в меня бросил? Что это за желудь?

Я хмыкнула. Святые бубенчики, мужское достоинство графа Шерези дало всходы? Пусть столь нелепым образом, но все же... Я посмотрела на своего наследника с умилением.

- Не желудь, мой лорд, орех, к слову - дорогой и экзотичный. Называется он «морской кокос» и достался мне от шерезской кухарки Магды.

- Это какая-то пряность?

- Афродизиак.

Росток обласкали еще одним умильным взглядом, на этот раз глазами его шутейшества.

- Так почему ты швырнул в меня афродизиак, малыш?

Я смутилась:

- Не будьте мелочны, мой лорд. Вы заставили меня потерять самообладание, простите мою горячность. К тому же я швырнул в ваше лордейшество не сапогом, а вещью ценной и полезной в хозяйстве. Представьте себе, сколько денег можно будет заработать, если коко-де-мер даст плоды? Правда для этого придется заняться опылением. Вы умеете опылять?

- Опылять будешь ты, - коварно улыбнулся Мармадюк, - переоденешься пчелкой или бабочкой и будешь порхать над лепестками.

Я хихикнула, живо представив себе эту картину.

- А правду говорят, Шерези, что музыка благотворно влияет на растения?

Такого опыта у меня не было, мы с Магдой никогда не пели над грядками с укропом или репой, но я заверила своего лорда, что музыка лишней не бывает.

Он задумчиво пожевал губами:

- Тогда пришли ко мне своего замечательного талантливой друга лорда Доре с мандолиной, мы с коко-де-мером с большим удовольствием слушаем его новую веселую песенку, столь популярную во дворце. Ну ты же ее знаешь? Ах, как же его звали, его ведь как-то звали, определенно звали...

Я засвидетельствовала, что великолепный голос его шутейшества хоть сейчас может усладить слух авалонских фей, не говоря уже о его безупречном музыкальном слухе и таланте исполнителя, и что песню эту не слышала никогда и ни от кого.

Мармадюк не поверил, но благостно махнул рукой, отпуская. Я поклонилась, бросила прощальный взгляд на свое потомство и удалилась. Меня ждали дураки.

А прежде дураков - одно важное и неотложное дело.

Когда я проснулась сегодня утром, Гэбриела в комнате уже не было. Я встретила его сейчас у ворот внутреннего дворца, где переминалась с ноги на ногу, высматривая кого-

нибудь из пажей, чтоб получить сопровождение за пределы внутреннего круга в портновский городок.

- Хотите пропуск, граф? - ван Харт протянул мне резную пластину. - Могу одолжить вам свой.

- Какая невероятная щедрость! - ответила я саркастично, но пропуск взяла. - Вы до рассвета начали занятия со своим крылом?

- Как раз иду к ним в малую королевскую залу восточного крыла. - Он поправил под мышкой ветхий фолиант. - Лорд Виклунд собирает красных на турнирном поле, лорд Доре облюбовал музыкальную комнату.

- Вы получили должность лорда-распорядителя?

- Я сам ее взял, - криво улыбнулся Гэбриел, - и даже выделил белому крылу подходящее помещение.

- Сырой подвал со скелетами и крысами?

Меня саму удивляла моя сварливость. Ну что я как маленькая, честное слово, почему я пытаюсь уязвить и вывести из себя собеседника, как только этим собеседником оказывается меченый красавчик Гэбриел ван Харт?

- Напротив, солярий - огромную залу под самой крышей восточного крыла.

Я поклонилась, тоже слегка саркастично:

- Благодарю.

- А вы знали, любезный Шерези, что разговариваете во сне?

Резкая перемена темы разговора застала меня врасплох.

- Чего? - примерно так реагируют, оказавшись «в расплохе», шерезийские крестьяне. - Мы провели с вами немало ночей в миньонской казарме, и никто никогда не ставил мне в вину сонную болтливость.

Он пожал плечами:

- Значит, вы разговариваете, только когда больны или пьяны, или после жаркой страсти. Спросите у своих дам при случае.

Я разозлилась:

- Мне глубоко неприятны экивоки, лорд ван Харт, извольте изложить свою мысль просто и последовательно, как пристало ученому мужу и дворянину.

- Последовательность состоит в том, что вы сегодня ночью были не совсем здоровы, следовательно, болтали, следовательно, ваш сосед слышал все и осведомлен о ваших планах, а так как сосед ваш - я... Вас устроило изложение?

- Изложение без вывода стоит немного. - Я потрогала кончиками пальцев мочку. - Вы обрабатывали мою рану? Я имею в виду после.

- Каждый час, Шерези, - он картинно зевнул, прикрыв рот рукой в перчатке, - и истратил на вас преизрядно лечебной мази. Цените мое дружеское участие.

- Может, ваше участие простирается столь далеко, что вы наконец поведаете мне о тех глупостях, которые я успел вам выболтать ночью, и я наконец смогу заняться делами?

- Вы избрали куртуазность, изо всех дворянских добродетелей - именно ее.

Облегчение, которое я испытала, было ни с чем не сравнимо. Потому что список секретов, которые я могла выболтать, был обширен.

Я улыбнулась и, шагнув вперед, доверительно прошептала:

- Унесите эту тайну с собой в могилу, мой лорд.

После чего убежала чуть не с гиканьем, помахивая пропуском перед лицами стражников. До солярия удалось добраться часа через два. Уговаривать королевских портных без осыпания оных деньгами – то еще занятие, но, кажется, мне удалось добиться успеха, чередуя угрозы с откровенной лестью и хвастливыми обещаниями. Лорд-кастелян также заверил меня в своей поддержке и набросал несколько разрешающих бумаг.

Итак, солярий. Восточное крыло, башня, огромные окна без стекол и экранов и тридцать задохликов, внимающих моему красноречию. То, что среди задохликов обнаружился Дэни ван Сол, меня позабавило. Так тебе и надо, дювалийский приспешник!

- Значит, так, цыплятки, – с порога начала я, – времени у нас нет, поэтому обойдемся без предисловий. Раз вы здесь, значит, ни воинскими, ни музыкальными талантами Спящий вас не наделил, как и умом.

Цыплятки не возражали. Потому что правду крыть нечем, как и величественное обаяние королевского миньона графа Шерези – величественного, обаятельного и куртуазного. Мне подумалось, что Мармадюк, когда приветствовал нас, претендентов, похожими словами, испытывал то же самое чувство власти, слегка извращенное, но до мурашек приятное.

- Для начала, малыши, мы займемся вашим внешним обликом.

И с видом наседки, даже скорее – бойцового петушка, я повела свой курятник к новой жизни.

Большая королевская купальня нам не досталась. Лорд-кастелян позволил занять какие-то хозяйственные пристройки при ней. Там было все необходимое – горячая вода с мыльной пеной, полторы дюжины тазов и корыт, вдоволь полотенец и наточенные до волшебной остроты бритвенные лезвия. Шум, гам, толкотня. Уж не знаю, кто в нормальной ситуации помогал бы нам с омовениями, но сейчас здесь взвизгивали и краснели при виде моих обнаженных мальчишек с десятков юных подавальщиц.

Кауфюры? Оба здесь? Помощники портных? Целых четверо! Помощник кастеляна? Тут!

Неожиданно открывшаяся во мне страсть к работе лорда-распорядителя меня радовала и удивляла одновременно. Какое счастье, что вчера я не запомнила состав своего белого крыла, сейчас мне приходилось узнать двадцать девять имен, потому что Дэни ван Сола я уже, опять же, к счастью, знала. Ему тоже с этим повезло, не желая напрягаться сверх необходимости, я назначила его своим помощником и правой рукой, чем, судя по всему, заслужила его пожизненную верность и расположение. Ведь всем известно, что лучше быть лучшим из худших, чем худшим из лучших.

У печи, утопленной в стену, хлопотал давешний горбун. Он меня не узнал. Мазнул равнодушным взглядом. Глаза у него были мутными и довольно страшными. Хорошо, что в ночь черного полнолуния я не видела его лица вблизи – точно лишилась бы чувств.

- А что вы подразумеваете под куртуазностью, мой лорд? – дождавшись, пока я закончу беседу с помощником кастеляна, ко мне почтительно приблизился ван Сол.

- Какое значение вкладываешь в это слово ты?

- Ну, – он помялся, – учтивость, правила, манеру поведения, любовь к прекрасной даме.

- Мы сосредоточимся на любви.

- Поясните свою мысль, мой лорд.

Мальчишка покраснел и напрягся, видимо, то, что стоял он передо мной закутанный в тонкую льняную простыню, уверенности не добавляло.

- На высокой куртуазной любви, цыпленок, на преданной любви, так похожей на отношение верного вассала к своему сюзерену. Мы отдадим нашей даме, нашей Авроре, всю любовь, которой она достойна.

- Спящий, храни королеву, - пробормотал ван Сол. - Но, граф Шерези, все четыре крыла будут демонстрировать то самое чувство.

- У высокой любви есть обратная сторона, впрочем, она есть у чего угодно... - Его бормотание я проигнорировала, продолжая свою такую важную и мудрую мысль.

- Лорд имеет в виду любовь плотскую?

Тут уж покраснела я. Ардерские мужчины могут думать чем-то, что находится выше галии? Хотя и я хороша со своими пространными рассуждениями.

Я вздохнула:

- Через пять дней, Дэни ван Сол лорд Дювали, мы покажем благодарной публике аллегорическое представление, прославляющее нашу даму.

- Но ведь крыло лорда Доре уже выбрало для своего экзамена такую форму.

- Они выбрали музыку, и поверь, репертуар достойнейшего лорда Доре я знаю лучше всех в этом королевстве.

Тут я подумала, что исполни Станислас песенку про фею и шута, сорвал бы все аплодисменты мира.

- Значит, петь нам не придется? - облегченно переспросил Дэни.

- Разумеется, нет, - я похлопала его по выглядывающему из-под простыни костлявому плечу, - вы будете танцевать.

Оставив ван Сола переваривать свалившуюся на него информацию, я устремилась в центр залы, где назревала драка. Двое мальчишек - смуглый Лайон и веснушчатый рыжеволосый Перрот - не поделили какой-то серый булыжник. Утихомирив цыпляток подзатыльниками и угрозами, я схватила предмет их спора:

- Это что?

- Пумекс, мой лорд, - ответил Перрот, глаза у него были зеленые, почти как у Патрика, - в моих краях его еще называют пемза.

- Для чего его используют?

- Оттирают пятна, с которыми не справляется мыло.

Лайон перебил товарища:

- А еще, если дама желает, чтоб ее ножки были нежными и мягкими, она обрабатывает пяточки пумексом и втирает затем ароматические масла.

Я посмотрела на пумекс. Он был очень легким, несмотря на внушительный, с мой кулак, размер, и пористым, как застывшая в камень молочная пенка. В Шерези о таком и не слыхивали. Я испытала легкий укол патриотичной обиды. Можно подумать, в столице обо всем слыхали. Возьмем, к примеру, мой начавший взрослую жизнь коко-де-мер. Если бы не моя маленькая родина, сей экзотический плод так и остался бы недооцененным. И пустое, что оценила его в полной мере только я, его удобство, изящную форму и способность не проваливаться в штанину при ходьбе. Кто может заменить мне тебя, о мой верный... гмм... коко? А заменять, к слову, придется. Вчера, когда я барахталась на кровати с плененным ван Хартом, он в два счета мог бы понять, что в модных штанах у меня гуляет ветер, и это я сейчас не о безденежье. Так что графу следует вернуть себе мужское достоинство.

Я еще раз посмотрела на пумекс, ковырнула его ногтем, повертела. Он достаточно шершавый и мягкий, я без труда придам ему нужную форму и размер.

- Чтоб решить ваш спор по справедливости, я изымаю эту вещь, - сообщила я парням, ощущая себя величайшим тираном современности, - извольте разобраться со своими пятнами и пятками, не затевая драку.

И удалилась, и засунула пумекс в карман камзола, спрятавшись за кадкой, и ни капельки не переживала по поводу недостойного дворянина воровства. Правильно говорят – власть развращает, со мной она делала это молниеносно.

Дальше время побежало со скоростью выпущенного из арбалета болта. День промелькнул как миг, только поздно вечером я наконец выдохнула, присев на постель Патрика и вытянув ноги. Новое графское достоинство переменам поз не мешало, я придала ему форму, просто стесав лишнее о стену, и отшлифовала мелким белым песком, которым посыпали дорожки внутреннего замка. Пумекс был легким, легче своего предшественника, но таким же удобным, а также отличался в лучшую сторону хотя бы тем, что не боялся влаги и не мог неожиданно одарить меня потомством.

Как я пробралась в госпиталий? Проще простого! Я забыла вернуть меченому красавчику его пропуск и воспользовалась им, чтоб преодолеть оцепление.

Брат Гвидо посмотрел на меня с удивлением, но посещение не запретил.

– Привет, дружище, – ласково сказала я, глядя в красивое лицо лорда Уолеса. – Я весь в заботах, муштрую своих цыплят и, знаешь, у меня все получается. Оказывается, мальчишки тоже любят наряжаться и даже, о чудо, в состоянии повторить десяток простых танцевальных па. Ты спросишь, что с музыкальным сопровождением? Это будет арфа! Мы откопали целых три инструмента в запасниках королевских менестрелей, мой помощник ван Сол уверен, что сможет собрать из них один вполне рабочий. Нам повезло, что нынче арфы не в моде и что в Шерези об этой моде не осведомлены, поэтому брэнчать на струнах я буду лично.

Увлечшись, я сжала холодную ладонь Патрика, и мне показалось, что он слабо ответил на пожатие, но потом я поняла, что действительно показалось.

– А еще – сюжет! Я отправил цыпляток поклевать обед, а сам пошел в библиотеку. Любезнейший лорд-библиотекарь дал мне несколько хороших советов по построению композиции и аллегорий, а также сборник легенд, которые я могу включить в свою историю. Ты ведь, наверное, знаешь, что танцевальные представления, называемые еще балет, не блещут перипетиями? Считается, что ничто не должно отвлекать зрителей от чистой красоты танца. Мне это не подходит, мне нужно их именно что отвлечь, чтоб промахи моих цыпляток не так бросались в глаза, да и музыкант из меня довольно посредственный, особенно если сравнивать с нашим общим другом Доре. А еще...

Я болтала о своих делах до самого отбоя, затем, сладко потянувшись, попрощалась с Патриком, отказалась от попыток брата Гвидо обработать мою мочку и ушла. Ах, Патрик-Патрик, мой лучший друг, мой самый внимательный и благодарный слушатель, вдохновитель и советчик! Меня нисколько не смущало, что сейчас он не мог мне ответить, может, наоборот – именно сейчас он стал для меня идеалом.

– Если на сегодня орошение слезами лорда Уолеса закончилось, мне хотелось бы получить свой пропуск. – Гэбриел ван Харт ожидал меня у стражи внутреннего круга и, судя по нервозности, уже давненько.

А с чего, спрашивается, такая злоба? Осознал наконец, что граф уведет его прекрасную невесту? А граф, может, и не решил еще, нужно ли ему это счастье. Граф, может, готов торговаться.

– Я вернул бы пропуск раньше, – примиряюще сказала я, – но вы не попались мне на глаза, мой лорд.

– Забавно, вы-то, мой лорд, из моего поля зрения не пропадали целый день, если бы в Ардере еще существовали чародеи, я решил бы, что вас размножили, чтоб вы успели быть везде одновременно. Я видел вас во дворе, в купальнях, в библиотеке, в учебной зале, откуда вы со своим крылом утащили необходимые нам для занятий столы и табуреты, опять в библиотеке, в столовой, во дворе...

– Вы следите за мной, ван Харт? – Я кокетливо убрала со лба челку. – Тоскуете? Учащенное сердцебиение при виде меня? Головокружение? Еще какие-нибудь симптомы любовной лихорадки?

Серые глаза ван Харта блестели, как стекло, он покачал головой, свет Алистер выхватил из сумерек его шрам и запекшуюся корочку вокруг губ.

- Какой же ты дурак, Басти!

На эту противоречивую сентенцию ответить не удалось, Гэбриел рухнул вперед, подминая меня, голова его безвольно откинулась.

Я заорала:

- Стража!

- Позовите лекарей, - прокричал сержант.

- К фаханам лекарей! Тащите его в госпиталий!

Из рассеченного от соприкосновения с брусчаткой виска Гэбриела текла кровь, марая кружева моего лилового камзола.

Глава 6

Яды и взгляды

Аврора ворвалась к Мармадюку, опередив фрейлин туазов на десять. Находящиеся в покоях шута молодые люди синхронно вскочили с табуретов и поклонились. У правого в руках была мандолина, у левого – бубен, смотревшийся в его огромных руках детской погремушкой.

– Лорд Виклунд, лорд Доре, – представил их шут, неторопливо поднимаясь с постели, где возлежал с видом зрителя. – Мы тут наслаждаемся музыкой, а затем до утра будем заниматься доманским языком, который эти достойные лорды обожают только чуть меньше, чем свою королеву.

– Мне не до шуток, Мармадюк, – самым металлическим из своих голосов заявила Аврора, а затем, повернувшись к молодым людям, приветливо сказала: – Цветочек Шерези много рассказывал о вас, господа. И в другое время вы поведаете мне о сражениях, Оливер лорд Виклунд, и о традициях Тиририйских гор.

Оливер поклонился чуть не до пола.

– А вы споете, Станислас Шарль лорд Доре, – ее величество улыбнулась, – с особым удовольствием я послушаю самую модную песенку. Ах, как же его звали, его ведь как-то звали, определенно звали...

– Пошли вон, – сказал Мармадюк, – с доманским продолжим завтра.

Молодые люди покидали покои лорда-шута под ехидное хихиканье королевы. Потешалась ее величество вовсе не над ними, а над своим незадачливым шутом, но юные лорды догадывались, на ком в конце концов отыграется герой песни. В коридоре топтались фрейлины.

– Итак? – Королева прошла к письменному столу у окна и села в хозяйское кресло. – Нападение? Яд? Мор? Что происходит, и почему я узнаю о том, что что-то происходит, не от тебя, а случайно от леди ван Хорн за дамским вышиванием и как бы между прочим?

– Какое вышивание, ваше величество? – Мармадюк всплеснул руками в притворном изумлении. – Уже минула полночь, даже самые фанатичные рукодельницы отложили иглы и канитель и видят сны. Уж скажите как есть, что вызвали к себе леди Эленор, чтоб выведать у нее что-нибудь о муже, а лучше сразу о бывшем пасынке.

– Не переводи тему! – Ее величество поискала, чем бы запустить в нерадивого слугу и даже занесла руку над горшком с коко-де-мером.

– Ничего страшного не произошло, – шут быстро отодвинул растение подальше от королевы, – нет ни мора, ни чумы. Есть один отравленный мальчишка. Еще один. В нашем с тобой положении – сто пятьдесят или сто пятьдесят один – особой роли не играет. Есть два ардерских канцлера, бодающихся по поводу этого мальчишки. Кстати, что сказала Эленор? Гэбриел лорд ван Хорн был очень встревожен?

– Очень. Хотя он может и притворяться, особенно если это его рук дело.

– Этот вариант мы тоже будем иметь в виду, – кивнул Мармадюк, – как еще десяток других. Давай подождем, Аврора. Если мое чутье меня не подводит, скоро мы увидим плоды изящной интриги.

– А ты знаешь, какой именно?

– Самой изящной, – твердо сказал шут.

Двери госпиталя трещали под моими ударами, чуть не слетая с петель.

На крыльцо выскочил брат Гвидо.

- Что случилось? Граф, кого вы сюда принесли? Что за манеры? Вы ходите сюда, как к себе домой! - Возмущение брата-медика волновало меня менее всего. - Оцепление! Охрана! Какое неуважение! Уведите их отсюда!

- Он еще жив! - воскликнула я, отвешивая медикусу затрещину. - Приди в себя, тряпка, и вспомни о долге! Если сын королевского канцлера умрет здесь и сейчас... - я широким жестом повела в сторону лежащего на руках стражников Гэбриела, - ...в твое дежурство, я не дам за твою жизнь и ломаного гроша!

Брат Гвидо захлопотал, потирая скулу, побежал, указывая дорогу в смотровую.

- Сообщите лорду ван Харту, - негромко велела я сержанту.

- И лорду Мармадюку, - так же негромко ответил тот, кивнув. - На миньонов опять открыта охота?

Я пожала плечами. Думать о том, кто и зачем сделал то, что сделал, я не могла. Я могла только мысленно тоненько скулить, не забывая демонстрировать окружающим уверенность, которой не ощущала. Если ван Харт умрет... Нет, об этом думать было больно.

Гэбриела опустили на стол, деревянный, но обитый по краям железными полосками. Стражники отступили, брат Гвидо приблизился, вытягивая шею.

- Ты не собираешься его осматривать? - Я несильно толкнула медика в плечо. - Рана на виске не опасна, он получил ее, когда упал на брусчатку, потеряв сознание. Значит, настоящая рана где-то на теле. Меч или стрела, или...

Я замолчала. Стражники почтительно стояли у стены, брат Гвидо пятился от стола. Труссы!

Я никогда раньше не раздевала мужчин - ни в порыве страсти, ни в целях медицины. Пуговицы и крючки, с которыми я прекрасно справлялась в своем гардеробе, сейчас вызвали затруднение. Пальцы дрожали, я расстегнула камзол ван Харта, потянула завязки сорочки. Если ранение на спине, мне придется срезать с Гэбриела одежду.

- Начните с перчаток, юноша.

Я обернулась. Рядом со мной стоял незнакомый медик в серой хламиде, был он пожилым, для брата-медика, наверное, слишком, смуглым до черноты, с острой седой бородкой и острыми же темными глазами.

- Простите?

- Как вас зовут? - бородач засеменял вокруг стола, потирая ладони. - Хотя я вас знаю. Вы тот самый Цветочек Шерези, при появлении которого начинается все самое интересное.

- На чем основывается ваша уверенность? - В словах старичка мне послышалось неприятное высокомерие. - Лорд?

- Что? - Он поднял на меня свои глаза-кинжальчики. - Ах да, граф, я-то не столь знаменит, как вы. Лорд Альбус, если будет угодно.

Я ахнула и низко поклонилась. Если и был во всех пяти королевствах лекарь известнее Альбуса Ардерского, то его-то я точно не знала. Это же светило! Да про него любой сказитель может поведать не задумываясь дюжину историй, а менестрель - спеть пять, нет, пять десятков... Святые бубенчики, да я готова не только сносить высокомерие, я сапоги ему чистить готова, только бы он помог.

- Гвидо, шалопут ты эдакий, почему ты не дал Цветочку перчаток? А уверенность моя, граф, основывается на том, что вряд ли кто-нибудь, кроме миньона ее величества, носит в ухе алмазную звезду.

Я потрогала мочку и приняла от Гвидо пару грубых кожаных перчаток.

- Все вон, - велел Альбус стражникам, - ждать за дверью смотровой, не болтать, не спать, никуда не уходить без прямого приказа. Гвидо, к стене, бери стило и бумагу, будешь вести записи.

Повернувшись ко мне, лекарь сказал доверительно, но несколько не понижая голоса:

- Редкостный болван, только мешаться будет. Ассистировать будете мне вы, граф.

Я не возражала. Дрожание конечностей волшебным образом прекратилось, ушла боль в груди, голова стала ясной. Я послушно следовала указаниям лорда Альбуса.

- Эх, шалопуты, шалопуты, - трещал лекарь, пальпируя обнаженную грудь Гэбриела, - набегаются, нахватаются всякого...

- А почему вы не защищаете руки, мой лорд? Не боитесь заразы? - Я дергала ван Харта за рукав, пытаюсь добраться до подмышки, перчатки мешали, и не только мои, но и тонкие лайковые, надетые на Гэбриела. - Тысяча фаханов!

Я дернула за кожаный раструб, ладони ван Харта распухли и не желали обнажаться. Альбус возился со второй рукой ван Харта и почти обнажил ее.

- Не боюсь, меня не возьмет никакая зараза. К тому же, если я не ошибаюсь, а со мной это происходит крайне.... крайне... крайне...

С каждым «крайне» он все ниже склонялся над ладонью Гэбриела.

- ...Никогда! Мы имеем дело с ядом, а вовсе не с пэстис, как, видимо, подумал этот шалопут. - Он кивнул в сторону Гвидо и помотал головой. - А, шалопут? Излагай!

- Белая каемка вокруг губ и у линии волос, бледность, прерывистое дыхание. - перечислил брат-медикус от стены.

- Молодец!

Я дернула посильнее, перчатка Гэбриела разошлась по шву, рука выскользнула и ударилась о железную окантовку стола. Раскрытая ладонь была чистой, с едва заметными бугорками мозолей.

- Регулярно тренируется с мечом, - одобрительно сказал Альбус, - и одинаково хорошо владеет обеими руками. А еще довольно давно занимается алхимией или варит зелья.

- Вы обнаружили ожоги? А еще что? Он будет здоров? Когда?

- Жив будет! - заверил меня Альбус, а затем повернулся к двери, за которой уже некоторое время сильно шумели. - Входите, господа, мы с графом Шерези готовы представить медицинское заключение.

Створки распахнулись, в дверь, отпихивая друг друга локтями, протиснулись Гэбриеловы папаши - оба, ардерские канцлеры - оба, дювалийские лорды - оба: лорды ван Хорн и ван Харт.

«Как Гэбриел в них не путается?» - подумала я, а затем отлетела к стене с горячей от оплеухи щекой.

- Щенок! - сообщил мне папаша ван Хорн. - Бил не он, бил как раз достойный Адер, у того, невзирая на солидный возраст, удар оказался поставлен. - Ты опять отираешься рядом, навлекая неприятности!

Я разозлилась просто до зеленых фаханчиков. Захотелось заорать: «Возьмите свои слова назад, канцлер! Даже высшим сановникам не позволено оскорблять ардерского дворянина!» - а еще дать сдачи старикашке Адеру.

Но я просто поднялась по стеночке, переводя дух, и смотрела, как взволнованные и потерявшие ко мне интерес папаши хлопочут над Гэбриелом. Пустое. Что значит дворянская спесь в сравнении с родительским горем? Меньше чем ничего.

Лорд Альбус любезно подал мне лед в льняной салфетке, приложить к скуле, а также

уточнил, кем достойные лорды приходится пострадавшему юноше.

- Ступайте, мальчик, - похлопал он меня по плечу, - шалопут Гвидо проводит вас, с этими господами я справлюсь. И не волнуйтесь за друга.

- На него покушались? - спросила я вполголоса. - Если это покушение, - я бросила быстрый взгляд в сторону ван Хорна, - за подозреваемыми далеко ходить не придется.

- Думаете, этот канцлер притворяется? - Альбус обернулся к столу.

- Вам так не кажется?

- Ну, - медикус повел длинным носом, живо напомнив мне Мармадюка, - он явно взволнован, посмотрите, как дрожат его колени.

Я фыркнула:

- Кто угодно может такое изобразить!

Лорд Альбус изобразил лицом недоверие и пожал плечами. Я поняла, что моих подозрений он не разделяет. Брат Гвидо приблизился, почтительно тесня меня к выходу. В этот момент Гэбриел застонал и резко сел на своем ложе.

- Мама? - сказал он тоненьким голоском.

Я остановилась.

- Он умирает? - ахнул ван Хорн и прикрыл грудь молитвенным жестом. - Альма, ты пришла проводить нашего сына в чертоги Спящего?

Не знаю, кого и куда собиралась провожать достойнейшая покойная Альма, но обретший небывалую сноровку и подвижность меченый красавчик скатился со стола, длинно прыгнул и схватил за плечи именно меня.

- Мама? - Энергичное встряхивание, я клацнула челюстью, прикусив язык, на пол посыпались ледяные кубики из выпавшей салфетки.

Глаза у Гэбриела блестели ярче льда, а крошечные зрачки не фокусировались ни на чем конкретном.

- Да, да, милый, - невнятно из-за прикушенного языка проговорила я, поняв, что на помощь мне никто приходить не спешит, папаши были в замешательстве, лорд Альбус отыгрывал роль благодарного зрителя, а Гвидо... Вот уж на кого я бы не надеялась ни в каком случае! - С тобой все будет хорошо! Иди в кроватку, Гэб, тебе нужно отдохнуть и набраться сил.

- Мама? - Гэбриел недоверчиво хихикнул и снова меня встряхнул.

Болтая головой, как тряпичная кукла, я кивнула.

- Дидиан! - Этот сумасшедший не собирался меня отпустить. - Так это ты, наконец-то ты приехала!

- Теперь он принял графа Шерези за свою невесту, - пояснил лорду Альбусу канцлер ван Харт.

- Так Альмы здесь нет? - Канцлер ван Хорн не спешил опускать руки.

- Какие занятные галлюцинации у вашего сына, мои лорды. - Благодарный зритель свел ладони в беззвучных аплодисментах. - Невероятный в моей практике случай! К сожалению, господа, бедному мальчику придется остаться здесь на несколько дней.

И они заспорили, обсуждая лечение и вновь открывшиеся симптомы, а меня тем временем, облапив и полупридушив, тащил в сторону абсолютно безумный Гэбриел ван Харт.

Брат Гвидо единственный, кто попытался ему помешать, заступив дорогу, но Гэбриел

зарычал, замахнувшись: «Я спасу тебя, Дидиан!» – и брат-медикус благоразумно ретировался.

– Считается, лорды мои, – уверенно журчал лорд Альбус, – что взамен рассудка безумцы получают нечеловеческую силу. К примеру, слышали ли вы о горцах, обладающих даром берсерка и использующих его в битвах? Не стоит нам сейчас злить этого вашего мальчика. Ну принял он за невесту хорошенького друга, ничего страшного. Он будет его защищать и относиться со всем возможным уважением...

Насчет последнего я уверена не была. Гэбриел закинул меня на плечо, вынес из комнаты, прошел по коридору.

– А если граф Шерези пострадает...

– Я вознесу хвалу Спящему, – твердо сказал лорд ван Хорн, – и пожертвую на храм сундук золота, если пострадает он достаточно сильно.

Сначала я брыкалась, пытаюсь соскользнуть, потом, уткнув нос в шею меченого красавчика, искала метку на его шее, почему-то решив, что от этого безумия тоже поможет особое нажатие. Гэбриел хихикнул от щекотки и хлопнул ладонью по моему торчащему к небесам задку. Кем он там меня сейчас представляет, интересно? Мамой? Невестой? А не дай Спящий, простолюдинкой, встреченной в пути, прелестной пастушкой, с которой можно особо не церемониться? Тогда – ой! Это вам не леди всей своей жизни канцоны с альбомами сочинять, тут все может обернуться вполне неприятным образом. Хотя и Дидиан, как выяснилось, вариант не самый для меня безопасный. Какие же у них отношения, если он может так запросто хватать ее и тащить куда-то? И куда? И что у них положено после этих тасканий делать?

– Лорд Альбус! – прокричала я вдаль. – Не будете ли вы так любезны избавить меня от этого позорного плена? Я вполне понимаю, что от родителей безумного Гэбриела помощи ждать не приходится, но вас-то должна заботить безопасность дворян в поднадзорных вам помещениях!

– Я не несу никакой ответственности за этот госпиталий, – любезно проорал в ответ лорд Альбус. – Я здесь всего лишь гость и консультант. Желаете призвать стражу, чтоб вас отбили с помощью оружия?

– Протестую! – лорд-канцлер орал не в мою сторону, но вполне отчетливо. – Если моему сыну будет причинен хоть малейший вред...

– Не вашему, а моему! Мы еще выясним, чей преступный умысел поверг Гэбриела лорда Ван Харта в такое состояние!

– Вы подозреваете меня?

– Ищи, кому выгодно!

Потом беседа, и без того ведущаяся на повышенных тонах, превратилась в сплошной ор и перебранку.

Безумный Гэбриел успокаивающе похлопал меня по задку и толкнул ногой скрипучую дверку.

– Вы знаете, что здесь? – спросил канцлерского сына материализовавшийся за его спиной лорд Альбус.

Я подняла голову.

Слабый, рассеянный матовыми экранами свет, два ряда одинаковых кроватей. Ван Харт притащил меня в помещение, где лежали миньоны.

Тут силы безумца оставили, он осел, отпустив меня на пол, и потерял сознание. Я не ушиблась, оттолкнувшись от его плеча, и разъяренно обернулась к медикусу.

А лорд Альбус похож на козла. И бороденка эта его фаханова тоже похожа – не на козла, а на козлиную бороду! А канцлеров я вызову на дуэль! Сразу обоих! Вытрясу песок из

старикашки ван Харта и душу из ван Хорна. И сразу наступит в Ардере счастье и процветание, никто больше не будет пугаться в канцлерах и в Гэбриеловых папашах, мне поставят памятник благодарные ардерцы, а круглого сиротку-Гэбриела королевским указом заставят отгонять от памятника голубей! А Гвидо, мерзопакостный трус, который отирается поодаль и глумливо хихикает, получит от меня тумачков прямо немедленно, прямо сей момент!

Проорав все это на одном дыхании, я решила начать с тумачков, но была остановлена появившимся капитаном стражи.

Ему я объяснила, что я являться надо вовремя, чтоб защитить жизнь и достоинство королевского миньона. Он смиренно согласился и пообещал, что в следующий раз не оставит графа Шерези на произвол судьбы, а затем вполголоса сообщил, что Мармадюк оповещен, но велел мне разбираться со своими друзьями самостоятельно.

Я в свою очередь сообщила капитану, что думаю о лорде-шуте.

А потом в зале стало тесновато. Набежала уйма разного народа: братья-медикусы разной степени раздетости, некий пузан в сборчатом колпаке, но золоченой мантии поверх ночной сорочки, десяток стражников.

Пузан велел мне быть потише и проявить уважение к страдающим товарищам. Я опустила взгляд к полу, не от стыда за недостойное поведение, а потому что Гэбриел схватил меня за ногу.

- Ты не сможешь отгонять голубей от моего памятника, если не будешь здоров, - прошептала я, присев. Зрачки его были крошечными, а глаза безумными. - Постарайся, Гэб, пожалуйста. Я даже обещаю оставить тебе одного папашу, и, если ты очень постараться, позволю тебе выбрать, которого именно.

Я смотрела в его глаза, пытаюсь отыскать там хоть искру понимания. Тщетно. Но затем его губы дрогнули и очень тихо и очень хрипло он произнес:

- Мне страшно, Басти... Не оставляй меня сегодня без присмотра.

Пузан в мантии, ах, простите, лорд профессор Кривендий оказался вполне толковым начальником. Он разогнал посторонних, велел двоим братьям-медикусам установить в зале еще одну кровать для Гэбриела, побормотал с лордом Альбусом на своем медицинско-тарабарском наречии, из которого я понимала только отдельные слова, и отправился в соседнее крыло утихомиривать канцлеров.

- Вы останетесь здесь на ночь, граф, - то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал лорд Альбус, накрывая Ван Харта простыней до подбородка.

Гэбриел лежал с закрытыми глазами и на заботу не реагировал.

Он назвал меня на «ты» и по имени. Его отравили, рассудок его покидает, ему страшно! Могу ли я его оставить? Нет.

- Если позволите, - ответила я медикусу, почтительно поклонившись и сложив руки перед грудью.

Время перевалило за полночь, папаша-канцлеры уже давно удалились ругаться в другое место, а лорд Альбус, пообещав вернуться на рассвете, был увлечен лордом Кривендием в его медикусовское логово.

- Ах, любезный лорд, что ж вы не предупредили нас о своем приезде! Когда брат Гвидо сообщил мне о вашем появлении, я ринулся к вам. К сожалению, пришлось отвлечься, но... Брат мой, отец, учитель! Нам о столь многом нужно побеседовать. Серая бледь! Ваши исследования в этой области...

Я дальше не слушала, мне хотелось тишины и чтоб Ван Харт перестал за меня цепляться при каждом моем шевелении.

- Ложись со мной, - капризно велел ван Харт, пододвигаясь на край постели, - разделим походный плащ.

Я покачала головой, а затем, убедившись, что глаз он так и не открыл, сказала:

- Нет.

- Почему?

Я пожала плечами. Что значит почему? Потому что он - меченый красавчик, который подло меня использовал в своих интригах, потому что он мужчина, а я... не совсем, потому что тело мое прекрасно помнило наше предыдущее «разделение плаща».

Я перевела взгляд с хитрого лица Гэбриела на Патрика, чье ложе оказалось соседним. Довольно широкое ложе. И уж Патрик лорд Уолес точно не примет меня во сне за свою невесту.

- Я разделю плащ со своим другом, - решила я вслух. - Если вдруг тебе станет страшно или больно, помни: нас разделяет полтора туаза, я рядом и к твоим услугам.

Ван Харт обиженно посопел, но не возражал, когда я, стянув ботфорты и распахнув камзол, пристроилась под бочок к неподвижному ленстерцу.

- Спокойной ночи, мой лорд, - сказала я, зевнув, - и тебе, дружище. Надеюсь, тепло моего тела согреет тебя в болезненном одиночестве.

На грани сна и яви ко мне пришло озарение, связанное с предстоящим балетом, я четко осознала, что именно я хочу показать зрителям, какую именно историю. Значит, однажды ночью, морозной и снежной, лорд наш Спящий, который тогда еще не был нашим всем и вообще бодрствовал, отправился... нет, не на кладбище, привязалось ко мне это кладбище! Он отправился к волшебному озеру фей! Первая сцена - Нобу, Алистер, Спящий. Любовный треугольник, романтическая баллада. Сражение, страсть. Я будто наяву услышала тягучую мелодию, с которой молодой дворянин пробирался сквозь заросли дрока, припорошенные снегом... Кого же он выберет? Темную как ночь Нобу или Алистер, что светлее дня? Ответ мы все знали, он выбрал обеих, и они выбрали его. Но тогда он об этом не знал...

И вот уже я, ступив за грань сна, отодвигала ветви, любуясь зеркалом воды в обрамлении изумрудных не зимних трав, прикасалась к волшебству. Рука у меня была женской, изящной, рукав алого платья сполз с запястья, обнажив смугловатую кожу и драгоценный браслет, которого я раньше никогда не видела. А потом появились феи, только были они почему-то мужчинами и их-то я как раз знала прекрасно - темноволосый Нобу со шрамом на щеке и изумрудноглазый Алистер, чьи золотистые волосы свободно падали на плечи. Половинкой разума я понимала, что это всего лишь сон, а другая лихорадочно решала, кого из двоих мне выбрать, а может, обоих, так ведь можно?

А потом сон вышел из-под контроля и уже не я решала, с кем буду, а они сражались друг с другом за право обладания. Пар вихрился под их танцующими ногами, снег таял, падая блестящими капельками на их волосы и обнаженные клинки.

Тот, кому я досталась, подхватил меня на руки и куда-то понес, я доверчиво уткнулась лицом в его плечо, сдаваясь на волю победителя. Все правильно, в Ардере все решают мужчины, поэтому я могу только покориться. Как иногда приятно быть женщиной, особенно если победил именно тот, кого ты хотела сама.

Цветочек Шерези опять болтал во сне, Гэбриел давно уже понял, что искать разумное зерно в его бреднях бесполезно. Вот сейчас он беседовал с феями, и не просто с дарующими имена, а с королевами, лебезил, льстил, выдавал милые и необходимые остроты, находясь в полутора туазах справа от него, Гэбриела.

Ван Харт слегка повернулся, чтоб видеть Цветочка в рассеянном мягком свете ночников. Тот свернулся калачиком на самом краю кровати, чтоб не потревожить Уолеса. По стене скользнула быстрая тень. Гэбриел осторожно поднялся с постели, посмотрел на дверь, затем подошел к спящему Цветочку и, подхватив того под плечи и колени, без труда перенес на свою кровать. Спать он сегодня не собирался, так пусть хоть мальчишка проведет ночь с относительным комфортом. За те пару мгновений, пока длился

физический контакт, Шерези по своей дурацкой привычке успел посопеть за воротник носильщику и томно простонать что-то вроде «О, Патрик!», отчего приземлился на простыню уже не так осторожно. Цветочек пискляво охнул, но потом разулыбался и, не просыпаясь, обнял тонкую госпитальную подушку.

Ван Харт бесшумно вышел из миньонской залы и приблизился к фигуре, ожидающей его у стрельчатого окна:

- Мой лорд.

Человек обернулся и вернул поклон:

- От лорда слышу! Изволь объясниться, шалопут, что тебя заставило устроить сегодня это представление?

Лорд Альбус говорил не просто тихо, а на грани слышимости, но о его возмущении говорил вовсе не тон, а живая мимика и сила, с которой он сжал запястье собеседника. Сжатием дело не ограничилось: не отпуская руки Гэбриела, медикус потащил того куда-то в сторону, в боковой коридор, затем на винтовую лестницу, которая вывела их на крышу крошечной осадной башенки. Здесь Альбус остановился и, возмущенно дыша, захлопнул крышку люка.

- Я чуть было не поверил, что тебя отравили!

- Всего лишь чуть, мой лорд, - улыбнулся ван Харт, - что же меня выдало?

- Зрочки, шалопут! Они были не больше булавочного острия, а всем в пяти королевствам известно, что при галлюцинациях, вызванных отравлениями, они должны расширяться! Так что ты принял, отвечай! И еще - зачем? Ты, надежда долины, принц Дювали, вельможа, который...

- Сначала я принял немного серой бледи, а затем - противоядие, которое вы, лорд Альбус, экстрактировали пятнадцать лет назад.

Длинный нос Альбуса дернулся из стороны в сторону:

- Это объясняет зрочки. Но в остальном... Когда я получил твое послание об отравлениях в ардерском замке, я и подумать не мог, что ты будешь испытывать противоядие на себе!

- Вы приехали, это главное.

- На твое счастье я был неподалеку.

- И на счастье несчастных юношей, которые лежат сейчас в этом госпиталии.

- Как ты узнал, где именно меня искать?

- Это было озарение, - ван Харт пожал плечами, - приближающаяся суровая зима могла обострить вашу, мой лорд, подагру, которую вы предпочитаете лечить на серных источниках Громдейла. Я послал туда одного из пажей с тем, чтоб он ожидал вашего прибытия столько, сколько потребует. То, что ваша благословенная болезнь скрутила вас раньше обычного, большая удача для всех нас.

- Ага, я про это уже слышал. Удача! А вот, например, ее величество, которая тоже пригласила меня в Ардерский замок для решения той же проблемы, точно знала, где меня искать.

- Шпионские таланты лорда Мармадюка превосходят мои скромные возможности, - криво улыбнулся Гэбриел. - Видимо, ардерская корона держит вас под наблюдением постоянно.

- Это будет им стоить больше, чем я намеревался запросить за лечение изначально.

Лорд Альбус был уроженцем Тарифа, княжества, жители которого славились своим златолюбием, а еще он был учителем юного Гэбриела ван Хорна, когда дядюшка отправил его постигать науки подальше от Ардеры и от родного отца.

- Но хватит о деньгах. - Альбус поежился от ночного ветерка и запахнулся в плащ. - Как ты добыл яд и каким образом его ввел?

- А это очень любопытная история и тесно связанная с моим небольшим представлением. Вы же познакомились с графом Шерези?

- С Цветочком? Да, я слышал о нем еще на въезде в город, о красавчике миньоне Шерези, о дамском угоднике Шерези, о забияке Шерези. Брат Гвидо, дежурный, встретивший меня в госпиталии, также заговорил о нем. Грубиян и смутьян, именно так он его охарактеризовал. Но знаешь, шалопут, ты должен быть благодарен судьбе, что этот Цветочек называет себя твоим другом. Та преданность, которую он продемонстрировал сегодня, не покупается за деньги.

Гэбриел слегка покраснел, чего собеседник, к счастью, не мог видеть. Поведение Басти поразило его больше, чем он готов был себе признаться. И да, женить его на Дидиан - прекрасная идея. Так он сможет оставить Шерези при себе, не опасаясь ни молвы, ни косых взглядов. Дидиан принесет провинциальному графу титул, не претендуя на любовь, а ему, ван Харту - преданного подданного и, может быть, друга.

- Но я отвлекся, мальчик, продолжай. Где связь между ядом и Цветочком?

- Вы видели бриллиантовую подвеску, которой украшено ухо нашего графа? Он получил ее недавно и сразу же поспешил проколоть мочку, чтоб каждый видел, каких высот смог достичь наш Шерези. Этот яд был там.

- В подвеске?

- В ухе, мой лорд. Точнее в ранке, которую этот дурачок не обработал как следовало.

- Он не дурачок...

- Так я подумал сначала, мой лорд, что это ошибка Бастиана. Но он действительно не дурак, по крайней мере в том, как обрабатывать раны, или как орудовать иглой. К тому же подцепить серую бледь просто по неосторожности почти невозможно. Ее либо подмешивают в воскурения, как продемонстрировали нам отравлением в миньонской казарме, либо, разведенную в сиропе, наносят на кожу. Помнится, вы читали мне историю про камеристку, которая отравила свою госпожу, пропитав этим сиропом ночную сорочку последней.

- Значит, кто-то капнул бледью на ухо нашему бедняжке?

Гэбриел кивнул:

- И судя по тому, что смертельных случаев в замке не наблюдается, этот кто-то защитил свои руки перчатками. Мне, чтоб отравиться, хватило просто обмакнуть мизинец.

- А противоядие ты вводил при помощи полой иглы в мягкую ткань между пальцев левой руки?

- Именно, мой лорд, не сомневался, что вы это заметите. Я не предполагал, что вы прибудете в Ардери так скоро, поэтому решил попасть в госпиталий под видом заболевшего. Я уверен, что отравитель здесь, и я хочу его найти.

Альбус покрутил носом:

- Ты думаешь, что только медикусы обладают достаточными знаниями для использования столь редких ядов, каким является серая бледь? Ты видишь связь между твоим сиропом и воскурениями, от которых я должен лечить ардерских дворян?

- Несомненно. Также я уверен, что следствие, официально заверщенное, все еще длится, и что де Краон, которого называют отравителем, действовал вовсе не в одиночку.

- Подожди, шалопут, - Альбус повел носом, - если я все еще успеваю за твоими рассуждениями, некто, не де Краон, труп которого, я, кстати, собираюсь осматривать в сопровождении лорда Кривендия уже утром, а некто пока неизвестный желает отравить всех претендентов в королевские миньоны, и теперь он будет травить по одному всех,

кому удалось выжить?

- Нет, мой лорд. Я думаю, что некто продемонстрировал нашей королеве, храни ее Спящий, свою силу. Его целью было дискредитировать саму идею миньонского отбора, он ее достиг. Не думаю, что мне или еще двоим выжившим лордам сейчас угрожает серьезная опасность.

- Тогда почему ему, этому некоему, интересен Цветочек?

- Это я выясню посредством допроса.

Альбус хихикнул:

- Кажется, я понял, кому было адресовано исполненное тобою представление. Ты хотел любой ценой оставить при себе графа Шерези, чтоб его не прибили без твоего присмотра?

Ван Харт кивнул:

- Я не знаю, кто они и где могут появиться в любой момент времени, здесь Басти не в большей опасности, чем в казарме или в библиотеке.

Альбус продолжил, уже без улыбки:

- Отрадно видеть, что преданность графа Шерези своим друзьям не односторонняя. Ты вырос, принц Дювали, и, храни тебя Спящий, станешь для всех лучшим из возможных правителей.

Если кому-то подумалось, что идиотизм вчерашнего бесконечного вечера подошел к концу, этот кто-то ошибся. Потому что, когда я присела на краешек постели ван Харта (когда и как я успела переместиться сюда, осталось загадкой на века) и, сладко потянувшись и зевнув, принялась натягивать ботфорты, пред моим все еще сонным и крайне уставым взором появился капитан королевской стражи.

- Вам следует пройти со мной, граф! Немедленно.

В нем что-то неуловимо изменилось за ночь, в этом капитане. Что-то, что навскидку я определить не смогла.

- Не уходи. - Стон ван Харта подкрепился цепким захватом моего запястья.

То есть он все это время лежал со мной? То есть походный плащ мы все-таки разделили?

- Это буквально на несколько минут, - пробормотал капитан то ли мне, то ли Гэбриелу.

И тут я поняла: капитан выглядел как после драки, пластины церемониального доспеха болтались, сдерживаемые завязками только с одной стороны, ворот камзола возлежал на плечах подобно раскрытой на середине книге, а под глазом пунцовел кровоподтек.

- Ваши друзья, граф Шерези, предприняли осаду госпиталя и грозят продолжить ее до...

- Осаду? - перебила я капитана. - О каком количестве моих друзей идет речь?

Что такое осада, я знала - это когда замок окружен войсками, в нем голод и лишения, со стен бросают дохлыми крысами во врагов, а те уворачиваются и ждут, когда осажденные отчаются и откроют ворота или перемрут, чтоб не мешали эти ворота открыться.

Капитан горестно вздохнул:

- Станислас лорд Доре и Оливер лорд Вилкунд требуют вашей немедленной выдачи, последнее время от времени впадает в боевое неистовство.

Я недоверчиво хихикнула. Их двое, с ними не может справиться вся королевская стража?

- А также полторы сотни бывших пажей и слуг, называющих себя королевскими миньонами, пытаются разбить осадный лагерь в парке госпиталия.

Не переставая хихикать, я выдернула руку и натянула выше колен сползшие голенища. Ван Харт, покачиваясь, поднялся с постели.

- Оставайтесь здесь, лорд, - велела я, - вам предписан покой как минимум до вечера.

Он не возразил, просто обнял меня, тяжело опершись на плечи, и повел к выходу.

Ну страшно ему одному! Ну что я поделаю? Тем более что, кажется, сейчас он не безумен. Кто-то когда-то говорил мне, что свежий воздух благотворен.

На самом деле я понимала, что не возражаю такому сопровождению, потому что мне, фахан меня раздери, приятно, что во мне нуждаются, что я нужна именно меченому красавчику Гэбриелу Ван Харту.

В коридоре я ощутила столь явственный зов природы, что чуть не заскулила.

- Минутку, господа, мне нужно посетить... подумать...

Я вывернулась из объятий Гэбриела (если бы он сейчас от этого свалился на пол, меня бы это не остановило) и ринулась в боковую дверь.

У нас, поддельных ардерских мужчин, существует добрая традиция: в любом новом месте мы первым делом отыскиваем клозеты или умывальни, или еще какие помещения, предназначенные для удовлетворения нужд. Традицию эту основал ваш покорный слуга граф Шерези и следовал ей неукоснительно. Поэтому я четко знала, куда именно сейчас бегу. Поворот, арка, поворот. Если комнатенка занята, я вышибу дверь с одного удара и затолкаю захватчика в отверстие, а там по каменной трубе он сам скатится в ров. А что по той же трубе достигнет его сверху... Клозет был свободен, я выдохнула с облегчением и опустила изнутри щеколду.

- Басти! - поскребся в дверь ван Харт.

- Я думаю! - возвестила я счастливо. - Подожди меня в коридоре, не думаю, что сейчас там бродят толпы твоих убийц.

- В моем состоянии мне хватит и одного. Ты там думаешь о моих убийцах?

- Лорд ван Харт, будьте столь любезны удалиться от двери клозета на десять, а лучше на пятнадцать шагов!

- Так это клозет, - пробормотал Гэбриел, и я готова была поручиться, что он покраснел.

Подумаешь, какие мы нежные. Ему-то не надо постоянно контролировать свои телесные процессы. Мужчина! Да что они вообще знают об этой жизни!

Когда я вышла в коридор, ван Харт протянул мне на ладони мятную пастилку. Я поблагодарила и зачавкала пузырящимся во рту комочком пасты. Не мешало бы, конечно, и умыться, но пока и так сойдет.

У подножия главной лестницы нас встретили вооруженные люди, двое толкнули створки массивной двери, а третий поднял над нами огромный деревянный щит.

- Капитан, это лишнее, - раздраженно бросила я, переступая порог. - Или вы опасаетесь, что мой гнев выплеснется наружу, как из кастрюли, если его не сдерживать крышкой?

- Я опасуюсь, граф Шерези, - ответил капитан, - что неудачно пущенная в вас стрела послужит тем самым первым камешком, который повлечет за собою лавину. Поверьте, войны начинались и за меньшее, чем безвременная кончина королевского любовника.

То, с какой силой он прислонился ко мне, чтоб скрыться в тени щита, а еще больше его хамский отчаянный тон убедили меня в том, что ситуация серьезна. Меня могут убить? Легко! На меня покушались еще когда я была никем, одним из сотен претендентов. И пусть де Краон уже отошел в чертоги Спящего, никто не поручится, что не появится его последователь.

- У них есть луки? - спросила я испуганно. - Я имею в виду - у моих друзей.

- У них есть все! Этот фаханов Виклунд! Он знал, что делает. На рассвете он с десятком своих рубак захватил восточную оружейную.

Я похолодела, и теперь вовсе не от страха за свою жизнь. Если дело обстоит именно таким образом, это измена. В Ардере измена карается единственным способом - казнью. И тут уже запрет проливать голубую дворянскую кровь теряет силу. Виклунда обезглавят. Станисласа, скорее всего, тоже, просто за компанию. Разве что если лорд Доре противился планам друга и тот его запер... Да нет, и это не оправдание. Отопрут и обезглавят. Измена - дело серьезное. Тем более если вспомнить о клятве, которую мы друг другу дали, о вечной дружбе и верности. Нас четверо, мы вместе, и каждый из нас в ответе за остальных, как соратники Спящего Лорда друг за друга. Кстати, а ведь меня тоже обезглавят и Уолеса. Патрику-то будет проще всех, он ничего не почувствует.

И тут мои мысли, описав круг, вернулись к опасениям за мою жизнь.

Круги мне никогда не нравились, к этому я мысленно пририсовала поросячий хвостик. «Давай, граф, думай быстрее. Безвыходных ситуаций нет! Сведи потери к минимуму, придумай, как оправдаться, чтоб тебя с этими болванами отпустили домой, пусть с позором, но живыми».

Мы медленно, шаг за шагом спускались с крыльца. Рука Гэбриеля лежала у меня на плече, он то ли прижимал меня к себе, то ли опирался.

Меченый красавчик уже придумал бы на моем месте сотню комбинаций. Он может, фаханов интриган. У него бы эти комбинации уже на ниточке рядом висели, только успевай заготовки отщелкивать.

Серые глаза ван Харта были внимательны и сосредоточены, он шарил ими вдоль зубчатых стен двора, по балюстраде, бросал взгляды поверх голов охраны. Двор был пустынен.

«А может, он эту свою заготовку разыгрывает прямо сейчас, - подумала я, - только не уверена, что она сыграет в мою пользу. Может, по его коварному плану Оливер сейчас и действует? А что, подослать к лорду Виклунду шептуна с важными новостями о том, как несчастного Цветочка арестовали-пытают, и дело в шляпе. Для этого он меня в госпиталии и задержал. Ах, мамочка, ах, Дидиан!»

Я раздраженно двинула плечом, скидывая с него руку поганого интригана.

Я сломаю его план, каким бы хитроумным он ни был!

И чьим бы он ни был, и даже если это никакой и не план, а чудовищное и нелепое нагромождение событий. К фаханам оправдания! Настоящий трикстер всегда может обернуть поражение победой. Потому что настоящий трикстер - трюкач и актер, мастер провокаций и парадоксов.

Я выскользнула из-под щита, размахивая руками:

- Сдаюсь! Ты выиграл!

Меж зубцами внутренней стены показалась некая голова в блестящем церемониальном шлеме.

- Поздравляю, фаханов победитель! - проорала я голове, уворачиваясь от захвата одного из своих охранников. - Ты смог организовать своих птенцов за одну ночь и превратить их в настоящий боевой отряд!

Рядом с блестящим шлемом воздвигся еще один, менее парадный.

- Лорд Доре, - продолжила я, закладывая вираж, бегать приходилось все время, по двору за мной гонялось уже четверо или пятеро охранников, - как свидетель нашего с лордом Виклундом спора ты можешь подтвердить всем присутствующим его выигрыш!

В сообразительность Оливера я верила слабо, то есть ум его вне сомнений, но

размышляет он обычно подолгу и обстоятельно. Станислас, вся надежда только на тебя! Ну же, поддержи игру! И, дай Спящий, вы никого не убили во время ночных событий. Потому что, если убили, никакой мой трюк не сможет этого ни оправдать, ни изменить.

Я споткнулась о выброшенное преследователем древко алебарды и рухнула на землю, продолжая кричать:

- Семь дюжин бутылок лучшего шерезийского вина теперь принадлежат победителю! Семь дюжин великолепного вина, из великолепного винограда, над которым трудились ножки самых красивых девушек моего графства! Мари-Сюзет тоже танцевала в бочке, Станислас! Ты же помнишь Мари-Сюзет? Вино пахнет солнцем и на вкус как жидкое солнце с нотками зрелых фруктов и легкой горчинкой.

Я лежала на спине, сверху на меня навалился один из стражников, мне не то что на крик, на жизнь не хватало дыхания. Да и обзор мне закрыли, я не видела, что там на стене происходит. Зато видела лорда ван Харта, который расслабленно опирался локтями о поставленный ребром на землю щит. Ладони лорда при этом были заняты аплодисментами.

- Вы так вкусно об этом говорите, граф, - громко сказал он, - надеюсь, лорд Виклунд не будет скаредой и угостит нас великолепным шерезским вином.

Гэбриел обернулся к капитану:

- Велите своим подчиненным освободить графа Шерези.

- Вы тоже об этом знали? - В тоне капитана было осуждение.

Ван Харт пожал плечами, его жест можно было истолковать двояко, а можно было бы вообще не толковать. Я ликовала. Мне поверили! Раздражение капитана перенеслось на Гэбриела, значит, он точно поверил. Измены не было! А что было? Дворянская шалость! Заклад, спор. Нам просто нужно придержываться этой версии.

Ван Харт подождал, пока стражник сползет с меня, и протянул руку, помогая подняться. Я широко улыбнулась. Где же Оливер со Станисласом? Почему они не спускаются?

Я помахала свободной рукой, человек на стене снял шлем, обнажая коротко стриженую голову ветерана. Это был не Виклунд, я устроила представление отряду «лиловых плащей».

Прекрасный трикстерский план рухнул.

Ван Харт сжал мое запястье и рывком притянул к себе:

- Очень быстро, Цветочек, пока «лиловые плащи» не покрошили твоих болванов в капусту. В тридцати туазах направо есть садовая калитка, беги туда, повторяя свою байку о вине.

Я хотела спросить: «С каких пор я могу рассчитывать на твою помощь?» Но меченый красавчик отпустил мою руку и обратился к капитану:

- Именем королевского совета повелеваю вам вернуться с отрядом в госпиталий для ареста...

На этих словах я подорвалась с места, как бешеная белка. Вино! Шерези! Стройные ножки Мари-Сюзетт! Три емких образа обрастали в моих криках сотней деталей и подробностей.

Интересно, кого велел арестовать ван Харт?

Глава 7

Вторая звезда

Кого-то он Авроре напоминал, этот мальчишка, стоящий сейчас перед ней в церемониальном поклоне. С этой его кривоватой улыбкой, высокомерной и отстраненной, горделивой осанкой, говорящей о постоянных тренировках, даже это его преувеличенное, почти оскорбительное почтение было ей знакомо.

«Глаза у него должны быть карими, а не серыми», – вдруг решила королева и сразу поняла, на кого он похож, этот новоиспеченный наследник ван Хартов.

Ах, Этельбор, мой лорд, мое солнце, наверное, в свои двадцать или двадцать пять вы выглядели примерно так же. Не зря наш шут обратил внимание на этого мальчика, не зря наблюдает за его интригами с родительской гордостью. Мармадюку так же, как и мне, не хватает вас. Тебя. С каким невероятным удовольствием я отхлестаю тебя по щекам, мой лорд, когда мы наконец встретимся, какую злость продемонстрирую тебе, и как тебе придется постараться, чтоб твоя Аврора сменила гнев на милость. Да, да, мой лорд. Я отомщу. За каждый прожитый без вас год вы получите от меня сполна.

Аврора улыбнулась своим мыслям.

Мальчишка с усилием оторвал взгляд от ее коленей, обтянутых лиловыми чулками пажеской формы. Ее величество находилась в госпиталии инкогнито, в той легкомысленной одежде, которую предписывалось носить дворцовым пажам. Маскарад не мог обмануть никого, лиловый камзол был снабжен выточками, подчеркивающими высокую грудь ее величества, и округлость бедер не могли скрыть широкие оборки коротких штанишек. Ее величество выглядела именно тем, кем являлась – хорошенькой женщиной в мужской одежде. И ножки ее вызвали восхищение.

– Расскажите мне все с самого начала, любезный ван Харт, – велела королева, присаживаясь на край обитого железом стола. – Я понимаю, что лорд Мармадюк, – она повела подбородком в сторону шута, неподвижно подпирающего стену смотровой комнаты, – уже допросил вас, но мне хочется узнать подробности лично.

В смотровой больше никого не было: королева, шут и Гэбриел ван Харт. Ну еще можно было бы упомянуть некое неподвижное тело, лежащее под простыней на другом столе. Всем прочим помещению пришлось покинуть, и они, прочие, перешептывались сейчас за дверью, охраняемой четверкой дворцовой стражи.

Гэбриел еще раз поклонился:

– Какое именно событие вы изволите считать началом, ваше величество?

Поклонился так, будто делал огромное одолжение, и слова тянул так же, одалживая каждое под немалый процент. Какое сходство! Аврора метнула взгляд в Мармадюка, тот ответил улыбкой – «я же тебе говорил».

– От какого события начали бы отсчет вы?

– С покушения на графа Шерези, – ответил ван Харт. – Так как на нашего Цветочка покушаются все время и некоторые из попыток вполне могли ускользнуть от нашего внимания, начнем с предпоследнего.

Королева кивнула. Басти умудрялся постоянно находиться в самом центре бури, нисколько ее не замечая.

– Я заметил неприятное воспаление на коже графа, – ван Харт прикоснулся к своей мочке, – так как я, как уже известно вашему величеству, немного разбираюсь в ядах, противоядиях...

– Вы определили яд?

– Да, и выяснил, что незадолго до нашей встречи граф провел некоторое время в госпиталии. Дальше я всего лишь нашел возможность проникнуть сюда и наблюдать,

пока злоумышленник не выдаст себя. Если целью покушений был Шерези, рано или поздно это должно было произойти.

- И это произошло сегодня утром?

- Именно. Большое представление, которое устроил лорд Виклунд для всего замка, заставило убийцу действовать. Арбалетный болт выпустили из башни госпиталя, Шерези, разумеется, не заметил этого, сразу после я приказал капитану дворцовой стражи арестовать брата-медикуса Гвидо.

Гэбриел кивнул в сторону неподвижного тела. К сожалению, мы не смогли помешать самоубийству последнего.

- Неужели вы смогли рассмотреть, кто именно стрелял?

Ван Харт улыбнулся:

- Не смог, ваше величество, я был уверен в личности преступника заранее, он выдал себя десятком мелких промахов. Я рассчитывал, что, произведя выстрел, брат Гвидо запаникует и во время ареста выложит всю правду. - Гэбриел сокрушенно пожал плечами. - Самоубийство в мои планы, к несчастью, не входило.

Аврора помолчала, укладывая в сознании факты.

- Почему вы подозревали именно Гвидо?

- Он работал в перчатках. Предосторожность, глупая при уходе за больными миньонами, но необходимая, если соприкасаешься с проникающим через кожу ядом.

- Что ж, о причинах его поступка мы теперь не узнаем.

- По крайней мере, не от него.

Королева посмотрела в лицо Гэбриела:

- Вы думаете, это еще не конец?

- Мои выводы не всегда безукоризненны.

- Ну да, - Аврора со значением покивала, - из-за вашей ошибки мы теперь должны иметь дело с трупом. Но все же мне хотелось бы узнать, к чему именно вы пришли.

Мармадюк отлип от стены и приблизился к собеседникам, бубенчики на его башмаках едва слышно позвякивали в такт шагам.

- Это заговор, - тихо проговорил ван Харт, - и это только начало.

- Тебе стоит осмотреть труп, королева моя, - так же негромко сказал шут, - лорд ван Харт не допустил к осмотру медиков, кроме тех, которые должны были засвидетельствовать смерть, так что ты должна мальчику еще и за это.

- А за что еще я должна мальчику? - раздраженно спросила Аврора, глядя, как Гэбриел ван Харт сдергивает простыню с соседнего смотрового стола.

- За спасение твоего любимого Цветочка от преждевременного путешествия в чертоги Спящего, разумеется.

Под простыней лежал покойный брат Гвидо, уже застывший и абсолютно голый. Лоскуты срезанной ножницами одежды лежали на краю стола.

- Смотри. - Мармадюк, обернув руку простыней, потянул в сторону ногу трупа.

На внутренней стороне правого бедра краснела отметина. Аврора наклонилась, отметина сложилась в четкий рисунок - алую пятиконечную звезду.

- Ему впрыснули под кожу цветную тушь или чернила, - пояснил шут, сбрасывая с кисти простыню, - довольно обычная вещь в среде тайных заговорщиков - пометать своих

участников, чтоб узнавать друг друга или чтоб кто-нибудь не вздумал бросить общее дело на полдороге с надеждой остаться безнаказанным.

- Место неудобное, - сказал ван Харт, - узнавать друг друга, рассматривая эти места - затруднительно. Прикажете снимать штаны каждый раз, когда требуется подтвердить свою личность?

- Откуда ты знаешь, мальчик, где они проводят свои сборы, - веселился Мармадюк, - может, они встречаются в купальнях или в веселых заведениях под приметными фонарями.

Аврора не слушала, в ушах стучала кровь, дышалось с трудом, она смотрела на красную звезду. Сердце кольнуло болью, королева покачнулась.

- Вам нехорошо? - Гэбриел подставил плечо, чтоб она не упала.

- Конечно ей нехорошо, - все так же жизнерадостно сказал шут, - потому что в отличие от тебя ее величество прекрасно помнит, чьим гербовым символом являлась пятиконечная звезда цвета глубокий пурпур.

- Я тоже об этом знаю, - ван Харт взял в свои руки ледяную ладонь королевы, - это знак Ригеля, прозванного безумным.

Сигнальные рожки сзывали служивый люд к ужину. Пажи, притворяющиеся миньонами, и прочие, притворяющиеся пажам, потянулись к дверям столовых и кухонных пристроек. Я наблюдала за этим, сидя на подоконнике в комнате Мармадюка.

- Может, кто-нибудь напомнит мне, почему мы ждем решения королевы именно здесь? - Виклунд дремал на постели лорда-шута, вопрос задавал лорд Доре, сидящий со мною рядом и болтающий ногами в ритм мандалинному бренчанию, коим слух наш услаждался вот уже много часов.

- Ты предпочел бы ожидать его в темнице, болван?

Я щелкнула Станисласа по лбу костяшкой согнутого указательного пальца.

- Дурилка доремарская, как вам только в голову бунтовать пришло?

Так как данная экзекуция проводилась за сегодня не в первый и даже не в сорок первый раз, менестрель даже не поморщился и не сбился с ритма.

- Мы не бунтовали, а принимали участие в благородном пари, - пропел он. - А теперь вы должны нам пятьдесят ящиков шерезийского вина.

- Всенепременно, - заверила я собеседника, - вы с тирийским остолопом сначала достанете где-нибудь кругленькую сумму, виноделие, знаешь ли, дорогого стоит, затем засадите Шерези виноградниками, параллельно обустроив винодельни, и, дождавшись урожая...

- А Мари-Сюзет будет давить виноград!

- К тому времени старыми и морщинистыми ногами, - радостно кивнула я, - и это в случае, если доживет.

Я переругивалась с друзьями с самого утра. До этого спал Станислас, а ругалась я на Виклунда, а еще раньше - обзывала обоих, в словах особо не стесняясь. У меня отлегло от сердца после испытанного ужаса, поэтому и вела я себя, будто захмелевший с непривычки подросток. Лорды же сначала оправдывались в два голоса, а затем плюнули, молчаливо позволив мне болтать все подряд.

Дела наши обстояли, по моему скромному мнению, неплохо - не хорошо, но и не совсем ахово. Все началось еще ночью, Виклунда растолкал некий неузнанный паж, сообщил о том, что граф Шерези ждет казни в казематах госпиталя. Почему казни, Виклунд со сна не разобрался и, опять же со сна, сложить два и два и подумать о том, что в госпиталии

казни могут ждать только госпитальные мыши, не удосужился. У него случилось что-то вроде приступа боевого безумия. Безумие оказалось заразительным. Разбуженный Доре за три минуты сочинил воодушевляющую боевую песнь, и они уже вдвоем (паж к тому времени растворился в ночи, как призрак) отправились будить своих миньонов.

- Ели бы ты, Цветочек, был прекрасной девственницей, осадой госпиталя дело бы не завершилось, - рассказывал доремарец, - люди готовы идти на бой куда угодно, дай им только хорошую цель и не давай времени подумать.

Я хихикнула про себя, потому что, если насчет прекрасности девы можно было бы и поспорить, остальные исходные у нас наличествовали.

Нам повезло, невероятно и не в первый раз. Единственное, в чем я сейчас была уверена - везти постоянно нам не будет, за широкой белой полосой обязательно следует черная, это закон жизни. И нам нужно быть готовыми к следующим испытаниям. И самое главное - кто подставил Виклунда и Доре? Кто был тот загадочный паж, который сообщил им фальшивую новость, и - что еще важнее - кто управлял им?

Мое рассеянное внимание привлекла процессия, шествующая через двор. Было там в преизбытке фрейлин, слуг и сановников. Во главе ее была королева наша Аврора в костюме паж и некий знакомый мне уродец в костюме болвана. Ну, то есть Гэбриел ван Харт в обычной своей одежде, но с видом самым что ни есть болванским. Он так сладострастно пожирал глазами ее величество (мне особо сладострастия с такого расстояния видно не было, но я его почти ощущала) и так уверенно держал ее за руку, что сомнений не было.

- Как быстро меняется столичная мода, - пропел Станислас, - ты заметил, граф, что нынче вошли в обиход дамские маски?

- Что? - Я отвела взгляд от влюбленного дуралея: некоторые дамы из сопровождения действительно скрывали лица за украшенными канителью полумасками. - Ах да, болванская мода.

- Надеюсь, Гэбриел успокоит и обаяет наше величество, и она оставит сегодняшнее происшествие без последствий.

Я вздохнула:

- Ван Харт вряд ли озабочен нашим с тобой благополучием, дружище, разве что оно, это благополучие, послужит неким его личным целям. Он - хитрый равнодушный фахан, который не пошевелит мизинцем, если это ему не выгодно.

- Ты все еще зол на Гэбриела?

- Что значит зол? Я что - девчонка, которую обидел равнодушный поклонник? Я ничего не забыл, но не собираюсь дальше развивать эту тему.

- Тогда позволю себе предположить, что ты ревнуешь?

Я раздраженно передернула плечами:

- Скажу еще раз: я не девчонка! Я не ревную меченого уродца!

Мандолина зазвучала с удивлением:

- Я имел в виду, что ты ревнуешь ее величество. Судя по этой сцене, - Станислас кивнул в сторону двора, - наша королева очарована своим спутником.

- И что?

Он посмотрел на меня с грустью:

- Басти, она королева, а ты... всего лишь ты. В любом случае ты не мог бы оставаться в ее сердце в одиночестве. Даже если ее чувства к тебе глубоки, она не может себе позволить отдаться им полностью.

- Да что ты понимаешь в любви?

- Больше, чем ты, малыш...

В этот момент Аврора споткнулась (это на зеркально-то гладкой брусчатке!) и ван Харт подхватил ее за тоненький стан, склонившись лицом к лицу ее величества непозволительно близко.

Святые бубенчики! Я прыгнула с подоконника, не в силах больше на это смотреть. К фаханам чужие шашни! Интересно, Ардера не собирается с кем-нибудь в ближайшее время воевать? А то я бы с большим удовольствием отправилась туда, с Виклундом, разумеется. И покрыла бы себя воинской славой и парочкой шрамов. Зачем мне шрамы и для чего именно они мне понадобились, я не додумала, подцепив ногой ближайшую скамеечку и запустив ее в дверь.

- Нападение? - взревел Виклунд, моментально проснувшись. - Держать входы! Цветочек, к окну!

Я развернулась на каблуках и, метнувшись к Оливеру, стукнула его по лбу согнутым крючком указательного пальца:

- Будешь знать, как бунтовать, остолоп тиририйский!

Злость моя, направленная в другое русло, перестала жечь изнутри.

Мармадюк освободил нас ближе к вечеру. Его лордейшество, конечно же, не верил ни одному моему слову, а друзей моих просто слушать не стал, сообщив, что на глупости времени у него нет.

- Полей цветок, Цветочек, - велел он, сгоняя меня с кровати, и пока я бегала в умывальню за водой, завалился на простыни, вытянув ноги.

- Виклунд, на плац! Там твои цыплята ползают по кругу, имитируя тренировочный бег. Доре, твои в музыкальном зале.

Поименованные лорды исчезли, будто их и не было вовсе.

- А мои? - Я, почтительно изогнувшись, окропляла коко-де-мер.

- А твои спят. - Шут зевнул, продемонстрировав мне как степень своей усталости, так и белизну зубов.

- А почему?

- Я им так велел...

Его шутейшество задремывал, прикрыв глаза, поэтому повторное «а почему?» я сказала погромче.

- Почему-почему, - Мармадюк бросил в меня перчаткой, - потому что я не смог придумать, чем им заняться в твоё отсутствие, и велел первое, что пришло в голову. А они - послушные мальчики, тем более испуганные всем, что намеревались натворить сегодняшней ночью, поэтому...

- Что значит «в отсутствие»? - Я испуганно схватилась за левую сторону груди, делала я это в мужском облике нечасто, поэтому отсутствие привычных округлостей меня испугало еще больше. - Вы бросите меня в темницу? Или казните?

- Час, Шерези, дай мне час, а потом я сделаю все, что захочешь - казнь, брошу, поцелую...

Его шутейшество, выдохнув последнюю длинную «ю», заснул.

- Погодите, мой лорд, - я присела на постель и встряхнула его за плечи, - что делать мне?

- Спать!

Мармадюк перехватил мои запястья и потянул к себе, через мгновение граф Шерези

уже был прижат спиной к животу почтеннейшего лорда на манер детской игрушки. Я пискнула, охнула, все это, разумеется, мысленно, и расслабилась. Такое неодолимое желание сна вызывало во мне уважение. Что же вы делали всю ночь, милый шут, и почему сейчас не хотите отпускать меня от себя?

Я немножко подумала о том, когда это его шутейшество превратился в моих мыслях в «милого», затем повспоминала все причиненные им обиды, затем – для равновесия – его поддержку непутевого Шерези, и решила, что почему бы и нет – милый так милый, а с мужчинами и даже в обнимку я уже и так спала, то есть спал. «Разделим походный плащ, Шерези», – примерно так начинались совместные ночевки с болванским Гэбриелем. А уж подремать часик в одной кровати – и на ночевку не тянет.

Мармадюк размеренно сопел мне за ухо, было щекотно, но не противно. Интересно, где и с кем сейчас ван Харт? И как чувствует себя мой Патрик... и как...

Нобу с Алистер танцевали в туманных вихрях для своего господина. Их движения, полные волшебного изящества, были синхронны. Ритмичная музыка, нега, разлитая в ней, проникали в мою кровь, заставляя чаще биться сердце. Меня переполняло горячее желание. Не желание чего-то конкретного, а желание в самом животном смысле этого слова.

Тысяча! Мокрых! Фаханов!

Я открыла глаза. Черные глаза Мармадюка были очень близко, выражение его обычно подвижного лица казалось спокойным и задумчивым.

Я вертелась во сне. Точно! Ворочалась и поэтому развернулась к нему лицом, а он... Что он? Почему я до сих пор чувствую его руки, теперь на спине? Не мог отпустить буйного Шерези? А что я? Почему это дурацкое томление никуда не девается? Воздух между мной и моим лордом похож на фейский туман – тягуч и пахнет цветами. Да и воздуха этого немного, вершок, один вздох.

Я вдохнула и вскрикнула, поняв, чем именно прижимаюсь к поджарому телу Мармадюка.

– Ты знаешь, что женские крики приятнее всего глушить поцелуями?

Он сжал мою спину, отчего обширные дамские прелести глупышки Бастианы вдавились в его тело еще сильнее.

Я испугалась. Целоваться хотелось просто до обморока, но я знала, что следует за поцелуями, и это в мои планы на будущность не входило.

Руки на моей спине пришли в движение, прочерчивая дорожки вдоль позвоночника, сладкие горячие дорожки. Лорд-шут был мужчиной опытным, даже многоопытным на мой провинциальный вкус, шансов устоять перед его любовной атакой у меня не было. Когда его ладони надавили на впадинку у поясницы, я застонала, слава Спящему, мысленно.

– Так мне поцеловать тебя, милая?

Вот это «милая» меня слегка отрезвило. Так называют пейзажок, коим задирают юбки в придорожных трактирах, потому что запоминать имена всех этих Мари и Сюзетт – дело пустое.

– Валяйте, – я криво улыбнулась, даже почувствовав на своей щеке несуществующий шрам, – если желаете лишить ее величество Аврору ее миньона...

Я сложила губы трубочкой и ме-е-едленно потянулась к Мармадюку.

– Стоп, Шерези! – Руки его шутейшества переместились на мои плечи молниеносно, не с тем, чтоб привлечь, я чтоб удержать на расстоянии. – Объясни мне, как твое миньонство связано с поцелуями?

– Ах, мой лорд, – кокетливо протянула я, – может, сначала дело, а потом разговоры? Подумаешь, вы во сне сняли с меня волшебный пояс, я его пока могу вернуть на место и

опять стать графом. Но вот после поцелуя, а точнее того, что за ним последует... Вы же не ограничитесь только поцелуями, правда?

- Мне бы не хотелось ограничиваться только ими, - заверил меня Мармадюк, - но у нас с тобой не так много времени, поэтому изволь побыстрее меня просветить.

Я вздохнула:

- Пояс действует, только пока я девственница. Вы удовлетворены?

Кадык под гладкой смуглой кожей дернулся, шут закатил глаза:

- Так ты девица?

- У вас есть сомнения? - Я многозначительно перевела взгляд на свои округлости в распахнутом вороте миньонской сорочки.

Когда взгляд вернулся к лицу его шутейшества, тот беззвучно смеялся:

- Девственница! Басти, не бывает девственниц, с такой готовностью прыгающих в чужую постель!

- В вашу постель прыгнул мужчина! - обиженно возразила я.

- Ну да, мужчина. И именно мужчина терся об меня, мешая спать, пока я не нащупал под твоей одеждой волшебную побрякушку!

- Вы сейчас пытаетесь меня в чем-то обвинить?

- Именно, милая! Ты провоцируешь меня постоянно, возбуждаешь любопытство и страстный интерес.

- Так вы из интереса оставили меня сегодня при себе?

- Нет. - Мармадюк сел на постели. - У меня были другие планы.

- Какие? - Я тоже села и нашла в смятых простынях свой серебряный пояс.

- Такие, о которых я чуть было не забыл, обнаружив в своих объятиях не вертлявого мальчишку, а стонущую от желания женщину.

Последние слова были сказаны таким хриплым голосом, что я стала торопливо распутывать серебряные звенья, чтоб побыстрее стать графом Шерези, так сказать, от греха.

- Не торопись, - остановил меня шут, - так будет даже забавней. Приглашаю вас, юная леди, составить мне сегодня компанию в прогулке по городу.

Я захлопала в ладоши: выбраться хоть ненадолго из дворца - это было здорово. А еще меня радовало, что, кажется, его шутейшество потерял ко мне интерес. Я наблюдала за ним исподволь, пока он ходил по комнате, выворачивая на пол содержимое каких-то сундуков. Мармадюк красавчиком точно не был, даже будь его нос чуть короче или менее резки черты лица, им никогда не удалось бы достичь той гармонии черт, которая присуща, например, Патрику лорду Уолесу, самому красивому из знакомых мне мужчин. Но было в лорде-шуте нечто, чем даже Патрик не обладал: зрелая сила, которой хотелось покориться больше, чем красоте.

Интересно, не ощущаю ли я в глубине души разочарование, что ничего не случилось, что лорд Мармадюк предпочел оставить меня мальчиком при королеве, а не женщиной в своей постели?

- Переоденься, - на стул у стены опустилось шелковое платье. - Что за синяк у тебя на скуле?

Я открыла рот для ответа, но Мармадюк поднял руку, останавливая меня, и прислушался.

В коридоре разговаривали, даже, скорее, спорили на повышенных тонах.

- Спрячься. - Шут кивнул в сторону клозета.

- Вы выставили охрану снаружи? - шепотом спросила я, подхватывая со стула женскую одежду.

- В постели с ними нам было бы тесновато.

Мармадюк отпер дверь, я юркнула за ширму. Здравствуй, мое милое пристанище времени темного полнолуния! Я хихикнула от внезапности нахлынувшей сентиментальности. Что я несу? Виделась уже сегодня и неоднократно, с утра раз пять точно.

Я расправила платье. Темно-лиловый плотный шелк, отделанный лентами и кружевом. Фасон скорее не ардерский, а доманский. Я опять хихикнула. Кто бы мог подумать, Шерези, что за месяц в столице ты научишься разбираться в моде? Наверное, тот, кто никогда не общался со Станисласом Шарлем Доре более пятнадцати минут кряду.

Приложив платье к груди, я любовалась своим отражением в настенном зеркале. Было оно мутноватым, просто полированной медной пластиной, но даже так мне удалось рассмотреть две вещи - темно-лиловый шелк мне шел, а темно-лиловый синяк - нет.

Маменька учила меня с почтением относиться к старости, и те слова, которыми я вполголоса назвала сейчас канцлера ван Харта, точно не одобрила бы. Зловредный старикашка! Одной ногой в чертогах Спящего, а какой сильный удар!

Я выглянула наружу, не опасаясь быть замеченной, ширма скрывала вход в клозет. Лорд Мармадюк беседовал с лордом Виклундом, лорд Доре, судя по фоновому бречанию, тоже присутствовал при беседе.

- При всем уважении, мой лорд, - бормотал Оливер, - но если бы вы позволили нам сейчас убедиться, что граф Шерези жив и здоров, вы бы сняли камень с моего сердца.

- На вашем, любезные лорды, месте, я сидел бы тише мыши со всеми вашими камнями и пытался не попадаться мне на глаза после бесчинства в госпиталии. Цветочек выполняет мое личное распоряжение.

- Буду вынужден настаивать. - Оливер говорил вежливо, но твердо.

- Буду вынужден пренебречь вашей настойчивостью.

- О бесценный лорд, - Станислас пустил петуха, видимо, от волнения, - мы доверяем вам всецело, но когда граф Шерези остался с вами наедине в последний раз, его отравили.

- А когда он остался наедине с Гэбриелом ван Хартом, отравили последнего, - сказал Мармадюк. - Может, дело не во мне, а в вашем Цветочке?

Святые бубенчики, ну что Мармадюк интригует на пустом месте? Сейчас я выйду к своим друзьям... Да, да, Шерези! Вперед, покажись, можешь еще сорочку пониже спустить, пусть они на тебя, красавца, полюбуются. А Виклунд сразу жениться полезет. Ты этого хочешь? Чтоб выйти к лордам, сначала нужно надеть пояс, а чтоб надеть пояс, нужно отлипнуть от двери клозета и пробраться к кровати, на которой этот фаханов пояс остался, по открытому всем взорам пространству. Туше?

К несчастью, умная мысль посетила меня уже в движении, я запнулась, вынеся ногу за ширму, и отпрыгнула, повалив на себя конструкцию. Мармадюк соображал быстрее, чем я.

- Ждите в коридоре. - Он выставил моих друзей за дверь и, прежде чем хлопнуть створкой, добавил: - И не вздумайте устраивать осаду здесь, Цветочек выйдет через минуту.

Я путалась в лиловом платье, ширмовых створках и собственных конечностях.

- Говори тише, - Мармадюк помог мне подняться, - твой голос сейчас вовсе не похож на

мальчишеский фальцет Шерези.

- У графа Шерези тенор, - гордо ответила я, отбрасывая его руки со своих плеч, - спросите хоть у великого музыканта лорда Доре.

- И насколько не похож на нынешнее мурлыканье. Ты же не хочешь, чтоб твои друзья решили, что моим заданием для графа Шерези является любовь втроем?

На мурлыканье можно было и обидеться, но я не стала. Вместо этого быстро застегнула на талии пояс и, поправив, сколь возможно, сорочку, отперла дверь покоев.

Стражи в коридоре было немного - пять человек, что ровно на пять больше, чем обычно.

- Ты жив? - Великан повернул меня из стороны в сторону, взяв за плечи.

- Ты не отравлен? - Менестрель ограничился взглядом. - Синяков вроде не прибавилось? У тебя и раньше ведь на лице это было?

- Это, - Виклунд опять меня повертел, - было раньше, это граф Шерези благородно подставился дряхлому Адэру. Ах, ты спал, когда Цветочек описывал всю эпичность их противостояния.

- О, с тобой Цветочек разговаривал? Меня он только поносил и щелкал по лбу.

- Меня он тоже поносил, - успокоил друга Оливер, - и щелкал, просто, видимо, нежный пальчик нашего любезного графа быстрее уставал на железном лбу тиририйского болвана.

Слова мне вставить не давали, я и не порывалась, умилялась заботе обо мне двух достойных ардерских дворян. Интересно, на какой день я заметила бы исчезновение одного из них? Не на первый и даже не на второй. Как-то так сложилось, что пропадала и влипала в истории именно я, а Оливер со Станисласом были моим пристанищем, гаванью и отчим домом одновременно, именно к ним я возвращалась после передрыг. Станислас, Оливер... и Патрик. Я даже испугалась, что мысленно на мгновение вычеркнула ленстерца из нашего круга, это, конечно же, была случайность, но она мне не понравилась.

- Проведайте лорда Уолеса вместо меня, - попросила я Виклунда, который наконец оставил в покое мои плечи, - не знаю, сколько времени займет поручение лорда Мармадюка.

- Конечно, мы навестим Патрика и передадим ему от тебя привет, даже если он его не услышит.

- Пропуск! Без пропуска вам не пройти оцепление госпиталя! Погоди, у меня осталась пластинка Ван Харта, я не отдал ее в суматохе.

Я похлопала себя по боку. Пропуск был в камзоле, камзол - в покоях шута. Я стояла в коридоре лишь в сорочке.

- Подождите, я сейчас принесу.

- Не утруждайся, - остановил мой порыв Станислас, - лорд ван Харт, не драчливый Адэр, а Гэбриел, снабдил нас с лордом Оливером именными пропусками.

Менестрель продемонстрировал пластину на витом шнуре, болтающуюся у него на груди:

- Выгодно иметь в друзьях сына канцлера.

Видимо, мое лицо что-то такое выразило, потому что Станислас быстро проговорил:

- Не так выгодно, разумеется, как лучшего друга - любимого королевского миньона.

Он тренькнул меня по уху, по королевскому адаманту. Но даже это не прибавило веселья.

- Кстати, - бодро сообщил Оливер, - белое крыло тоже нами проведено. Ван Сол провел занятие по твоим заветам.

Я еще и заветы успела оставить? Ай да Шерези! Хотя тут, если честно, сплеховал наш граф, сегодня ни разу о своих подчиненных не подумал. Если бы ему не повезло с помощником Дэни ван Солом, белое крыло миньонов весь день бездельничало бы.

Менестрель оживленно предложил:

- А давай объединим усилия, граф. Я послушал, что твои парни извлекают из музыкальных инструментов...

- Позорище?

- Ну, я бы так не назвал...

- Мне приходилось слышать такие звуки во время гона диких тирийских котов, - пресек на корню дипломатию друга Виклунд, - значит, музыку тебе обеспечат синие, а красные...

- Не нужно никого осаждать, - притворно ужаснулась я.

- Вот теперь я узнаю нашего Цветочка, - Оливер щелкнул по королевскому алмазному, - Дэни бляял что-то о каких-то помостах.

- Ну да, у нас там такая круглая штука на козлах. Ну ты должен был видеть такие конструкции, помнишь, когда мы только приехали в столицу, на площади танцевали акробаты... - Я жестикулировала, демонстрируя повороты и наклоны.

- Не помню, - прервал меня Виклунд, - но это и неважно. Черные Гэбриела нарисовали там какую-то не цветную картинку, обозвали ее чертеж и показали ван Солу. Тот пришел в восторг и выбил из лорда-казначея каких-то денег заплатить столярам. Но штука получится тяжелой, поэтому красные тебе ее поворочают «так и вот эдак».

Оливер передразнил мои наклоны и повороты. Огромный горец был забавен, я хихикнула, а затем серьезно сказала:

- Спасибо, друзья, - и поклонилась по-мужски, сложив руки перед грудью, - не знаю, смогу ли когда-нибудь отплатить за вашу помощь.

- Вина не предлагать. - Станислас изобразил ужас.

- Знаешь, Шерези, может, ты этого не понимаешь, но без тебя нас с доремарцем здесь бы не было.

С этим я могла поспорить. И без меня, вертлявого болтуна, все бы у них получилось. Станислас - великий музыкант, его талант рано или поздно был бы отмечен королевой, Оливер - воин и стратег. Вон как быстро и четко он организовал ночную осаду, а затем - помощь белому крылу, да и лорд-коннетабль положил на него глаз еще на стадии первого отбора. А Патрик - самый умный. И если бы не ужасное происшествие, он доказал бы это всем.

Но спорить я не стала, не хватало еще умильные слезы пускать, просто еще раз поклонилась, отведя глаза в сторону. Кстати, за «часик» даже талантливый Виклунд все это проверить не успел бы, значит, спала я довольно долго.

Когда я вернулась в покои лорда-шута, он поднял голову от бумаг.

- Ну-ка, скажи что-нибудь.

- Что угодно услышать моему лорду?

- Уж точно не причину, почему глаза забияки Шерези опять на мокром месте.

- Тогда что?

- Покрутись на месте, - скомандовал Мармадюк, - теперь замри и сдуй со лба челку.

Я послушно крутилась и дула.

- Волшебнo, - наконец сказал его лордейшество, - Аврора предупреждала меня, что колдовство фей заставляет всех не сомневаться, что перед ними мужчина. Ты понимаешь, Басти? Тебе достаточно снять пояс, чтоб остаться неузнанной!

- Лорд Доре заметил мое сходство с шерезийской девушкой, - возразила я.

- Может, искусство обостряет восприятие, - отмахнулся шут, - а тем временем, любезный Цветочек, скоро полночь, а значит, самое время нам с тобой отправиться на прогулку.

Он вскочил со своего места, оббежал стол:

- Раздевайся! Платье, куда ты его сунул?

Я наклонилась к обломкам ширмы и потянула лиловый подол:

- Пощадите мою скромность, мой лорд.

- Мне уйти?

- Желаете, чтоб я переоблачился в коридоре при стражниках, или в крошечной комнате уединения? Кстати, кому принадлежит этот наряд?

Я потянула сорочку и расстегнула пояс, это разоблачение моя скромность вполне могла перенести.

- Замри!

Я, не ожидая указаний, повторила пантомиму с поворотами и сдуваниями.

- Королеве, - Мармадюк смотрел внимательно, но, как мне казалось, без вожделения, - она тоньше тебя, но платье должно подойти. Наше с тобой, милая, величество обожает переодевания и маскарады, а также тайные вылазки, поэтому часть своего безразмерного гардероба хранит здесь. Кажется, это платье невозможно носить без белья...

Я покраснела, о белье я как раз и не подумала. Я, честно говоря, вообще не собиралась лишаться штанов, широкие оборки юбки скрыли бы их.

- Знаешь, милая, - решил Мармадюк, - твою скромность мы щадить не будем. Без меня ты попросту не справишься.

Он порылся в дальнем сундуке:

- Чулки, нижняя сорочка, туфли. Не морщись, ее величество ни разу этого не надевала. А даже если и надевала, для тебя должно быть честью...

- Отвернитесь, - устало сказала я и стала возиться с завязками штанов.

Шут подошел к окну, я быстро разделась, надела нижнюю дамскую сорочку, вырез которой заканчивался точнехонько у сосков, натянула платье и только после этого сложила миньонское облачение.

Мармадюк тут же обернулся, я с опозданием поняла, что он наблюдал за мной в отражении оконных стекол.

- Это что? - с ужасом он указал на пумекс, венчавший аккуратную стопку одежды.

- Графское достоинство, - ответила я со вздохом, замечая, что вырез платья лишь немногим уступал сорочке в откровенности, что жесткий лиф приподнял мое личное, а не графское достоинство, образовав из этого достоинства ложбинку.

Его шутейшество изволили заржать и ткнуть пумекс кончиком указательного пальца.

Затем, присев на краешек кровати, я натянула чулки, шелк плотно облек ноги, но

держаться на них не желал.

- Подвязки, - Мармадюк с поклоном передал мне их, - помочь?

Я справилась сама, так же как и с туфельками, легкомысленно расшитыми бантами и стеклярусом. А теперь вопрос - почему я не выгнала его шутейшество в коридор, если сама со всем прекрасно справлялась? Видимо, похожий вопрос задал себе и Мармадюк, потому что сообщил мне, что волосы у меня ужасные, недостаточно длинные для леди, и что причесывала я их в последний раз, наверное, еще в Шерези. И пока я сгорала со стыда, вооружившись волосяной щеткой, принялся меня расчесывать.

В этом он также толк знал, действовал уверенно, но осторожно, затем, перехватывая локоны кончиками пальцев, воткнул в мою шевелюру дюжину шпилек, подняв пряди на шее и у висков. Я даже сбегала в комнату уединения полюбоваться на его работу.

- Звезду придется снять, к леди с миньонским знаком в ухе столица не готова.

Я положила звезду рядом с пумексом, то еще соседство, если честно.

- А вот украшения для тебя будут лишними, - задумчиво решил шут, - они только отвлекут внимание от всего остального. У тебя, милая, кожа как будто напитана солнцем, это заметно и когда ты мальчик, но сейчас...

Он прикоснулся к моей щеке:

- Белила убьют весь свет.

В его жесте не было интимности, как и в словах, то есть в словах она, может быть, и была, а вот в тоне - абсолютно нет. Он так же до этого ткнул в пумекс, как сейчас в мою скулу. Он решал, как замаскировать синяк, столь же приметный, как и алмазная звезда.

- Разве в столице не в моде дамские маски? - спросила я.

- А это идея, милая! Тебе нужно прикрыть лицо от виска примерно до середины носика.

В носик он меня тоже ткнул. Я поморщилась.

- Мне не называть тебя милая? Давние обиды? Так называл тебя какой-нибудь дюжий плотник в Шерези, пытаясь...

Он уже рылся в очередном сундуке, и я подумала, что живет его шутейшество в смеси склада и кабинета, которая вобрала в себя еще и проходной двор, потому что, например, я бываю здесь, кажется, чаще, чем в своей миньонской спальне.

- Как же мне тебя называть?

- Меня и правда зовут Басти.

- Ну кто использует настоящие имена на маскараде? Сегодня я буду звать тебя... Мармадель! У меня, знаешь ли, тоже было детство, и фея, дарующая имена, одарила меня и предсказанием. Вот!

Он протянул черную лакированную полумаску.

- Не плотник, - я закрепила ее у висков, - в Шерези у меня был кузнец.

- Которому ты ничего не позволила?

- И что предсказала вам фея?

Он приподнял меня за подбородок и заглянул в глаза:

- В этом облике ты гораздо смелее. А фея сказала, что когда-нибудь Мармадюк найдет свою Мармадель. Так позволила?

- Если бы позволила, меня бы здесь не было. И что будет, когда Мармадюк ее найдет?

- Он останется с ней навечно...

- Жаль, что я - не она.

- Жаль...

Шут тряхнул головой, будто сбрасывая наваждение, и продолжил другим тоном:

- И не будем списывать со счетов, Мармадель, что ты могла меня обмануть. Чтобы позлить или поддержать мой интерес, или просто так. Женщины, знаешь ли, коварны и непоследовательны.

- Мне ли не знать, любезный лорд.

Я улыбнулась. В женском облике я действительно была смелее, будто оказавшись с лордом-шутом на равных. Я отдавала себе отчет, что сейчас отчаянно с ним кокетничаю, и почему-то была уверена, что мне ничем это не грозит.

Мармадюк велел мне отвернуться, что я и сделала, а затем наблюдала в дробящемся оконном отражении, как он переодевается.

Это было не любопытство, а месть. Ну, по крайней мере, именно так я себя оправдывала, отмечая достойный разворот плеч его шутейшества, мускулистую спину, заросшую волосами дорожку вдоль груди и живота. А потом я закрыла глаза, потому что... Ну это было неправильно - подглядывать за ним вот так.

- Вот теперь я верю, что ты девственница.

От голоса, раздавшегося над ухом, я вздрогнула и открыла глаза. Мармадюк выглядел как обычно. Нет, не так. Мармадюк был в той же самой одежде, он сменил только башмаки, надев мягкие туфли без привычных бубенчиков.

Ну и дура же ты, Басти! На равных! Кокетничаю! Тебя проверяли, и ты чуть было не провалила проверку. Дурацкую проверку!

Я, наверное, еще больше покраснела и надеялась, маска скрывает это, потому что в противном случае мне оставалось только разреваться.

Лорд-шут прошел через комнату и толкнул дверь тайного хода:

- Мы не будем смущать воображение стражников, - сказал он. - И пообещай мне, что путь, который увидит сейчас Мармадель, Басти забудет сразу по возвращении.

Я глубоко вдохнула, чтоб голос не дрогнул:

- Басти и так был о нем осведомлен, прикажете все-таки забыть?

- Не прикажу, - лорд пропустил меня вперед, - девчонки всегда найдут возможность договориться за мужской спиной, даже если одна из них королева, а другая - вообще мальчик.

За дверцей был крошечный коридорчик, уходящий налево. Справа - тупик, я помнила, что окно в покоях шута располагается именно там. Я свернула, чувствуя, что его шутейшество следует за мной шаг в шаг. Я семенила, непривычная к каблукам, он не выказывал неудовольствия.

- Скоро будет наклон.

Хорошо, что он предупредил. Я едва не поскользнулась, когда пол накренился, чтоб через двадцать шагов выровняться опять.

- Еще наклон.

Мы явно огибали башню, продвигаясь внутри стены. Затем были ступеньки. Ход уводил под землю. Соляной светильник, который Мармадюк держал на вытянутой руке, мягко освещал путь. Мы шли довольно долго, потом протискивались в трубчатую выемку, поднимались по лесенке и преодолевали пологие подьемы.

Наконец лорд-шут поставил светильник на какой-то уступ и толкнул стену перед моим лицом:

- Прошу.

Ее величество читала в одиночестве. Фрейлин в ее покоях не наблюдалось. Наблюдалась разобранная для сна кровать, горящий камин и огромный фолиант на резной доске, перекинутой через ванну. Ах, ванна тоже наблюдалась, и ее величество в ней, и заколотые на затылке золотистые волосы, и изящные обнаженные плечи, выглядывающие из пены.

- Извини, что потревожили, - Мармадюк извинился как-то без огонька. - У нас дела в городе, мы воспользуемся твоим парадным входом, то есть выходом?

Я никогда раньше не слышала, как шут называет свою королеву на «ты». Меня это изумило, но все же я нашла в себе силы поклониться, сложив руки перед грудью.

- Это мужской поклон, Басти, - хрустально хихикнула Аврора, - женщины складывают руки треугольником вниз.

Я исправилась и поклонилась еще ниже.

- Цветочек предупредила тебя, милый, что вы не должны делать тру-ля-ля из-за волшебного пояса?

Теперь хихикнула я, потому что это самое «тру-ля-ля» было одним из моих словечек, словечек из той прошлой жизни, и, кажется, именно я научила ему королеву.

- Мы обязательно предупредим тебя, как только соберемся, - сердечно сказал шут, - за неделю или десять дней, чтоб дать время найти нового миньона.

Он рассеянно заглянул в фолиант:

- Ригель? Наша вторая звезда?

- Да, милый, лорд-библиотекарь разыскал мне любопытный труд на интересующую нас тему.

Она отряхнула мокрую ладонь и перевернула страницу. Мармадюк обернулся ко мне через плечо:

- Леди Мармадель, будьте любезны подождать меня в гостиной, пока мы с ее величеством быстренько проведем крошечный королевский совет.

- Мне кажется, что Басти достойна быть посвященной в наши с тобой, милый, секреты.

- Я все сам ей расскажу. Начинать знакомство с секретами с середины - долго и неудобно.

- Тогда иди, милая, - решила королева, - я не задержу надолго твоего кавалера. И повеселись сегодня от души, ты так давно не выходила наружу и так давно не была девушкой.

Я пообещала и, поклонившись, удалилась.

В гостиной тоже никого не было. Там стоял круглый стол с инкрустированной столешницей и хоровод резных кресел вокруг него. Я села в то, спинка которого была повернута к двери спальни. Я бывала здесь раньше в качестве миньона, знала, что вторая дверь, к которой я сейчас сидела лицом, открывается в коридор, в котором дежурит отряд стражи и спуют королевские слуги и фрейлины, всегда занятые сотней неотложных дел одновременно.

Вот и сейчас дверь распахнулась, впустив в гостиную стайку фрейлин. Всех их я знала, поэтому испуганно застыла, выпрямив спину и опустив руки на подлокотники.

- Леди, - главная фрейлина мне поклонилась, - вы ожидаете аудиенции?

Это была Сорента, и что ей отвечать, я не представляла. Она не спросила моего имени, значит уверена, что я сижу перед покоями ее госпожи по праву. Сердце опять начало биться, я поняла, что довольно долго задерживала дыхание. Спокойно, Басти. Эти стены видели столько странностей, что тебе не представить и в самых изощренных фантазиях. Я – леди в маске, из чего следует, что я – леди, желающая сохранить инкогнито, значит, и представления от меня не ждут. От меня ждут простого ответа на простой вопрос.

– Ах нет, любезная леди, – промурлыкала я, чуть шевельнув запястьем.

Фрейлина буравила меня взглядом, я шевельнула рукой энергичнее. Наконец она поняла, чего от нее ждут.

– Леди Сорента, главная королевская фрейлина.

Пауза. Взгляд. Я молчала, улыбаясь только губами. Наконец она поклонилась.

Я кивнула, опустив руку на подлокотник. Крошечная победа меня подбодрила.

– А я жду, когда закончится аудиенция лорда Мармадюка.

Услышав имя шута, главная фрейлина поморщилась, будто хлебнула уксуса, но сразу утратила ко мне интерес. Она выглянула в коридор, кивнула кому-то, и в гостиную вошел меченый красавчик, чья холодная отстраненность, видимо, должна была маскировать полное размягчение его рассудка.

– Это миньон ее величества Гэбриел лорд ван Харт, – с улыбкой представила скорбного духом леди Сорента.

Слабый ум поклонился и, поняв, что ответного представления не дожидается, уселся напротив. Я, вспомнив, что как леди должна была сначала позволить ему сидеть в моем присутствии, кивнула головой, чтоб хоть как-то сохранить лицо. Невоспитанный хам! Ему не было позволено сесть! Или он навоображал себе, что теперь все остальные женщины, кроме королевы, не важны? У нас, ардерских дам, между прочим, не так много привилегий в этом жестоком мире, чтоб терять хоть одну из них!

Пока я злилась, раздувая ноздри и скрипя зубами, фрейлина щебетала ван Харту:

– Королевский совет... лорд Мармадюк... извольте подождать... достойнейший из достойных... лучший из лучших... сю-сю-сю... му-сю-сю...

Я сжала подлокотник с такой силой, что орнамент резьбы впился в ладонь. Сорента ушла, поклонившись, шушукующая стайка ее подчиненных тоже просочилась в коридор, дверь захлопнулась. Ван Харт перевел взгляд на меня.

Глава 8

Россыпи звезд

Лорд Мармадюк читал очень быстро, ему было достаточно взглянуть на лист, чтоб охватить его целиком. Поэтому Аврора не возражала, когда он снял с полочки фолиант и расположился с ним прямо на полу, прислонившись спиной к ванне. Он шуршал страницами, она смотрела на встопорщенные волосы на его макушке. Еще несколько недель, и в облике Мармадюка ничто не будет напоминать о розыгрыше со старой феей, розыгрыше, в результате которого милейший шут потерял свою шевелюру, не приобретя взамен вожденной информации. Королева улыбалась, потому что именно она его разыграла и еще потому, что оставить в дураках того, кто сам всех одурачивает – немалая победа.

Она свесила за бортик руку и запустила пальцы в волосы шута. Тот, не прерывая чтения, рассеянно погладил ее ладонь. Милый, милый Мармадюк, а ведь, наверное, только с ней, с Авророй, он может сбросить свою маску легкомысленного пройдохи, идеально подогнанную по размеру, но все же маску.

Королева откинула затылок на подголовник и прикрыла глаза. Как же много воды утекло с того момента, как ручной попугай лорда Этельбора сбросил перья перед Авророй Понтень, младшей птичницей королевского курятника, и оказался голым грязным подростком. Сколько ему было? Лет двенадцать, наверное?

Она посчитала, мысленно загибая пальцы, арифметика никогда не была ее сильной стороной. Точно, двенадцать, потому что сейчас ему тридцать два, а познакомились они двадцать лет назад.

– Милый, – негромко спросила она, – ты помнишь, что сказал мне, когда мы впервые встретились?

– Я сказал тебе, – шут захлопнул дочитанную книгу, – закрой рот, Рыжик, и беги скорее в башню Этельбора, передай лорду, что его ученик закончил трансформацию.

– И упал, потому что отвык держаться на ногах без крыльев, – расхохоталась Аврора. – А я побежала в башню.

– И лишилась чувств при виде великого и ужасного Этельбора.

– Великого и прекрасного!

– Ага, как же. Ты влюбилась в него гораздо позже, а тогда – боялась и благоговела. Но это и к лучшему. Если бы ты не завалилась в обморок и не рассекла переносицу о круглый стол, никто бы так никогда и не узнал о том, что ты – золотая кость Ардеры.

Аврора потрогала свой нос, шрама там, разумеется, не было, Этельбор об этом позаботился.

– А я до сих пор уверена, что ты летал ко мне в курятник, чтоб посмотреть на голых птиц!

И они захохотали вместе, шутка была многократно повторенной, но всегда забавной, для них двоих уж точно.

Я дышала. Нет, крошечный глагол «дышала» не может отразить всей эпичности процесса. Я дышала не сжатым тесным корсажем животом, а грудью. Та в свою очередь вздымалась на вдохе, грозя выпасть из платья, и опадала на выдохе. Дышала я равномерно и размеренно и довольно долго, настолько долго, что голова начинала кружиться от переизбытка воздуха. Мой молчаливый собеседник (не знаю, насколько уместно назвать собеседником человека, с которым мы не обменялись ни единым словом за все время, проведенное наедине в гостиной), смотрел куда угодно, но не на меня. Он изучал орнамент стенных шпалер и потолочной лепнины, пересчитывал все рожки на люстре и ножки у стола. С последним было просто – ножка была одна. И уже когда мне

показалось, что пересчету подвергнется что-нибудь нематериальное, вроде внутренних фаханов или воображаемых овец, взгляд ван Харта набрел на носки моих туфель. «Ноги две, – мысленно озвучила я, – туловище одно, две руки...» Взгляд поднимался по мне выше. «И этого вот тоже две, не сомневайся, шея одна, подбородок, губы...» Тут он задержался. Не знаю, может, в тщетной попытке пересчитать зубы, которые я ему показывать не собиралась.

– Кажется, миледи, мы с вами знакомы? – И его серые глаза впились в мои сквозь прорезь маски.

– Два, – сказала я.

– Простите?

Ох, Бастиана, и как ты намерена исправлять глупость? Сообщить достойному лорду, что помогла ему в пересчете твоих глаз?

– Вы ошибаетесь, милорд. Уверена, что запомнила бы королевского миньона, доведись нам встретиться с вами ранее.

– А что такое «два»?

Я покачала головой, как бы сокрушаясь недалекости собеседника:

– Это число, мой лорд. Есть еще один и три, а также четыре и пять. Их, чисел, невероятно много. Но, если желаете, я продолжу знакомить вас с ними, насколько хватит времени и сил.

Он улыбнулся:

– Простите мне неучтивость, леди. Я настолько ошеломлен вашей красотой, что забыл о правилах приличия.

Фахан ты похотливый! К королеве пришел, а авансы посторонним дамам раздаешь.

– Я полна скрытых изъянов, мой лорд, пусть это знание вернет вам самообладание.

Чушь, сказанная холодным уверенным тоном, не перестает быть чушью, но часто воспринимается окружающими неким откровением. Ван Харт замер, обдумывая мои слова. Я повернула голову к двери в опочивальню. Ну сколько можно советоваться? Крошечный совет – это в моем представлении три-четыре минуты, а не... Сколько там уже прошло? Вечность или две?

– Уверен, что ваши изъяны прекрасны так же, как вы, леди.

Финальное «леди» было даже не произнесено, а выдохнуто едва слышным шепотом мне на ухо. Гэбриел уже не сидел напротив, а склонился надо мной, упираясь ладонями в подлокотники кресла. Да, ему мешал стол, наверное, именно от недостатка свободного места он прижался к моим коленям, сминая шелк платья.

– Я желаю узнать их все до одного.

Тут я осознала две вещи одновременно: пространства, чтоб нанести удар, мне не оставили, и женское тело слишком остро реагирует на мужскую близость. Это осознание мне не давало ровным счетом ничего. Некая холодная частичка меня, будто со стороны, отмечала дурацки участвовавшее дыхание и бессильную слабость. Тысяча! Мокрых! Фаханов!

– Наблюдая за вами некоторое время, драгоценнейший лорд ван Харт, – скучным голосом Мармадюка можно было усыплять нерадивых школяров, – я так и не смог решить, что именно вы делаете: пытаетесь залезть в ухо леди целиком или кого-нибудь оттуда достать?

– Леди попала в глаз соринка, – не разгибаясь сообщил Гэбриел, а затем шепотом добавил: – Я должен вас увидеть хотя бы еще раз.

Он прекрасно понимал, что Мармадюк его слышит. Лорд-шут закатил очи горе, но от

комментариев воздержался. Я тоже молчала. В тишине раздался звук колокольчика, сменившийся шуршанием десятка шелковых юбок. В гостиную просачивались фрейлины. Леди Сорента заворковала, подхватив под руку ван Харта, под другую руку его подхватила леди Фиолетта. И его повели в спальню, как тельца на заклинание. К чести лорда ван Харта, он не сопротивлялся, лишь в дверях обернулся, чтоб бросить на меня прощальный взор. Меня, между тем, тоже держали, правда не под руки, а за талию, Мармадюк преувеличенно тщательно искал соринку в моем глазу, прекрасно понимая, что Гэбриел его видит.

Как только дверь в опочивальню закрылась, лорд-шут повел меня к другой двери.

Я, конечно, могла выказать неудовольствие недавним представлением, но не видела в этом особого смысла. Все же и так понятно: два петуха сцепились за понравившуюся курочку, да и курочка – так, всего лишь повод, потому что цель – звание главного петуха. Уже через несколько часов курочка исчезнет, надев волшебный пояс, с ней исчезнет и повод, так что следующая петушина схватка пройдет без ее, курочки, участия.

Поэтому я молча спустилась по белым ступеням парадного хода, позволила Мармадюку закутать себя в теплый плащ и села в двухместный портшез, ожидающий нас у крыльца. Лорд шут устроился напротив меня и дал знак носильщикам.

Наши с его шутейшеством колени соприкасались, но во мне это не вызывало ровным счетом никаких чувств.

– Что именно мы ищем в городе? – спросила я, утомившись молчанием.

– Человека, помеченного красной звездой.

– Это аллегория?

Он ответил в рифму, но крайне неприлично. Я возмущенно охнула. Как можно так выразиться при леди? Особенно после сцены ревности, которую он мне только что устроил?

Мармадюк откинулся на мягкую спинку:

– Эту, аллегория, моя бесценная леди, наносят в таких местах...

Ах, я, кажется, поняла. Сейчас у нас время не для флирта или пикировок, а для дела. Его шутейшеству, судя по всему, неважно, кто сейчас сидит напротив него – мальчик, девочка или деревянный болванчик. К счастью, в отличие от болванчика, я могла говорить, помочь беседой в поиске решения.

– В каких местах? В тайных цирюльнях.

Шут улыбнулся:

– Тайные цирюльни! Надо же такое придумать. Я имел в виду места на теле.

Я смущенно потупилась, иногда лучше быть молчаливым болванчиком.

– Знаешь, сейчас я предпочел бы видеть перед собой не юную красавицу, а бойкого Шерези, с ним привычнее говорить о вещах серьезных.

– Граф остался в ваших покоях, мой лорд, в виде серебряного пояса, – пошуршала складками плаща, – поэтому забудьте свои предубеждения против женского рода и говорите.

– Изволь. В условия нашей задачи входит некая тайная организация, члены которой помечают свои тела красными звездами – гербами Ригеля Безумного, покушения на миньонов, смерть феи Богдены и покойный де Краон.

– Вы уверены, что все эти условия входят именно в одну задачу?

– Не уверен. Ты видишь в них связь?

В моей голове сейчас тасовалась огромная карточная колода, только вместо мечей и

кубков там были обрывки сплетен и слухов. Я несколько дней провела в королевских покоях, в компании слуг и фрейлин, которые сплетнями и слухами жили.

- Тайная организация плюс покушения обычно равняется заговору?

- Bravo. Еще?

Я задумчиво потеряла переносицу:

- Фею мог убить только представитель золотой кости, - это я помнила, это мне сам Мармадюк говорил, - и, обнаружив труп де Краона, вы решили, что он мог бы быть тем самым?

- Аврора вызвала его отца в столицу, тот должен будет опознать тело или не опознать, и тогда...

- Покушения на миньонов как раз хорошо ложатся в этот пасьянс, - перебила я собеседника. - Некие члены тайной организации сеют панику при дворе, убивая фей и миньонов. У вас есть подозреваемый?

- Твой большой друг Гвидо, ныне, к сожалению, тоже покойный, который предпочел плену самоубийство. Именно в его паху мы обнаружили красную метку Ригеля.

Гвидо? Ну надо же! Будь я благородной леди, от упоминания паха полагалось бы покраснеть, но я, заерзав, возбужденно придвинулась к собеседнику.

- А насколько тщательно был проведен осмотр де Краона? Лорд Виклунд осматривал лишь рану на шее, приведшую к смерти, она, к слову, чем-то его не устроила, но кто освидетельствовал труп целиком?

Мармадюк смотрел на меня почти зло:

- Сообразительная девчонка! Я об этом не подумал, его обмывали братья-медикусы, может, даже сам Гвидо. Тут я сглупил!

- У вас есть время исправить ошибку. Тело ведь ждет опознания отцом, даже если Гвидо успел уничтожить улику, ее следы мы все равно сможем обнаружить, но...

- Что но?

- Покойники молчат, нам нужен живой меченый заговорщик.

- На его поиски мы с тобой и направляемся.

- Не могли бы вы развить мысль?

- Мы не вправе снимать штаны с дворян, но есть разные заведения, где дворяне делают это самостоятельно и непринужденно - это купальни и веселые дома. Для начала мы посетим с тобой чудесное заведение «Три веселые сестрички», где ты заново познакомишься с прелестницей Моник.

- Я так понимаю, дворцовых банщиков вы уже опросили?

Мармадюк кивнул.

Что ж, его планы мне были понятны. Уверена, что многие столичные девицы кроме веселой работы еще и поставляют информацию заинтересованным лицам. Помнится, мне кто-то говорил, что шпионской сети лорда-шута может позавидовать любой царедворец.

- Только опасаясь, - Мармадюк покачал головой, - что время упущено, нужно было действовать сразу же после убийства Богдены, но я убедил Аврору подождать следующего хода противника.

- Что стало его следующим ходом?

- Покушение на тебя, то самое, что закончилось для де Краона его смертью. Кстати, ты

блистательно исполнила роль наживки, поздравляю.

Я удивленно приподняла брови, забыв, что под маской собеседник этого не заметит. Он и не заметил, продолжая монолог:

- Забавно, что оба покушения на тебя, Цветочек, заканчиваются смертью злоумышленника.

- Объяснитесь, милорд, - попросила я почти жалобно, - и про наживку, и про покушения.

- Твою девичью ипостась мог видеть только представитель золотой кости, поэтому нам с Авророй оставалось лишь ждать, пока он эту осведомленность выкажет.

- Тогда вам стоило бы назначить первым подозреваемым Гэбриела ван Харта после всех авансов, которые от него получил бедный граф Шерези.

- Он там был, в этом списке. Знаешь, когда я его вычеркнул? Когда в его руках не зажегся светом фамильный кристалл ван Хорнов.

Я вспомнила, как канцлер ван Хорн торжественно отрекался от непутевого сына, и кивнула.

То, что я послужила наживкой в планах королевы и шута, меня не смутило и не обидело. Может, настоящий ардерский дворянин и оскорбился бы, но я, шерезская девчонка Бастиана, была даже польщена.

А про кристалл все правильно, в руках ее величества камни всех ардерских дворянских домов зажигаются точно так же, как и в руках законных наследников этих фамилий, ну, может, чуть более лилово, но зажигаются все. Если бы Гэбриел был золотой костью, и черный кристалл ван Хорнов светился бы в его руках.

- А второе покушение? - напомнила я шуту заключительную часть своего вопроса.

Мармадюк хихикнул:

- Твой страстный поклонник, Мармадель, заметь, страстный поклонник в обеих твоих ипостасях, ван Харт говорил сегодня ее величеству, что ты ничего не поймешь, даже оказавшись в центре бури. Он был прав.

- Я не понимаю, как с покушениями связан этот «достоинейший молодой человек»? - конец фразы я произнесла с жеманными интонациями леди Соренты.

- Этот «достоинейший молодой человек», - лорд-шут тоже умел передразнивать главную фрейлину, даже, наверное, получше, чем я, - сначала лечил твое ухо после отравления, а затем прикрывал щитом в госпитальном дворе, когда в тебя стреляли из арбалета.

Перед моим мысленным взором появилась картина: Гэбриел стоит перед крыльцом, опираясь предплечьями на деревянный щит. На выщербленный деревянный щит с арбалетным болтом, вогнанным по самое оперение, теперь я это вспомнила. А еще я вспомнила, как Гвидо настойчиво пытался обработать мое проколотое ухо жидкостью из какой-то склянки, и получилось у него это не очень ладно, и не только потому, что я дернулась, ему мешали перчатки, защитные перчатки из толстой кожи, которые меня тогда нисколько не удивили. И Гэбриел тоже говорил о перчатках, когда вскрывал нарыв на моей мочке, он кричал Виклунду, чтоб ничего не трогал голыми руками. Какая же я дура! Конечно, такую дуру будут использовать все кому не лень!

- Так что вполне заслужил ночь с ее величеством, - закончил Мармадюк.

Хорошо, что мое лицо скрывала маска.

Мы прибыли на место. За последние полчаса я узнала больше, чем за все время пребывания при дворе, мне надо было как-то переварить эти новые знания, разложить их по полочкам, чтоб начать мыслить здраво.

- А не побеседовать ли нам, мой лорд, с господином Пучелло, уважаемым доманским купцом и хозяином этого заведения? - Я кивнула в направлении красного фонаря, ведь

именно он навел меня на мысль. – Господин Пучелло интересуется живописью и, уверена, знает всех в столице, кто торгует мокрой киноварью.

– Мокрой?

– Сухую перетирают не тщательно, ее сложнее было бы впрыснуть под кожу, она несколько комковата.

В том, что за красный пигмент краски отвечает именно киноварь, дочь великой художницы Аданто была уверена.

– К тому же мокрая – очень дорога, думаю, торговцы знают покупателей ее наперечет.

Один из носильщиков уже колотил в дверь «Трех сестричек», и Мармадюк взял меня под руку, чтоб ввести в это гнездо порока и пещеру наслаждений.

Так же под руку он меня оттуда и вывел часа через три, если судить по предрассветному сумраку, окутавшему к тому моменту столичные улочки.

– Ты повеселилась? – участливо спросило его шутейшество, помогая мне сесть в портшез.

– В какой именно момент, мой лорд? Когда сидела в одиночестве в главной зале, пока вы наверху общались с девицами, или, может, отвергая ухаживания этого забавного господина в зеленом камзоле?

– Ну он же в конце концов отстал от тебя?

Ну да, когда Мармадюк слетел по лестнице карающим вихрем и пообещал обладателю камзола отрезать все лишнее. Это, пожалуй, меня повеселило. В остальном же бывали в моей жизни ночи и поинтереснее.

– Не понимаю, зачем вы велели мне составить вам компанию, – сварливо сообщила я шуту, когда портшез покачнулся, тронувшись в обратный путь.

– А ты знала, Мармадель, что твою киноварь используют не только художники? Она применяется также для лечения срамных болезней.

– Понятия не имела.

– А вот твой соперник за сердце ее величества, поднаторевший в зельях, скорее всего, знает.

– Не сомневаюсь, что о срамных болезнях он знает все!

Я обиделась. Вот пусть его с собой бы и брал, соперника поднаторевшего. Правда, тогда они, пожалуй, не делами бы в веселом доме занялись, а... другими делами. Моник, к примеру, пышнотелая красавица наша, никому из них двоих не отказала.

Маска натерла тонкую кожу скул, туфли жали, и хотелось есть. Последнее, что побывало сегодня у меня во рту – мятная пастилка, которую еще утром сунул мне Гэбриел.

– А это значит, что кроме живописцев ее покупают также и цирюльники, и лекари, что несколько расширило круг наших поисков. – Шут, несколько не таясь, зевнул. – Ну прекращай дуться, милая, иди к дядюшке Мармадюку, он воздержится от «тру-ля-ля», иногда объятий и поцелуев достаточно, чтоб погасить бурю.

Я резко схватила его протянутую ко мне руку:

– Лекари! Милорд! Госпиталий!

Он замер:

– Ты думаешь?

– Да! Это самый простой ответ. Дворец под охраной, ходить туда-сюда через стражу – привлекать лишнее внимание. Они внутри, наши заговорщики.

Мармадюк опустил взгляд, притянул мою руку и поцеловал запястье:

- Тебе говорили, что ты умнейшая из женщин?

- Неоднократно. - Я хихикнула как от удовольствия комплиментом, так и от щекотки, причиняемой мне губами его шутейшества. - Моя фея, дарующая имена. Правда, несколько другими словами. Ты хитрая бестия, Бастиана, говорила мне она.

- Ну вот и ответ на твой вопрос, - дыхание его тоже было щекотным, - я пригласил тебя с собой именно для этого...

Его губы сдвинулись от запястья ближе к локтю, отодвигая ткань рукава, я отдернула руку:

- Для этого?

Он выпрямился, затем откинулся на мягкую спинку и не ответил. Он вообще больше не разговаривал всю дорогу.

Его неожиданная холодность меня не удивила. Я знала, сколь сокрушительно на мужчин действует невозможность удовлетворить плотскую страсть. Мой бывший, Пьер, если мне не изменяет память, описывал свои мучения столь часто и образно, что кое-какое представление об этом я получила. Он, не Пьер, а наоборот - Мармадюк - три часа кряду беседовал с томными «сестричками», не удивительно, что они распалили его воображение и кровь.

Портшез остановился у замковой стены. Охраны здесь не было, была лишь неприметная дверь, в которую лорд-шут постучал самолично условным стуком и отпустив предварительно носильщиков.

Стража обнаружилась внутри. Я решила, что Мармадюк часто использует этот вход во время своих ночных вылазок.

- Здесь я тебя покину, - сообщил мне шут, когда мы, поплутав и преодолев стражу внутреннего замка, вышли к пруду, - переоденься и отправляйся к себе.

- Вы будете обыскивать госпиталий? - Я ему, конечно, сочувствовала в его невозможности удовлетворения, но любопытство было на порядок сильнее сочувствия.

- Зачем обыскивать? У лорда-кастеляна есть такая специальная книжица, куда записываются все покупки замковых служб, достаточно в нее заглянуть.

Ух ты! А ведь правда, зачем шуметь, если можно разузнать что-то незаметно.

Он развернулся, чтоб уйти.

- Подождите, мой лорд.

- Ну что еще?

Его раздражение я проигнорировала.

- Как я попаду в ваши покои? Там же охрана. И как выйду? Что подумают стражники, когда вместо леди увидят перед собой графа Шерези?

- Они подумают о смене караула.

Вот ведь язва! Не сомневаюсь, что никого не удивит замена мальчиков на девочек и наоборот в его спальне!

- Через полчаса смена караула, Мармадель, сейчас тебе нужно поторопиться, а потом - немного подождать.

Тон его опять стал легким, и у меня тоже отлегло от сердца, кажется, он перестал на меня сердиться.

- Тогда одолжите мне свой пропуск.

- Женщин в мои покои приказано пропускать беспрепятственно.

И лорд-шут, даже не кивнув, скрылся за углом хозяйственной пристройки.

- И когда-нибудь беспрепятственно пропущенная к вам женщина притащит отравленный кинжал, - пробормотала я вполголоса и поторопилась в его покои.

Одежду я бросила в сундук, оставив туфельки на полу, а белье - в корзину для стирки. Служанки разберутся, думаю, для них не внове находить в этой спальне части дамского гардероба. Этельбор с портрета сурово наблюдал мое преобразование в графа Шерези.

Тем временем достойнейшие лорды Виклунд и Доре не сидели без дела, они лежали. Причем на кровати Гэбриела с мандолиной на манер разделяющего не супружескую пару меча. Эту идиллическую картину, освещенную мягким светом соляной лампы, я наблюдала, когда наконец с предосторожностями пробралась в свою спальню.

Ай, плевать, какая разница, кто где спит и с кем, и как... До побудки у меня было чуть больше часа и тратить его на пустую злость не хотелось.

Я разулась и отдернула полог своей кровати. Сейчас мы встретимся, моя подушечка!

На подушке лежала склянка с притертой пробкой и клочок бумаги. Я поднесла обрывок к глазам. Гэбриел лорд ван Харт скупко сообщал мне в послании, что в склянке - мазь для моего эпического кровоподтека.

Хитрый скользкий фахан! Ему опять что-то понадобилось от меня? В бескорыстное участие верилось с трудом.

Пробка мягко чпокнула, в нос ударил густой запах травы и ячменного дегтя.

- Он просил, чтоб мы проследили за тем, чтоб ты точно намазался, - вполголоса сказал Станислас.

- Ты не спишь?

- Моя очередь дежурить, Виклунд совсем ополоумел со своей осторожностью, мы спим с ним по очереди, как будто находимся в боевом походе.

- И давно вы так осторожничаете?

Доремарец сполз с постели, оставив мандолину, и пересел ко мне:

- С той самой ночи, когда кто-то разлил в камине миньонской казармы смертную бледь.

Он отобрал у меня склянку и встряхнул ее, выбивая на ладонь дегтярный комок:

- Повернись, я намажу, Гэб предупреждал, что будет немножко пощипывать.

Он нанес мазь осторожно и даже подул сверху, как это делала матушка, когда в детстве обрабатывала мои разбитые коленки. Я чуть не всхлипнула от накотившей вдруг тоски. Как вы там поживаете без меня, моя драгоценная леди? Не покидает ли вас вдохновение, не докучает ли господин Фроше? Я же, чадо ваше непутевое, даже пары строчек вам не черкнула.

- Ты все еще расстроен неожиданным возвышением нашего ван Харта? - спросил Станислас, вытирая руки носовым платком. - Или кто-нибудь другой успел тебя раздосадовать? Куда сегодня занесли графа Шерези бурные волны дворцовых интриг?

- Я выполнял поручение лорда-шута, стараясь, как обычно, держать голову над водой, а нос по ветру. А вы? Как лорд Уолес?

- Как обычно, недвижим и... Ты видел лорда Альбуса? Он такой черный! Я никогда раньше такого не встречал. И такой приветливый, удостоил нас с Оливером беседой в своих покоях и даже угостил тарифскими сладостями из меда и орехов.

Я зевнула:

- Он - великий лекарь, великий из величайших. Надеюсь, он поможет Патрику и прочим нашим товарищам.

- Можешь быть уверен. Лорд Альбус взогнал, или выгнал, я не уверен, каким словом нужно называть этот процесс, но он его получил.

- Что?

- Противоядие! Эликсир. Лекарство.

Сонливость моя исчезла как по волшебству.

- Он уже дал его Патрику?

Менестрель покачал головой:

- Королевский совет приказал ему не начинать лечения.

- Почему?

Без мандолины он не знал, чем занять руки, поэтому то вертел склянку, то снимал невидимую пушинку с моего колена, то выбивал на нем дробь кончиками пальцев.

- Потому что сейчас мы должны сосредоточиться на встрече доманского посольства, а выздоравливающие потребуют дополнительного ухода. А что, если они пойдут на поправку столь же стремительно, сколь стремительно лорд Альбус приготовил для них лекарство? Полторы сотни подвижных молодых людей внесут хаос и неразбериху в работу всех дворцовых служб.

- И поэтому они удобнее для королевского совета полудохлыми?

- Спящими. И это всего лишь до отъезда посольства.

- Это минимум - месяц, они же проделали такой путь до Ардеры не затем, чтоб сразу же отклоняться! А через месяц пойдут дожди и дороги к фаханам размоет, а потом будет зима!

Я сбросила с колена руку доремарца и, вскочив, стала обуваться.

- Куда?

- В госпиталий! Это немилосердно! Мы не знаем, что они сейчас чувствуют в своем колдовском сне, какие мучения, возможно, испытывают. Ты не вдыхал бледь, а я - да. И поверь, я никому этого не пожелаю, даже врагу, даже покойному де Краону, пытавшемуся меня убить!

- Подожди, я разбужу лорда Виклунда.

- Оставайтесь тут!

Еще месяц назад у меня не получилось бы отдать приказ столь непререкаемым тоном, но месяц назад и Станислас подчинился бы.

- Оливер, подъем! На штурм госпиталия! - пропел менестрель. - И подай мне инструмент, мы пойдем туда под музыку, как и подобает великим воинам и куртуазным кавалерам.

Стражники госпитального оцепления осмотрели наши пропуска со вниманием, я сунула им пластинку ван Харта, которая, как и именные подвески моих друзей, нареканий не вызвала.

- Ты, главное, не начинай сразу скандалить, Цветочек, - рассудительно говорил лорд Виклунд, пока мы быстро поднимались по ступеням. - Медикусы - люди подневольные, такие же слуги короны, как и прочие, не подчиниться королевскому совету они не могут.

- Лорд Альбус не является подданным Ардеры, - возражала я, - нужно поговорить с ним, воззвать к великодушию и лекарским клятвам.

Я следовала за друзьями, потому что, в отличие от меня, они знали, где находятся покои великого целителя. Лорд наш Солнце уже показался на горизонте, и длинный госпитальный коридор наполнялся светом. Навстречу нам, будто в золотистом ореоле, двигалась группа людей. Я видела лишь их силуэты, довольно крупного мужчину, которого с двух сторон поддерживали двое других, еще один был худ и высок, его тоже вели. Мы неуклонно сближались.

- Анри? - вдруг громко сказал Оливер. - Лорд Турень, дружище!

И тут я их рассмотрела: и пухлого Туреня, с которым дралась на дуэли, и лорда Вальденса - долговязого задохлика. Золотые столичные мальчики, сыновья членов королевского совета, приятели Гэбриела. Прочие были слугами, на форменных ливреях которых красовались гербы их домов. Как прекрасен этот мир, мы все в нем равны перед Спящим, только некоторые слегка ровнее. Достойные лорды Вальденс и Турень, запретившие сегодня лечение сотне миньонов, сделали исключение для своих отпрысков.

У меня в висках заломило от ярости.

Виклунд, в отличие от меня, был искренне рад. Он облапил обоих соратников, чуть не переломав Вальденса пополам, и стал интересоваться их самочувствием. Те отвечали вяло, но вполне связно.

- Идем, - дернула я Станисласа за рукав, - узнаем у лорда Альбуса, сколько стоит презреть лекарскую клятву.

- Цветочек? - Лорд Турень щурился, свет ему мешал.

- Граф Шерези к услугам вашим, драгоценные лорды.

Уже заканчивая поклон, коим дополнила саркастичное приветствие, я подумала, что направляю гнев не в то русло. Эти юноши не виноваты в сложившейся ситуации. Они - страдальцы, точно такие же, как и те, которые остались лежать на госпитальных койках. А то, что их отцы - поганые фаханы, так родителей не выбирают. Ты предпочитаешь сорвать свою злость на них, Шерези? Достойно ли это ардерского дворянина? Нет!

- Рад видеть вас в добром здравии, - улыбка получилась кривой.

- Вы в лиловом? - удивленно сказал Вальденс. - Какой чудесный оттенок.

- Ему сейчас все кажется чудесным, - Турень поморщился, - опасайтесь его слюнявых поцелуев.

Я хихикнула и шагнула вперед:

- Неудивительно, лорд Вальденс, после перенесенных вами ужасов...

И он действительно меня поцеловал, оставив влажную дорожку на щеке. Запах от него шел гадкий - невымытого тела и волос, но я даже не поморщилась. Потом приобняла Туреня, он слегка похудел, но на полноценные объятия длины моих рук все-таки не хватило.

- Мы покидаем дворец тайно, - сказал он, - чтоб не поднимать суматоху, отец распорядился отправить нас на побережье для полного излечения, так что мы долго с вами не увидимся, господа.

Последовали новые объятия, на сей раз прощальные. Я спросила лорда Анри, что он помнит из своего колдовского сна, на что он покачал головой:

- Это нельзя описать словами, Цветочек. Это гадко, это за гранью жизни, но это не смерть. Единственное, что я могу вам сказать, там нет времени, нет протяженности, все длится и один миг, и бесконечность одновременно.

- Граф Турень пытается вам сказать, - Вальденс покачнулся и ухватился за плечо ближайшего слуги, - что сожалеет о том, что остальные наши товарищи вынуждены оставаться в колдовском сне, но для них это не важно.

Я подумала, что перенесенные страдания невероятно изменили чванливых золотых мальчиков.

Лорд Анри коснулся моей подвески:

- Так забавно, когда-то в этой звезде для меня заключался весь смысл...

Они ушли, поддерживаемые слугами, медленно переставляя ноги. Я заметила, что карие глаза Станисласа полны слез. Оливер дернул его за руку:

- Сочини на эту тему душераздирающую песню, тебя это подбодрит.

Со двора донеслись звуки побудочных рожков.

- Не забываем о цели нашего визита, господа.

Виклунд был энергичен и рассудочен - настоящий командир. Мы продолжили путь.

Стражи у покоев лорда Альбуса не наблюдались, я толкнула створку двери на правах самого наглого и вошла первой.

- Граф Цветочек Шерези! - Великий медикус уютно сидел у окна в глубоком кресле, держа обеими руками кружку с чем-то источающим экзотичный аромат такой интенсивности, что я почувствовала его еще на пороге. - Присоединяйтесь, это тариф, без которого я не могу проснуться по утрам. Наш национальный напиток, названный, как вы уже поняли, по имени княжества.

Бородка прыгала в такт словам, а черные глаза - в сторону смежной комнаты.

Мне пытаются на что-то намекнуть? Там кто-то есть? Лорд Альбус поздоровался только со мной, хотя на пороге мнуты еще и Станислас с Оливером, и он с ними также знаком.

- Доброе утро, мой лорд, - начала я осторожно, высоко подняв брови и дернув подбородком. - Рад видеть вас в добром здравии.

Я слышала за спиной скрип, это Станислас прижимал ладонью струны мандолины, чтоб она не брэнчала. Кажется, Виклунд его неплохо натренировал.

- Сомневаюсь, что в столь раннее время вы пожертвовали часом сладкого утреннего сна, только чтоб проведать старика. - Лорд-медикус отставил кружку на низкий столик, скользнул сухими, как птичьи лапы, руками в складки своей хламиды. - Наверное, вы хотите узнать, как себя чувствует ваш друг-красавчик? Морис, если не ошибаюсь? Все хорошо, дорогой Цветочек, добрый дедушка Альбус экстрактирует для вашего Мориса чудную пилюльку, приняв которую в установленный королевским советом срок, он полностью излечится от смертной бледи.

Он раскрыл ладонь, на ней, выделяясь на черной коже, лежала жемчужно-белая сфера. В следующее мгновение она уже летела в нашу сторону, маленькая, размером с ягоду птичьей вишни, и я поймала ее, потому что с птичьей вишней я умела делать все.

- Его зовут Патрик, мой лорд, - слова давались с трудом из-за перехваченного дыхания.

Я быстро обернулась, передавая пилюлю Виклунду, и кивнула на дверь, продолжая говорить:

- Патрик лорд Уолес, наследник из Ленстера, и он действительно мой друг.

Оливер со Станисласом выскользнули в коридор и, видимо, сначала шли на цыпочках, потому что снаружи не доносилось ни звука.

- Желаете испытать тарифа, граф Цветочек?

- А пока граф Цветочек испивает тариф и гасит рвотные позывы, вызванные божественным вкусом этого напитка, - лорд Мармадюк вышел из смежной комнаты, вытирая влажные руки полотенцем, - добрый дедушка Альбус расскажет мне, сколько именно пилюлек он успел экстрактировать и кому передать?

- Три, - Альбус всплеснул руками, - клянусь тебе, только две. Для лордов Туреня и Вальденса.

Святые бубенчики! Ну кто так врет? То две, то три.

- Лорд Мармадюк! - Я сложила пальцы треугольником и поклонилась.

Он посмотрел на меня с отвращением:

- Что за дрянь у тебя на лице?

Я ахнула. Дегтярная мазь ван Харта! Я же не смыла ее, устремившись в госпиталий. Что я там про плохой запах от Вальденса думала? Да он вообще герой, он меня целовал и не поморщился, правда, в другую щеку, но это неважно. А еще я поняла причину удивленных взглядов стражников.

- Вытрись! - Шут бросил в меня полотенцем, которое я не поймала, пришлось наклоняться.

- Не вытирай, - скомандовал лорд Альбус, - судя по блеску, мазь еще не успела застыть, ты нанес ее меньше часа назад. Походи так до полудня и тогда ты удивишься результату.

Я мяла в руках полотенце. Не буду вытирать, лекарей надо слушаться, особенно великих из величайших.

- Отнеси это на кухню, - Мармадюк вздохнул и кивнул в сторону смежной двери, - там же на плите ты найдешь божественный напиток, а потом присоединяйся к нам, раз уж все равно от тебя никуда не деться.

- Я отнесу, - взвился лорд Альбус, - и налью ему тарифу, мальчик у меня в гостях, и я должен за ним поухаживать, это долг хозяина, в конце концов.

Я с удивлением поняла, что наблюдаю сейчас очередную петушиную схватку, они сражались за то, кому именно я подчинюсь. О мужчины, чем больше о вас узнаю, тем более странными созданиями вы мне кажетесь! Я с поклоном передала лорду Альбусу полотенце и присела на табурет к низкому столику, решив, что кресла больше подходят не мне, а достойным лордам, моим собеседникам.

- Я отправил тебя спать, - обвиняюще начал шут, когда хозяин удалился в кухню.

- А я вас - к лорду-кастеляну.

- Так почему мы встретились здесь?

- Лорд-кастелян спал и не пожелал показать вам книги?

- Не уводи разговор, Почечуйник. Ты не выполнил мое распоряжение!

Я открыла рот, чтоб едко ответить, а потом подумала, что веду себя в точности по-петушиному, как будто победа в беспредметном споре является чем-то важным. Поэтому тихо сказала:

- Это несправедливо, мой лорд. Мы должны спасти всех миньонов как можно быстрее, несмотря на решение королевского совета.

- Так ты прибежал за справедливостью?

- Да.

Он кивнул и достал из рукава мятый лист бумаги:

- Честность на честность.

- Вы узнали? - я попыталась схватить документ, но Мармадюк отдернул руку.

- Вы не могли просмотреть все учетные книги за столь короткое время!

- Ах, ты такой наивный ребенок, Шерези. - Шут развернул бумагу у себя перед грудью. - Конечно, я не делаю такие вещи сам, для этого, знаешь ли, существует целая команда специально обученных людей, а волшебное слово «ревизия» заставляет лорда-кастеляна распахивать обложки своих книжиц прежде, чем он снимет с себя ночной колпак.

Я впиалась взглядом в убористые строчки. А Мармадюк монотонно продолжал:

- За последние три года хозяйственный департамент заказывал мокрую киноварь двенадцать раз. Шесть раз - по двадцать гран, четыре - по сорок, и два раза - по сорок пять. Сколько гран киновари в год покупает для своих работ художник Аданто, а, Шерези?

Я пожала плечами:

- Десять или двенадцать. Это недешевое удовольствие. Но, мой лорд, эти цифры все равно не выглядят подозрительно. Через госпиталий проходит огромное количество больных. Видимо, я ошибся.

- Ты не ошибся, Цветочек, и не будь на твоем лице этой пакости, я бы тебя расцеловал. Потому что из двенадцати заказов девять приходится на последние полгода.

Я таращилась на него, не в силах ничего сказать.

- Так что либо во дворце каждый второй болен срамной болезнью...

- Либо у каждого третьего красная звезда в труднодоступном месте. - Слово «пах» произнести не смогла.

- Поэтому для начала мы осмотрим тех, кого можем, не привлекая внимания. - Это сказал не Мармадюк, а лорд Альбус.

Не уверена, как долго лекарь стоял в дверях кухни, но сейчас он пересек комнату и поставил на стол кружку, полную жидкой смолы или чего-то подобного.

- Пей, - велел он мне.

- Не пей, - велел Мармадюк, - гадость.

Я осторожно отхлебнула. Терпко и горько, но извергать содержимое желудка не тянуло. Второй глоток пошел легче, а на третий мне даже понравилось.

- Так сколько пилюль, Альбус? - Мармадюк смял лист и засунул в рукав.

- Три! - Лекарь устроился в своем кресле. - Одну я преподнес герцогу Туреню, вторую - лорду Вальденсу.

- Надеюсь, не безвозмездно?

- Разумеется даром, исключительно из человеколюбия! - Лекарь обиделся, но как-то неубедительно. - И, чтоб отвлечь тебя от пересчета чужих барышей, я могу сообщить результат осмотра вашего покойника.

- Я послал человека с запиской лорду Альбусу, как только узнал о киновари, - сказал мне Мармадюк, - и он был так любезен...

- Да, да, да. И если бы ты спокойно потреблял предложенный напиток, а не побежал на кухню полоскать рот, то уже знал бы о том, что у де Краона над полуперепончатой мышцей обнаружилась красная звезда, такая же, как у шалопута Гвидо.

- Полу какой?

- В паху, Цветочек, не мельтеши. - Лорд-шут девичью скромность графа Шерези щадить не собирался. - А другие мальчики? Те, родителям которых ты безвозмездно продал противоядие? Лорд Альбус, ты же их осмотрел?

- Конечно, - бородка лекаря описала круг, - и прежде чем сказал «да» сиятельным лордам Туреню и Вальденсу. Потому что я, знаете ли, не похож на малихабарского

многорукого бога, чтоб производить экстрактирование более двух-трех пилюль в день. Тела обоих отпрысков чисты. Так же, граф Цветочек, как и твой красавчик Морис. Прекрасное тело, прекрасное.

- Патрик, - пробормотала я в кружку, слегка покраснев.

- Нам осталось осмотреть сто сорок два паха...

Кажется, я могла вскипятить оставшийся в кружке напиток жаром своих щек.

- И меченых откладывать до лучших времен, - сказал Мармадюк, душераздирающе зевнув, - а чистым давать противоядие.

- А если, - меня из жара бросило в холод, - если Гвидо оставил метки на ни в чем неповинных людях? У него было целое море киновари и сколько угодно времени!

Мне стало очень страшно. Лорды переглянулись, и лорд Альбус дробно хихикнул:

- А зачем бы ему это понадобилось?

- Чтобы пустить нас по ложному следу.

- Тебе бы поспать, Почечуйник. - Его шутейшество покачал головой. - Если бы Гвидо что-то подозревал, он не полез бы на башню с арбалетом.

- Смысл тайных знаков в том, чтоб отличать своих, - лорд Альбус задрал рукав хламиды до самого плеча, - вот, например, знак тарифских медикусов, который им наносят после принесения клятвы.

Тарифских медикусов помечали двумя синими змейками, сплетенными хвостами.

- Какой стойкий цвет! - восхитилась я. - Камедь? Ляпис лазурь?

- На безвозмездное обладание этим секретом тебе, малыш, за всю жизнь не заработать. - Рукав хламиды вернулся на место.

- Допивай свою отраву, граф Цветочек, - велел Мармадюк, - и пойдем.

- Куда? - Я отставила чашку, потому что на дне там была уже какая-то темно-коричневая кашка.

- Ну не под хвосты же нашим мальчишкам заглядывать, лорд Альбус справится с этим без нас. Предлагаю поспать хотя бы часик. Подозреваю, что на твою кровать в миньонской казарме сейчас претендует ленстерец с прекрасным телом, так что можешь пойти со мной, разделить походный плащ, так сказать.

Я испуганно отказалась делить плащ, потом попрощалась с лордом Альбусом, подумав при этом, что пилюлю для лорда Уолеса от него получила именно что даром и теперь, наверное, ему должна.

А в коридоре лорд Мармадюк шлепнул меня пониже спины и весело приказал:

- Беги, Цветочек, орошай слезами счастья прекрасную грудь прекрасного Патрика.

И я побежала, и, увидев его прекрасные зеленые глаза, правда чуть не зарыдала. А Станислас плакал по-настоящему, и Оливер ему не сказал, что ардерские мужчины не плачут, потому что просто поднял Патрика лорда Уолеса и потащил к выходу.

Подчиняться Оливеру было приятно, я давно это заметила. Его указания были четкими, а решения - простыми и логичными.

- От тебя воняет, дружище, - просто сказал он нашему другу, а потом логично кивнул в сторону купальни. - Сначала - ванна, а потом - постель.

Потом обернулся ко мне:

- Цветочек, беги в нашу казарму, вели сменить простыни на своей кровати.

- Я не могу лишиться Басти постели, - возразил Патрик.

- Он из нас четверых самый мелкий, так что сможет разделить походный плащ с кем угодно.

Честно говоря, эти походные плащи успели мне порядком надоесть, но я не возразила. Сейчас самое важное, чтоб наш друг побыстрее поправился. Поэтому я заскочила к кастелянам за комплектом постельного белья и самолично его застелила. Протрубили к завтраку, желудок сжался, напоминая, что мятная пастилка вчера и чашка тарифа сегодня - все, что в нем было. А Патрику ведь тоже нужно поесть! Я выбежала во двор, столовая мне не подходила, грубая пища вредна выздоравливающему. До королевской кухни было далековато, и я припустила галопом. К счастью, лорд Пападель прислуживал за завтраком ее величеству, поэтому мне не пришлось терять времени на болтовню с общительным главным поваром. Приветливые кухарки снабдили меня хлебом и вином, фруктами и сыром. Я так оголодала, что пока они опускали все это в плетеную корзину, схватила горячую булочку прямо с противня и заглотила ее, почти не жуя. А вторую сжевала на бегу, когда возвращалась в казарму с корзиной под мышкой.

Девушки пообещали доставлять обед и ужин в мою комнату столько дней, сколько мне понадобится. Они отводили глаза и хихикали невпопад. Дегтярная мазь на моем лице их забавляла. Граф Шерези не мог отказать себе в удовольствии описать юным девам, какой великолепный, эталонный шрам скрывается под ней. Так что вторую булочку я получила как раз после описания своих увечий, в качестве утешения.

Три пилюли в день, значит, чуть больше месяца понадобится лорду Альбусу, чтоб вылечить всех больных. Моя душа пела. Мармадюк явственно дал понять, что решением королевского совета руководствоваться не будет, а это оставляло мне веру в справедливость.

Патрик уже лежал в кровати, накрытый до подбородка, и я опять почувствовала, как глаза наполняются счастливыми слезами.

- Завтрак? - Виклунд заглянул в корзину и одобрительно кивнул. - Молодец.

Я присела на постель и погладила лежащую поверх одеяла руку:

- Как ты, лорд Уолес?

- По сравнению с де Краоном - хорошо, - улыбнулся мой друг тенью своей обычной улыбки.

- Мы успели рассказать Патрику о наших новостях. - Станислас разливал по бокалам принесенное мною вино.

- И их обилие заставляет меня предположить, что прошли годы. - Лорд Уолес сел, опершись на подушки, принял бокал и поднял его. - За встречу, друзья, храни нас всех Спящий.

На долгую беседу времени не было. Виклунд подгонял нас, особо в выражениях не стесняясь. Я чувствовала вину за то, что бросила белое крыло на помощника ван Сола, поэтому в солярий тоже бежала. Вообще темп моей жизни опять ускорился до предела, и мне это, фахан побери, невероятно нравилось.

- Внимание, цыплятки! - заорала я с порога. - Забэль, закрой рот, это не рожка, то есть у тебя рожка, а у твоего лорда на лице - лечебная мазь. А мужчина и не должен быть красив, де Намюр, он должен быть благороден и куртуазен, вспомни об этом, когда в очередной раз получишь отказ от девицы, невзирая на твою смазливую мордашку. Нет, мы сейчас не будем слушать летопись твоих любовных побед, тишину, знаешь ли, можно слушать бесконечно, а времени у нас нет.

- Граф Шерези намекает, - рыжий Перрот хихикнул, - что у тебя нет побед, де Намюр.

От прошлого благоговения мальчишек перед королевским миньоном не осталось и следа, и я знала почему. Я видела лица своих парней, встревоженные и свирепые, там, у стен госпиталя, когда они пришли добиваться справедливости - освобождения из-под стражи своего лорда. И теперь они не просто белое крыло, они братья по оружию, мы с

ними – братья. Но, слава Спящему, я пока старший.

Я отвесила пару подзатыльников, демонстрируя власть и ощущая безнаказанность, а после, добившись наконец тишины, торжественно сказала:

– Спасибо вам, цыплятки. Я знаю, сколь много вы для меня сделали, и на что были готовы. Клянусь, Бастиан Мартере граф Шерези будет помнить об этом до самой смерти. А теперь – за работу! И пусть доманские аристократы кусают локти от невозможности получить себе таких изящных и талантливых миньонов.

И закипела работа. Я распределила роли. Смуглый Лайон стал Нобу, де Намюр, действительно смазливый, светлокожий и светловолосый – Алистер. Прочие немного пороптали, играть главные роли хотелось всем, но после моих пояснений, что партий в нашем балете много, и воспитательных оплеух разбились на группы, следуя указаниям.

– Первый акт – представление, место – пастораль. Четыре лорда – Верность, Честь, Отвага и лорд наш Спящий.

– Граф Шерези, – на пороге стояло трио музыкантов в синих камзолах. – Лорд Доре прислал нас помочь в подготовке.

Чудесно! Освободившись от необходимости аккомпанировать, я могла заняться чем-то другим.

– Станцуй Спящего, – сказал ван Сол, уже эту роль от меня получивший. – Это будет правильно, чтоб ключевую партию танцевал настоящий миньон ардерской королевы.

Идея мне понравилась.

– А как же ты?

Я знала, что танцевать Дэни любит, и получалось у него это здорово. Может, пусть будет одной из фей? Хотя эти роли уже заняты, и меняя что-то сейчас, можно вызвать зависть и ненужное соперничество.

– Лордов будет пять, – решила я, – Спящий, Верность, Отвага, Честь и... Бахвальство.

– Но это противоречит священным книгам, Цветочек.

– Зато позволит нам ввести комическую партию для Бахвальства.

– Про него не написано ни в одном из текстов.

– Предположим, – я сделала танцевальное па, – что он оказался предателем, именно поэтому рыцарской доблести под названием «бахвальство» в мире не существует. А ведь рыцари бахвалятся сплошь и рядом.

– Предателем? – грустно переспросил Дэни.

– Комическая партия, – я взяла его за руку и покружила, – ты сорвешь овации.

Мы закончили фигуру танца и поклонились друг другу.

– Я станцую предателя, Цветочек.

Чудесно!

Музыканты явились к нам подготовленными, с набросками мелодий. Я не помнила, чтоб делилась своими планами со Станисласом, но каким-то образом он предвосхитил почти все мои желания. Пастораль, любовная тема, героическая. Для сольной партии лорда Бахвальство мы выбрали всем известную песенку про шута. Во-первых, ее действительно все знали – и музыканты, и танцоры, а во-вторых, исполнять мы ее собирались без слов, ограничившись лишь мелодией.

Три акта, три группы, три музыканта, я разделила их для экономии времени, решив свести все воедино уже после полудня.

Когда протрубили к обеду, я отправила цыпляток подкрепиться, а сама, растянувшись на подоконнике в лучах уже не жаркого осеннего солнца, уснула.

Ван Сол вернулся в солярий первым, аппетита у него не было, а дела не ждали. Во время короткой прогулки его посетили некоторые мысли о партии Бахвальства, которыми он стремился поделиться со своим лордом. Сделать это быстро не удалось, в солярии обнаружился еще один его лорд, ван Харт, который, приложив палец к губам, вытолкал Дэни за дверь.

- Цветочек спит, - пояснил он в коридоре, сворачивая и пряча в карман грязный носовой платок, - дадим ему еще немного времени.

Заботливость ван Харта Дэни удивляла, но задавать вопросы своему настоящему лорду он не привык. Понадобится - сам все расскажет. Когда Гэбриел велел юному пажу присоединиться к белому крылу Шерези, Дэни не сомневался ни мгновения.

- Как продвигается подготовка?

Ван Сол улыбнулся:

- Неплохо. Ты был прав, Гэб, граф Шерези понимает, как произвести впечатление на публику.

- Ты так воодушевлен. Неужели полюбил танцы?

- Кажется, это было со мной всегда. - Он исполнил простенькую фигуру и поклонился. - Странно, что для того, чтоб это понять, пришлось стать шпионом. Кстати, позволь представиться, лорд Бахвальство - предатель и плут.

- Шерези мало знает, но зато прекрасно чувствует. - Ван Харт криво улыбнулся. - Итак, любезный предатель, у меня есть для тебя задание.

- Весь внимание.

- У вас ведь много работы? - Ответа он не ждал, хотя Дэни кивнул. - Тебе нужно постараться, чтоб ее стало еще больше, настолько много, чтоб вы не возвращались ночевать в казармы. Сделай так, чтоб все ночи до вашего бала граф Шерези проводил вне своей спальни и, желательно, под твоим присмотром.

- Как прикажете, мой лорд.

Ван Сол поклонился, подумав, что никаких дополнительных усилий с его стороны не потребуется, работы действительно было непочатый край.

Глава 9

Святые бубенчики

Ее величество изучала себя в зеркале, без удовольствия, с отстраненным вниманием ученого мужа. Мармадюк посматривал на нее поверх бумаг, но молчания не нарушал. Они были в покоях королевы, и их уединение время от времени прерывалось снующими фрейлинами и горничными.

- Ты закончил?

- Да, - шут отложил документ, - моя королева желает поболтать?

- Что скажешь?

- О твоей неувядающей красоте?

- О Ригеле! Хотя пара-тройка комплиментов меня бы тоже порадовала.

Аврора уселась в кресло, расправив подол золотистого платья:

- Начинай.

- Вы прекрасны, моя леди.

- А Ригель?

- Он, наверное, тоже. Как известно, все представители золотой кости отличаются соразмерностью черт, обаянием и рыжим оттенком волос. А также молоджавостью.

- Мальчишка, - королевский носик жалобно шмыгнул, - твою королеву практически оскорбили, а ты поешь дифирамбы безумцу, которого еще ни разу не видел!

- Ну хорошо, - Мармадюк зевнул, - давай сначала поговорим о том, как безмерна твоя обида на злокозненного ван Харта, чтоб больше к этому не возвращаться. Я оставил тебя абсолютно нагой, в ароматной ванне...

- И ушел с Цветочком!

- Мне нужно было остаться с вами? - Шут удивленно приподнял брови, вглядываясь в лицо Авроры, затем подошел к ней. - Ты ешь этих мальчиков на обед без соли, леди моя. Мне думалось, что мы с Цветочком застали обычную мизансцену под названием «как вы посмели, юный лорд, посягнуть на невинность нашего величества». Я ошибся?

- Сцену ты понял.

- Тогда в чем моя вина?

- Ах, ни в чем, - Аврора махнула рукой, - просто, кажется, в этот раз без соли съели меня.

- Ван Харт ничего себе не позволил? - хихикнул шут.

- Ах нет, эту часть он разыграл как по нотам.

- Как вы посмели, мой лорд?..

- Именно, и далее - смущение, извинения и благоговение, и шелковый мужчина, с готовностью отвечающий на вопросы и внимающий приказам.

- Ты его обыграла.

- Нет, Мармадюк, в том-то и дело! Я стара, милый, как бы ни радовало меня отражение в зеркалах, я знаю, сколько мне на самом деле лет, и эту сцену с ванной я разыгрывала уже раз сто, наверное. Но сейчас мне показалось, нет, я уверена, ван Харт знал, что воспоследует. Он ждал окрика и отказа и знал, что если не попытается проявить мужского любопытства, его равнодушие меня обидит и разозлит. А он не хотел меня

обидеть. И это самое обидное!

- О женщины, - шут развернулся на каблуках, вернулся к кровати и сел, опершись о колено, - поэтому ваш род и не силен в интригах, слишком много в вас личного, сокровенного. Любой король на твоём месте просто овладел бы несчастным ван Хартом, не вылезая из ванны, и забыл бы об этом. Ты его не хотела! Он тебя не получил. В чём, фахан тебя разбери, ещё дело?

- В его нежелании.

- Ну так вели ему сейчас придти и не скажи «нет».

- Ты ничего не понимаешь, дурак, - скривилась королева, - позови ко мне Цветочка, мне нужна чистая душа, которая разделит мои печали.

Последнюю фразу услышала леди Сорента, как раз сменявшая в прикаминной вазе увядшие цветы.

- Велите привести к вам графа Шерези, ваше величество?

- Шерези готовит нечто грандиозное, оставьте мальчика в покое, - сказал Мармадюк. - Леди Сорента, унесите свою траву, будьте так любезны, дождете в коридоре. Нет, её величество проведет эту ночь в одиночестве. Или, если ей будет угодно, со мной.

Аврора расхохоталась:

- Какое эпичное предложение, милый. Правда, памятуя обо всем, что нас связывает, попахивающее инцестом.

Фрейлина удалилась, неодобрительно покачивая головой, а королева все продолжала хохотать.

- Проблема в том, милый, - сказала её величество, вытирая повлажневшие глаза, - что женщина в любом возрасте остается женщиной, даже будучи королевой, и что ей хочется нравиться. Но, к сожалению, просто женщина может позволить себе больше, чем королева. В этом я немного завидую Цветочку.

- О да, это существо может себе многое позволить, - кивнул шут, - особенно в женской ипостаси. Ты бы видела, что творилось с Гэбриелом ван Хартом, когда они встретились.

- Так наш будущий канцлер, наверное, влюблен?

- Брось, не бывает любви с первого взгляда. Интерес, страсть, желание.

- Ты не понял, милый, - Аврора поднялась с кресла и, приблизившись к шуту, погладила того по голове, - чувства там могут быть давно, не до конца осознанные и отрицаемые.

- Он не видит в Шерези девушку.

- Ну и что? Для настоящей любви разве важны пол или возраст?

- Тебе видней, милая, - шут уткнулся лицом ей в живот, - насколько я помню, кроме тебя никто никогда не считал Этельбора прекрасным: ни девочки, ни мальчики, ни... попугаи. Хотя величие его, по чести, признавали все. И хитрость, и ум...

- Если сейчас окажется, что ты сморкаешься в парчу королевского платья, - строго начала её величество, - я велю тебя выпороть.

- Проблема в том, - перебил её Мармадюк, - что лорд Этельбор думал сначала о королевстве, а потом о своих друзьях. В том, что по его милости мы с тобой не живем, а проживаем отпущенные нам годы...

- Двадцать лет, милый, всего двадцать лет. У нас ведь уже есть мальчик, совершенно новый росток королевского дерева, и джокер, чтоб играть с феями на равных, у нас почти есть новая аристократия!

- Кстати, об аристократах, - Мармадюк отодвинул от себя Аврору, придержав её за

талию, – когда Сорента прибежит сплетничать, что лорд-шут пригласил во дворец городских шлюх...

– Мне ей не верить?

– Отчего же, верь. Их немного, всего десяток милых раскрепощенных дам.

– Святые бубенчики! – королева закатила очи горе. – Замковых женщин тебе уже не хватает?

– О, ваше величество, – засюсюкал шут, – вам прислуживают исключительно леди порядочные и высоких моральных устоев. – А потом со вздохом закончил: – И у меня нет времени с реверансами и недомолвками выяснять у каждой об особых отметинах на телах их любовников. С профессионалками проще.

– Согласна. – Аврора вернулась в кресло. – Что госпиталий?

– Лорд Альбус почти экстрактировал новую партию пилюль, но, к сожалению, подключить к работе кого-нибудь из учеников отказывается наотрез, а это ускорило бы процесс.

– Он хочет сохранить в тайне рецепт приготовления, – пожала плечами королева, – его можно понять. Он нашел новых меченых?

– Нет, хотя осмотрел всех, к этому делу не погнушавшись привлечь помощников.

– И это логично. Гнездо заговорщиков здесь, в Ардере, провинциальные дворяне просто не успели бы в нем поучаствовать.

– Самое неприятное, что Ригеля мы таким осмотром не обнаружим, его-то пометать не требовалось.

– Да, Ван Харт считает так же.

– О, значит, вы беседовали не только о красоте и страсти?

Королева покачала головой:

– Ты знал, что в замке живет много дювальнойцев, преданных не столько короне, сколько своему сюзерену?

– Неофициальному.

– А когда преданность была официальной, дорогой? Я хочу сказать, что если у тебя есть сеть осведомителей, не значит, что она единственная.

– Ну уж об этом-то меня осведомили.

– Юный Гэбриел принесет нам голову Ригеля.

– Даже так? И что он потребовал взамен?

– Тот, кто сделает это, может требовать все что угодно.

Я проснулась, когда первые представители белого крыла стали возвращаться в солярий. Парни были сытыми и довольными жизнью, я стала отдохнувшей.

– Вы отчистили свою лечебную мазь, милорд? – приветствовал меня Забель. – Сообщаю вам откровенно, вы смазливее де Намюра.

Я прикоснулась к щеке. Странно. Наверное, во сне я ворочалась и стерла мазь воротом камзола? Как я при этом не свалилась с подоконника?

Забель ухмыльнулся, за что получил воспитательный подзатыльник.

– За работу, цыплятки, – скомандовала я, громко хлопая в ладоши. – Сейчас мы сведем

пастораль, а затем поставим движения в хороводе фей.

И все завертелось, закружилось в танцевальных па, вознеслось к потолку переливами мелодий. Часа через три пришлось прерваться, пришли портные с примеркой. Ван Сол, материализовавшийся у моего плеча, протянул лист бумаги.

- Это счет, милорд.

Я присвистнула, рассмотрев сумму.

- Скажи помощнику кастеляна, что оплата будет завтра.

- Где мы добудем денег?

- Там, где они есть, - ответила я значительно, даже не представляя, как буду решать эту проблему.

Попросить у королевы? В конце концов дело кончится именно этим. Хотя, по чести, просить о таких вещах надо не сейчас, а уже после выступления. Тем более что Дэни уже брал некую сумму в казначействе на столярные работы. Эх, если бы я могла достать свою кубышку, спрятанную в матрасе покинутой миньонской казармы, я бы без проблем оплатила счет за костюмы.

Ван Сол, заразившийся от меня значительностью, беседовал с лордом-помощником и, судя по всему, убедил того подождать. Меня же увлек за ширму один из портных.

Лилово-белый костюм Спящего был простым и изящным, я прокрутилась на одной ноге, глядя на себя в зеркало, которое держали двое слуг.

- Прекрасно, подгонка не потребует.

Я заметила, что помогая мне разоблачиться, портной слегка морщится. А ведь ты, наверное, не розами сейчас благоухаешь, Шерези! Сколько дней уже ты в этой одежде? И что она с тобой пережила? Посмотри на полы камзола: коричневатые пятна - это засохшая кровь ван Харта, из его рассеченной о брусчатку головы. А на груди у тебя жирный мазок от вкуснейших утренних булочек, а это - скорее всего - вино, а это... Ты, Бастиан Мартере граф Шерези, просто свинтус! Жаль, некому надавать тебе воспитательных оплеух.

- Пошли кого-нибудь в казарму принести мне сменное платье и белье, - велела я Ван Солу, отпуская портных.

- Ты пойдешь в купальню?

- Да.

- Составить тебе компанию?

«Ага, будешь почтительно держать графское мужское достоинство, пока граф намывает все остальное», - могла ответить я, но просто отрицательно качнула головой.

Дэни отошел, я поправила движения наших фей, включившись в их дуэт уже в роли Спящего. Станислас все-таки гениальный музыкант, его мелодия была именно такой, как требовалось - страстно-величественной и ритмичной, под нее хорошо разыгрывалась история ревности и соперничества, любовный треугольник, который, как мы все знали, остался треугольником навеки. У лорда Спящего две супруги, значит, их борьба за сердце любимого ничем не закончилась.

Потом мы репетировали заключительный танец, потом пастораль, переходящую в партию лорда Бахвальство. А потом я отправилась в купальню, держа под мышкой сверток со сменной одеждой.

- Граф! Цветочек! Любовь моя! - приветствовала меня Моник, раскрыв объятия.

Всепроникающего поцелуя в губы я избежала чудом, поклонилась прелестнице и сопровождающим ее товаркам и рассыпалась ворохом цветистых, но ничего не значащих комплиментов.

Девы хихикали, Моник держала меня под руку, демонстрируя окружающим наши с ней особые отношения.

- Мой милый спаситель, - щебетала она умильно, напоминая обстоятельства знакомства.

А ведь это совсем недавно было, когда бравый Шерези вытолкнул обильные прелести Моник из-под случайного арбалетного выстрела.

Девы находились во внутреннем круге дворца не просто так, а по делу, по столь тайному и важному, что подробности одного граф Шерези узнал практически без усилий. Лорд-шут отправил это надушенное воинство на задание, и, видимо, сохранение тайны в нем не являлось приоритетом. Если девы не узнают ничего важного, так хотя бы поднимут шум, заставив злоумышленников занервничать.

- Какой страшный урод! - вдруг вскрикнула одна из моих собеседниц. - Храни нас Спящий!

Я перевела взгляд. Из купальни выходил уже знакомый мне долговязый горбун.

- Храни нас Спящий, - эхом простонала Моник.

- Что мы будем делать, если он бросится на нас? - сказала третья.

- Я лишусь чувств!

- Бежим!

- Какой кошмар! Граф, вы защитите нас?

Дуры! Человек не виноват, что ему досталась такая внешность. Да, он страшен, но он не животное.

Я стряхнула с себя ручки Моник:

- Вынужден вас покинуть, мои драгоценные.

Подойдя к горбуну, я вежливо ему поклонилась:

- Лорд-работник, не могли бы вы отдать мне ключи от купальни? Я верну их менее чем через час.

Он не отвечал, я заглянула в его лицо под спутанными ржаво-бурыми волосами. И глаза у него тоже были страшными, красновато-бурыми, как будто припорошенными пылью, выдерживать его прямой взгляд было физически неприятно, но я старалась. Я знала, что веселые девы наблюдают наш диалог, мне хотелось, чтоб, видя мое поведение, они устыдились своих обидных слов.

- Да, милорд, - горбун говорил, почти не разжимая губ, протягивая мне длинный кованый ключ с деревянной подвеской, - я буду ждать за дверью столько, сколько понадобится.

Через три четверти часа я вернула ключ. Граф Шерези благоухал розовым мылом, глянцево поблескивал намытым лицом и волосами. Даже пятки графа Шерези, окружающим не видные, но ощущающиеся самим графом, были гладкими и мягкими, чему немало поспособствовало его мужское достоинство, читай - пумекс, и ароматическое масло лаванды.

Горбун меня ждал, как и было обещано, а неподалеку от него отирался Дэни ван Сол.

- Возвратимся в солярий? - возбужденно спросил он, передавая сверток с моей грязной одеждой проходящей мимо прачке. - Парни собираются репетировать всю ночь напролет.

- Я должен навестить лорда Уолеса, присоединюсь к вам попозже.

- Тогда позволь составить тебе компанию.

Настойчивость помощника меня удивила, но не насторожила. Дэни был переполнен таким количеством идей, что время от времени ему требовалось делиться ими, чтоб не лопнуть.

Патрик лежал в постели, мягкий свет соляного светильника золотил разметавшиеся на подушке волосы.

- Ты выходил? - поздоровавшись, спросила я друга, кивнув на его грязные башмаки, стоящие у кровати.

- Ты посетил купальню? - задал он встречный вопрос.

- Именно. - Я присела на ложе Гэбриела, замечая, что постельного белья на нем нет. - Лорд ван Харт покинул нас?

- Он переехал. - Патрик говорил так, будто мой вопрос предполагал безвременную кончину меченого красавчика и будто от ответа я могла бы успокоиться, или, напротив, взгрустнуть.

Что ж, значит, вчерашнее randevu Гэбриела ван Харта и ее величества прошло к удовольствию последней. Я не грустила, ни капельки не грустила. Буду реже видеть одну глумливую дювалийскую рожу, и то хорошо. Прекрасно, великолепно, восхитительно.

Дэни ван Сол, не чинясь, занял место в уголке, нацедил себе вина из стоящей на столике бутылки и сидел тихо, как мышка, Патрик молча же смотрел на меня грустным взглядом.

- Как проходят ваши репетиции?

- Прекрасно, великолепно, восхитительно.

- Ты ужинал?

- Прекрасно...

Лорд Уолес сокрушенно покачал головой, я заметила, что кусаю губы. Тысяча мокрых фаханов! До темного полнолуния еще полно времени, мое настроение не должно так штормить.

- А где Виклунд с Доре? Мне хотелось бы поблагодарить Станисласа за прекрасное музыкальное сопровождение, которым он обеспечил белое крыло.

- О, эти двое прибегали перед закатом, чтоб сообщить, что отправляются на некую тайную операцию, результаты которой нас немало порадуют. Что имелось в виду, я так и не понял. Думаю, сейчас нам все объяснят, потому что именно лорд Оливер имеет привычку входить в помещение, сшибая косяки.

Снизу действительно доносился грохот и звук тяжелых шагов, а также скулеж, будто Виклунд тащил на второй этаж мешок с полупридушенными котятками.

- Доброго вечера, любезные лорды! - Станислас придержал дверь, в которую, задев макушкой притолоку, вошел Оливер.

Он нес не мешок, на его плече извивался и попискивал не знакомый мне паж.

- Мы нашли его, Басти!

- Кого? - Я с ужасом смотрела на капли, которыми ноша Виклунда орошала пол моей спальни. - Почему из него течет?

- Он обмочился, - великан придержал пажа за шкурку, чтоб не запачкаться и отбросил в угол комнаты, - наверное, от испуга.

- И ничего не от испуга. - Парень был отнюдь не юн, лет двадцати пяти, с хитрым остроносым лицом. - Это военная хитрость, чтоб заставить вас меня отпустить. Я пытался использовать нормальную для дворянина брезгливость!

- Быстро! - скомандовала я Виклунду. - Отправляйся мыть руки и захвати там тряпку,

пусть этот фаханов стратег вытрет здесь все свои экскременты! Нет! Я передумал. Вытирать будешь ты! Ты его приволок! Порадовал результатами операции!

- Это паж, который сообщил нам с Оливером о твоём пленении, - прервал Станислас мой крик, - тот самый, по чьей вине мы устроили осаду госпиталя.

- Тогда пусть вытирает все-таки он. - Я села на кровать, скрестила руки перед грудью и обвела комнату тяжелым взглядом.

- Первый раз его вижу, - сообщил ван Сол. - Думаю, он из новеньких. Как тебя зовут?

- Да кого волнует его имя, - из-за двери клозета пророкотал Виклунд. - Пусть скажет, чье поручение выполнял.

- Меня зовут Франсуа Превьер, о прочем я сообщу только в присутствии королевского судьи.

- С «р» на конце? - серьезно переспросила я. - Понимаешь, милый, мне хотелось бы написать это на твоей могиле без ошибок.

Он забился в угол, подтянув колени к груди и обхватив их ладонями. Эта поза и презрительное выражение лица говорили больше слов.

- Позвольте мне, любезные лорды, - Патрик отбросил покрывало и неспешно сполз с кровати. - Мне давно хотелось быть для вас хоть чем-то полезным, а в допросах равных мне нет.

Я отметила, что в постели лорд Уолес был полностью одетым. Двигался он медленно, но не пошатываясь, четко переставлял ноги, и рука его, в которой через мгновение оказался тонкий фруктовый нож, была твердой.

- Господина Превьера, друзья, непросто запугать, - хриплым и негромким голосом продолжал он, - он чувствует себя под защитой кого-то из сильных мира сего и не уважает миньонов ее величества, предполагая, что они ничего непоправимого ему причинить не могут.

Я посмотрела на пажа, Патрик был прав. А еще я заметила, уже безотносительно к допрашиваемому, что у меня от тона лорда Уолеса ползут по спине мурашки. Мне было чуточку страшно.

- Господин Превьер в своих предположениях абсолютно прав, - Патрик остановился в двух шагах, поигрывая ножом, лезвие которого порхало в его тонких пальцах подобно крыльям бабочки, - но я-то не миньон ее величества Авроры, храни ее Спящий, а всего лишь...

Он наклонился и резко велел:

- Оставьте нас наедине, обещаю, что через десять минут у нас будет имя.

- В Ленстере знают толк в пытках. - Виклунд бросил в пажа тряпкой и сдернул меня с моего места. - Оставь ему хотя бы одну руку, чтоб он потом прибрался.

Последняя часть фразы была обращена к Патрику, который не отводил взгляда от пажа, холодного расчетливого взгляда.

Мы зашаркали ногами, зашуршали одеждой, Станислас подтолкнул к выходу бледного вана Сола. Я замыкала процессию исходящих. Не оборачиваться, главное - не оборачиваться. Патрик знает, что делает. Но, святые бубенчики, какой неожиданной стороной сейчас открылся передо мною наш друг! С какой предвкушающей жестокостью он взял нож, как деловито, будто примериваясь, смотрел на сидящего в углу пажа.

- Нет! - заорал Превьер в мою спину. - Лорд Шерези! Граф! Не оставляйте меня здесь! Клянусь, я скажу вам! Скажу все! Умоляю!

Я развернулась на каблуках, пряча глаза, чтоб в них не читалось облегчение. Не знаю, смогла бы я относиться к Патрику по-прежнему, если бы он подверг пажа пыткам. Я,

наверное, попыталась бы найти ему оправдание в своей душе, но что-то в ней, в моей душе, обязательно бы умерло.

Через двадцать пять минут мы знали все, что нам требовалось.

- Адэр лорд ван Харт? - Станислас сопротивлялся правде до последнего.

- Это логично, - пожалала я плечами, наблюдая, как Франсуа Превьер моет пол при помощи щелока и горячей воды. И то и другое нам любезно разыскал ван Сол, спустившись вниз и призвав горничных. - Разве не долг всякого родителя помочь своему сыну? Таким ходом он выбивал из игры всех прочих претендентов.

- На самом деле, - Дэни меня перебил, - дело в другом или не только в этом. Отношения канцлера ван Харта и лорда-коннетабля Биркелана никогда не были особо дружескими. Единственная сила в Ардере, которая может противостоять рыцарям Дювали - это «лиловые плащи» лорда Томаса.

- То есть, - лорд Виклунд отхлебнул из бутылки, - пострадать должен был я, как любимчик лорда-коннетабля?

- Похоже. - Дэни отобрал у великана бутылку. - Покровительство сильных мира сего - это палка о двух концах. А ваш менестрель пострадал бы вообще только потому, что он твой друг.

- Так что у дружбы тоже два конца, - бутылка перешла мне, и я отпила из горлышка, - но, господа, вынужден отметить, что интрига лорда Адэра не блещет ни изяществом, ни красотой.

- Ты не можешь поносить чужих интриг, пока не будешь интриговать лучше. - Патрик тоже не пропустил очереди, вытряхивая в себя последние капли со дна.

- Тем более, - поддержал друга Станислас, - что противопоставить канцлеру нам нечего. Мы попросту проглотим обиду, как проглотили твой, Цветочек, синяк.

- Точно, - ван Сол уже обстукивал стенки новой бутылки, чтоб залихватски выбить пробку одним резким ударом, - такова жизнь, пока мы никто, и звать нас никак.

- Ну не знаю, господа...

Я выхватила несчастную обстуканную бутылку и шарахнула ее доньшком о балку полога. Пробка вылетела, стукнулась о потолок, о стол, о скрюченную спину Превьера и скрылась в окне.

- Меня зовут Бастиан Мартере граф Шерези, - это вино было шипучим и молодым, - и я немедленно отправляюсь к лорду канцлеру!

По дороге мы прихватили в некоей тайной кладовой еще одну бутылку или не одну, считать было решительно некогда. Процессию возглавлял ван Сол, он же отвечал за пополнение запасов. Дорога получилась довольно длинной, а запасы таяли и пополнялись с каждым привалом. Вечер сменился ночью, сигнал отбоя отразился от обеих лун.

Личная стража лорда-канцлера нас пропустила. Не без вопросов и рассмотрев все предоставленные пропуска, но все же пропустила. Адэр Ван Харт занимал целый комплекс строений на западе внутреннего замкового круга. Ван Сол уверенно провел нас по дорожке, извивающейся среди статуй, фонтанов и тесаных каменных скамеек. Двор, видимо, предназначался для прогулок и размышлений, меня же замутило от причудливых изгибов, ну или от предвкушения скорой встречи с всесильным канцлером.

У крыльца у нас опять проверили пропуска.

- Вас звали?

Простой вопрос начальника стражи вызвал некоторые затруднения. Виклунд с Доре переглянулись и захихикали, Уолес пнул Превьера, которого мы тащили с собой в качестве доказательства, Ван Сол пробормотал что-то непонятное и тоже пнул

злосчастливого пажа.

- Звали? - Я кивнула. - Определенно звали... Ах, как же его звали...

За спиной мне вполголоса подпел Станислас, к нему присоединились остальные. И пять нетрезвых голосов громким шепотом исполнили припев популярной песенки.

- Ожидайте, - вздохнув, велел стражник и скрылся за дверью.

Припев закончился, поэтому, развернувшись друг к другу и обнявшись за плечи, чтоб не упасть, мы затянули первый куплет, затем второй, на третьем начальник стражи вернулся:

- Войти может только Бастиан лорд Шерези.

Меня похлопали по плечам, потом по щекам, видимо, для бодрости.

- Иди, Цветочек! Покажи ему!

- Кому?

- Что именно должен показать граф Шерези?

- Мы куда-то пришли? Дэни, что у тебя звенит за пазухой?

- Прогоните кто-нибудь этого вонючку!

- Виклунд, велите Превьеру пойти прочь, вы его пленили, значит отвечаете за него.

- Пленных положено кормить...

Я глубоко вдохнула холодный, уже совсем осенний ночной воздух. Как можно было так набраться за столь короткое время? Ладно я, но они-то - мужчины.

- Если ты не выйдешь оттуда через час, - абсолютно трезвым голосом вдруг сказал Оливер, - обещаю тебе разнести тут все к фахановой матери.

- Ты настолько уверен в своих силах?

- Я уверен в «лиловых плащах». И если ван Сол правильно набросал нам рисунок этой интриги, мы сможем опереться на лорда-коннетабля.

Эффект фразы несколько смазался из-за икоты, одолевшей великана.

В двери я вошла слегка успокоенной. Если что-то случится, друзья выручат меня.

Внутри оказались крошечная прихожая и еще одна дверь, за ней - темная зала. Начальник охраны освещал мне путь соляным светильником, поэтому ни обстановки, ни гобеленов, которые угадывались на стенах, я не рассмотрела. Мы прошли сквозь залу, потом по коридору, поднялись по лестнице, остановились у приоткрытой двери.

- Сюда, граф, - стражник толкнул створку, - вас ждут в библиотеке.

Я вдохнула так глубоко, что заболело в груди, и шагнула из коридорной полутьмы в желтый свет комнаты.

- Ты опять надрался, Цветочек?

Меченый красавчик Гэбриел Ван Харт сидел за письменным столом.

Я выдохнула. Света было много, очень много. Может, потому, что на столешнице перед лордом Ван Хартом лежала развернутая карта.

- Я желаю видеть канцлера!

- Отец нездоров, расскажи мне, по какому делу желаешь его видеть. Я передам.

Я еще раз выдохнула, казалось, вместе с воздухом из меня вышли и остатки моей

решимости, и тот пыл, с которым я стремилась к встрече с канцлером ван Хартом. Туше, Шерези. На этот раз ты проиграл.

В ухе лорда Ван Харта, той жалкой замены, которую предоставили мне обстоятельства, блестела серьга – адамантовая звезда ее величества. Значит, все у них с королевой произошло, все случилось, и ты, Бастиан, уже не являешься единственным настоящим миньоном Авроры.

Во рту было горько и противно, в голове – пусто, на душе – безрадостно.

– Ты мог бы присесть, – Гэбриел кивнул в направлении кресла, – или, вежливо поклонившись, удалиться. Ван Сол отведет тебя в солярий. Если желаешь, я предложу тебе некие снадобье от похмелья.

– А что, от болезни канцлера у тебя снадобий не нашлось? – Я решительно опустила в кресло и, выставив вперед колено, оперлась на него.

– Я занят, Басти, – холодно ответил канцлеров сынок. – Или говори, зачем пришел, или проваливай. Чего ты хочешь?

Сатисфакции? Интрига твоего нового родителя поставила под удар моих друзей, я требую справедливости? И как ты себе представляешь справедливость, Шерези? Хороший вопрос. Дуэль? Смерть? Бесчестие поганого старикашки? На дуэль не вызывают через третьих лиц, бесчестие светит только мне, пьяному дворянчику, который не может толком даже сформулировать свои претензии.

Гэбриел вдруг улыбнулся, не холодно, как обычно, а весело и открыто:

– Должен тебе сообщить, Цветочек, что твоя привычка выбалтывать в пьяном виде потаенные мысли меня умиляет.

– Святые бубенчики! – Я закрыла рот ладонями.

– Ты прав, твои претензии сейчас выглядят нелепо и ни к чему не приведут. Но...

Он замолк, метнув в меня хитрый взгляд.

– Но что? – переспросила я с горячностью, вызвавшей еще одну улыбку.

– Но тебе повезло, что отец нездоров.

– Он болен настолько серьезно, что это доставит мне удовольствие?

– Зная тебя, могу с уверенностью заявить, что даже если лорд Адэр отойдет в чертоги Спящего до рассвета, тебя это не обрадует. А порадует, например... – он выдержал еще одну паузу, – денежная компенсация ваших с друзьями страданий.

– Дворянская честь не продается, – сказала я с сомнением, ощутив бедром свернутый в кармане счет от портных.

– Никто и не говорит о чести, – от движения головы Гэбриела серьга в его ухе нестерпимо блеснула, – по крайней мере, о дворянской. Я знаю, что лорд Виклунд влез в долги, покупая для своего красного крыла снаряжение, а лорд Доре приобрел новые инструменты. У меня, как у лорда-распорядителя миньонского экзамена, оказались копии предоставленных им счетов.

Я об этом не знала – ни о копиях, ни о долгах, но со значением кивнула.

– Ты тоже кому-то должен?

– Портным. – Я достала документ из кармана и расправила его на столе поверх карты.

– Они будут оплачены уже сегодня.

Это было бы очень кстати. Фаханово кстати. Ведь иначе мне пришлось бы просить Мармадюка или прорываться к королеве через кордоны фрейлин... Ой. Кажется, я опять говорила вслух. Потому что поскучевший Гэбриел Ван Харт сказал:

- Но если ты желаешь обратиться к лорду-шуту для решения своей проблемы - пожалуйста. Уверен, что твой счет он оплатит с удовольствием, не уверен, правда, что затруднения Виклунда и Доре вызовут хоть какой-то его интерес.

Я была уверена, что нет, три раза нет - и Оливер, и Станислас, и я не снискали бы шутейшего покровительства. У Мармадюка другие проблемы, более глобальные. Но уверенность свою я не озвучила. По крайней мере, очень на это надеялась.

- Спасибо, - просто сказала я Гэбриелу, подсовывая ему свой счет, - и передавай привет родителю, и пожелание скорейшего выздоровления, и...

Я говорила все это, уже поднявшись и кланяясь, при этом еще и пятясь к двери:

- ...и прими мои искренние поздравления.

- С чем?

- С вот этим! - Я прикоснулась к своей серьге и подмигнула собеседнику с мужским, немного похабным одобрением, которое, я уверена, он ожидал бы от графа Шерези, и выбежала за дверь.

- Ван Харт жив? - встревоженно спросил меня Виклунд, когда я сбежала по ступенькам крыльца.

- Которого из ван Хартов ты имеешь в виду?

- Обоих? Ты дрался? Ты потребовал сатисфакции?

- Я ее получил. - Я обернулась к ван Солу. - Дэни, нам нужно возвращаться в солярий, мы переделаем заключительный танец, мне в голову пришла чудная мысль...

- Цветочек? - Друзья столпились, окружив меня со всех сторон.

- Я согласился на деньги, - со вздохом объяснила я. - Ван Харты берут на себя оплату всех наших расходов, связанных с миньонским экзаменом.

- А это хорошая новость, - пропела мандолина Станисласа.

- Не нанесло ли это ущерб дворянской чести? - спросил Патрик.

- Твоей-то точно нет, - слегка сварливо ответил ван Сол, - с каких пор перенять долг считается оскорбительным?

- С тех, когда дворян используют в своих интригах, не считаясь с их желаниями?

- Ах, Уолес, - ответил мой помощник с умудренностью старца, - ты слишком юн, не по годам, а по опыту. Поверь, здесь, во дворце, все всех используют и у тебя только два выхода - либо стать настолько сильным, чтоб тебя использовать не могли, либо научиться лавировать, извлекая из чужих интриг максимальную пользу. Цветочек сегодня ее извлек. Чем ты пригрозил Адэру?

- Я его не видел, со мной беседовал его сын.

- А, - ван Сол махнул рукой, - тогда понятно. Гэб трясется над тобой, как несущка над яйцом...

- Ага, - подтренькнула мандолина.

Мы уже шли по дорожке к воротам, я резко остановилась:

- Я чего-то не знаю? Кто над кем трясется?

- Гэбриел ван Харт покровительствует графу Шерези, - немного удивленно сказал ван Сол, - это всем известно и уже даже не вызывает удивления. Он помогает ему найти лучшее помещение для репетиций, пользует снадобьями для сведения синяков, находит музыкантов и столяров, собирается просить для него руки благонравной Дидиан... Кстати, Цветочек, ты бы десять раз подумал, прежде чем соглашаться. Дидиан, конечно,

ослепительная красotka и моя сестра, но ее характер...

- Каких еще музыкантов? - Я топнула ногой. - Станислас! Разве не ты прислал мне своих ребят?

- Я, - с готовностью кивнул менестрель, - сразу после того, как Гэбриел ван Харт поделился со мной размышлениями, как сделать твой балет еще лучше. Я думал, ты говорил с ним о своих планах, потому что Гэб рассказал мне фабулу, с тем чтоб я подобрал мелодии, к ней подходящие.

- И столяры? - Я обернулась к Виклунду.

- Он действительно умеет всем распоряжаться, - кивнул Оливер, - твой Гэб.

Погодите, погодите. Когда я успела все рассказать? Я лихорадочно вспоминала все наши с ван Хартом немногочисленные беседы. Фабула пришла мне в голову в госпиталии... Тысяча! Мокрых! Фаханов! Я болтала во сне! Болтала, когда ночевала с Гэбриелом в этом фахановом госпиталии. А он слушал и мотал на ус. А я... А он...

Я зарычала от стыда, от стыда, пришедшего на смену острому, как ножевой порез, удовольствию. Он сводил мои синяки и защищал от покушения. А теперь запускает руку в мощну батюшки, чтоб расплатиться с моими долгами, и помогает моим друзьям. Моим, не своим. Я что-то для него значу, для меченого красавчика Гэбриела.

Я отвернулась и побежала к воротам. Мне требовалось побыть в одиночестве. И, разумеется, мне этого не позволили. Потому что сначала стража потребовала пропуска, потом меня нагнал Патрик, которого требовалось проводить в казарму, потом ван Сол прилип как репей, потому что требовалось возвращаться в солярий. А мне не хотелось. У меня в спальне появилась свободная кровать, и мне очень хотелось ее занять, чтоб проспать часов восемь без просыпу. Интересно, а куда переселился Гэбриел? К отцу, потому что последний нездоров, или к ее величеству, потому что... А вот об этом я думать себе запретила. Ревность в положении графа Шерези - абсолютно неуместная и пустая штука. Он, Шерези, не может ревновать ее величество, потому что кто она, а кто он. И не может ревновать Гэбриела ван Харта, потому что Шерези - это он, и только мужеложеских аллюзий нам сейчас недостает для полного комплекта. Деревенская девчонка Басти ревновала бы просто до зеленых фаханчиков. Ей захотелось бы вцепиться в рыжие кудри некой разлучницы и отхлестать некоего изменщика по обнаженным ягодицам. Хорошо, что деревенской девчонки Басти сейчас не было, а граф Шерези был, и был он собран и деловит. Он собирался работать ночи напролет с тем, чтоб его балет стал самым эпичным событием Ардеры на долгие годы.

Поэтому я пошла в солярий с ван Солом, а еще потому, что Патрик желал поговорить, грустно улыбаясь, а я знала это его выражение лица. Он хотел предостеречь меня от доверия ван Харту, как когда-то уговаривал не доверять ван Хорну. И он был прав, мой прекрасный друг, и тогда, и, наверное, сейчас.

И следующие несколько дней промелькнули в мгновение ока. Моя матушка всегда отмечала эту особенность течения времени для человека увлеченного. Я в казарме даже не ночевала, не забывая забегать к Патрику, но визиты мои проходили под присмотром хлопчущего ван Сола и длились не более четверти часа. Лорд Уолес явно шел на поправку, он где-то гулял в мое отсутствие, с кем-то общался: о первом свидетельствовали грязные башмаки под кроватью, о втором - пустые бутылки из-под вина. Горничные убирались ежедневно, но пустая посуда попадалась мне на глаза все время.

- Может, он так заливает свое одиночество, - предположил как-то ван Сол.

- А может, ты будешь так добр оставить нас с ним наедине? Если он заливает что-то вином, значит, это что-то требует дружеского участия и разговора. Ты - третий лишний, Дэни.

- Будешь разбираться с его горестями, когда закончишь наши дела, - строго отвечал мой помощник. - От тебя зависит несколько десятков человек, все белое крыло, не считая прислужников и слуг, а за пару дней с твоим Уолесом ничего не случится. После балета вытрешь сопли ленстерцу.

Прибыло доманское посольство. Лорды Рамос и Перес оказались похожи друг на друга, как братья-близнецы, не считая того, что Рамос был смуглым и долговязым, а Перес – толстоватым блондином. Все же прочее – хитрые глазенки и пухлые порочные рты, высокомерное пренебрежение к любому собеседнику, зауженные в талии камзолы и плоённые воротники на плечах – было точь-в-точь.

Графа Шерези представили доманским лордам за ужином, где граф сидел по левую руку от лорда Мармадюка, напротив ее величества, чьей лучезарной прелестью мог любоваться через стол. По правую руку от его шутейшества сидел второй королевский миньон – ван Харт, что позволило лорду Пересу пошутить о том, что непонятно, чьи именно миньоны здесь присутствуют – королевы или лорда-шута. На что последний кисло улыбнулся, а граф Шерези заметил, что близкие люди часто делятся своими игрушками, и что «какая жалость, что некоторым доманским мальчикам эти игрушки не светят». На что лорд Перес резко намекнул на женоподобную смазливость графа Шерези, тот в свою очередь намекнул, что уже то, что кто-то замечает мужскую смазливость, многое говорит о мужественности самого заметившего. На что лорд Перес заметил, что смелость некоторых шутов основана на том, что их фамильные клинки, видимо, пылятся в личных будуарах. На что граф Шерези сообщил, что некоторые шуты могут получить сатисфакцию даже в дуэли на вишневых косточках. Разговор бы продолжился в довольно резких выражениях, но лорд-шут Мармадюк решил среагировать на слово «шут», в этом разговоре прозвучавшее, и положил на стол свой чудесный обоюдоострый клинок, продемонстрировав его доманским лордам, а также намекнул графу Шерези, каким именно образом может заставить его замолчать. Граф смешался и покраснел, и общая беседа вернулась в спокойное русло.

– Интересно, – ее величество рухнула на кровать, широко раскинув руки, фрейлины тихонько удалились, унося и парадное облачение, и огромный королевский венец, в котором Авроре пришлось сидеть за ужином, – если я сейчас отойду в чертоги Спящего, вы начнете убивать друг друга немедленно или выждете пару дней для приличия?

– Ты сейчас о доманцах или о своих подданных? – Лорд-шут парадным облачением отягощен не был, поэтому просто отстегнул перевязь и положил на каминную полку клинок. – Доманцы нападут месяца через два, раньше они не успеют подтянуть к границе необходимое количество войск, королевский двор ждать не будет. Если отойдешь прямо сей момент, к утру у нас будет три-четыре отравления со смертельным исходом среди членов королевского совета и десятков дуэлей. Провинции взбунтуются последними.

Ее величество фыркнула и болтнула в воздухе ножкой. Шут намек понял и помог повелительнице избавиться от обуви.

– А все потому, – он бросил туфельки куда-то вглубь комнаты, – что ты вовремя не озаботилась нарожать наследников. Хотя, может, еще не поздно.

– Если бы я не устала сегодня столь чудовищно, – зевнула Аврора, – я бы предложила тебе заняться производством наследника немедленно и забавлялась бы, наблюдая, как ты юлишь, чтоб этого избежать.

– Я предлагаю не себя, – шут испуганно прижал руки к груди, почтительно изогнувшись у королевского ложа, – присмотришься к ван Харту. Если его повернуть той стороной, на которой нет шрама, он совсем не плох. К тому же он принц долины, если ты захочешь взять его в мужья, ваш брак даже не сочтут морганатическим.

– Дурак.

– Нет, ваше величество, он не дурак! Может, слегка горяч и невыдержан...

– Ты весь вечер его изводил!

– Я ему и слова не сказал!

– Ты кокетничал с Цветочком, чем злил его до невозможности.

– Вы намекаете, что ваш миньон желает не свою леди-королеву, а другого миньона? –

Голос Мармадюка был полон такого преувеличенного ужаса, что Аврора хихикнула. – Я, как ваш подданный, должен вмешаться, должен пресечь эти противоестественные отношения, принять удар на себя.

– Хватит резвиться.

– Я еще и не начинал.

– Наша девочка достойна большего, чем служить трофеем в битве мужских тщеславий. Завтра, милый, после балета я поговорю с ней.

– Расскажешь ей о том, откуда берутся дети, на примере пчелок и коровок?

– Басти выросла на природе, милый, о пчелках и коровках она знает. Я расскажу ей о том, насколько важно иметь джокера, если хочешь отыграть что-то у фей.

Мармадюк не возразил, растянувшись в ногах королевы, он рассматривал потолок.

– Ты не собираешься идти к себе?

– Не собираюсь.

– Ты уступил кому-то свою спальню? Басти? Ты прячешь ее там от Переса или от ван Харта? А может, от обоих?

Аврора возбужденно села на кровати, шут повернулся к ней, опершись на локоть:

– Меня никогда не перестанет удивлять ваш, женщины, романтический пыл и смешные фантазии. Я останусь здесь с тобой, потому что по замку бродит уйма посторонних людей, и среди них – убийца, новый безумный Ригель. И потому, что я связан с тобой клятвой, которую дал своему лорду Этельбору...

– И никакой романтики, – королева откинулась на постель и закуталась в одеяло, – только долги, клятвы и убийцы. Как скучно мы с тобой живем, Мармадюк.

Глава 10

Выбор Спящего

Солярый, служивший мне последние несколько ночей спальней и пристанищем, сегодня превратился в шатер совета. Отсюда я руководила подготовкой, рассылала с поручениями своих миньонов и принимала отчеты о возведении декораций. Сейчас я стояла перед зеркалом, прислоненным к стене, и жевала принесенный Дэни пирожок, время приближалось к обеду, а мне и позавтракать не удалось.

- Говорят, лорд Перес искал тебя вчера в казармах, желая продолжить знакомство, - сказал ван Сол.

- Высокомерный болван, - сказала я, отряхивая крошки с костюма Спящего.

- Говорят, вы сцепились вчера языками за королевским ужином?

- К сожалению, друг мой, доманский орган оказался крепче и ядовитее моего.

- А я слышал, что граф Шерези посрамил супостата.

- Вот и поддерживай эти патриотичные слухи, миньон. - Я покрутила головой из стороны в сторону, рассматривая отражение своего лица. - Тебе не кажется, что я несколько женоподобен?

- Не кажется, - с готовностью ответил ван Сол, - ты действительно смазлив, как девица.

- Может быть, небольшой аккуратный шрам на щеке... Кстати, о шрамах. Как дела у ван Харта? Его заучки должны были уже продемонстрировать свои таланты.

- Все прошло прекрасно, хабилисы в восторге, а ее величество была столь впечатлена, что пригласила черное крыло разделить обеденную трапезу с ней и гостями.

Я все еще рассматривала себя. Ехидные слова доманского посла за ужином обидели меня чрезвычайно. Я и так была взволнована, постоянно перехватывая взгляды, которые ее величество бросала на Гэбриела ван Харта, почти полностью игнорируя меня, так тут еще и этот Перес, ядовитый хряк. Нет, шрам - это глупое решение. Я должна поступить, как настоящий трикстер, перевернуть ситуацию с ног на голову.

- Нам нужна косметика, ван Сол, - сказала я.

- Что?

- Белила, румяна, пудра, сурьма, - продолжила я громко, загибая пальцы, - и такие полотняные кружочки вроде конфетти. Как они называются? Фах-хан, вылетело из головы.

- Мушки, милорд, - прокричал издали де Намюр, - я видел такие у красотки Моник.

- Отправляйся к ней, миньон, - велела я, - и возьми все необходимое. Скажи, что Бастиану Мартере графу Шерези необходима помощь любезной сестрицы.

Де Намюр вернулся через двадцать минут со всем необходимым графу Шерези и стайкой любезных сестриц сверх того.

Моник шепотом сообщила, что струнный концерт, которым услаждают слух всех желающих менестрели Станисласа - скука смертная, и что она с удовольствием поможет мне, а когда услышала, в чем именно ее помощь будет выражаться, воскликнула:

- Но зачем, любовь моя?

- Потому, любовь моя, - ответила я просто, - что если ты от чего-то не можешь избавиться, ты должен это подчеркнуть и сделать достоинством.

Парни дружно заржали, когда я объяснила им, что мы собираемся сделать. И работа закипела. Женские ручки веселых сестричек действовали проворно и четко, без них мы

копались бы гораздо дольше.

Моник за работой болтала, я узнала о двух членах королевского совета, на которых стараниями ее подружек обнаружались алые звезды.

- Вальденс? – удивленно переспросила я, услышав знакомое имя. – Лорд Вальденс, отец Мориса?

Девушка пожала плечами:

- Долговязого, конечно, жаль, жизнь сына изменника не сахар, его лишат титула и имущества. Хотя, с другой стороны, лет двадцать назад у него и такой жизни не было бы, его бы попросту казнили.

- Почему? Он ведь не предатель. Разве сын должен отвечать за отца?

Моник набожно сложила руки перед грудью:

- Спящий, храни королеву! В правлении Авроры не истребляют семьи изменников до третьего колена, как было раньше.

Мы раскрасили всех актеров, выбелили лица, подрисовали брови и карминные губы и украсили щеки и ключицы кокетливыми мушками.

Я посмотрела на себя в зеркало. Зрелище было отвратительно-вульгарным, именно таким, как мне хотелось.

- Ты помирился с Гэбриелом, милый?

- Что? – Я встретила в отражении взгляд прекрасных голубых очей.

- Он разбил твое сердечко, любовь моя, и ты поклялся отомстить.

Моник довелось стать свидетельницей нашей с канцлерским сыном размолвки, а еще прелестная куртизанка была уверена в том, что граф Шерези предпочитает мужчин. Я, некогда не сумев другими средствами отразить ее любовный напор, придумала эту байку.

- Я отказался от мести.

- В обмен на привилегии или достигнув... – Она дополнила слова непристойной пантомимой.

Если бы не слой белил, краску, залившую мое лицо, заметили бы все. К счастью, издали донесся рев толпы.

- Начался смотр красного крыла, – пришел мне на помощь ван Сол. – Три десятка красавцев-воинов в полной экипировке, пытающиеся друг друга если не убить, то покалечить.

Девушки решили, что это зрелище поинтереснее струнного концерта, и побежали на плац, я прижала к горящим щекам ледяные ладони.

Время замедлилось, да что там замедлилось, оно почти остановилось, я слышала каждый медленный удар своего сердца, каждый выдох и вдох. Вечность, бездна, тьма... После вояк Оливера наступит наша очередь. Давящая тишина. Моя нервозность передалась всем присутствующим и, будто отразившись от толпы, вернулась ко мне в утроенном размере. Тик-так, шаг, вдох, так... Первая позиция, третья, четвертая, шаг, поворот, поклон. Подошвы бальных туфель мягко скользят по паркетному полу, шаг, поклон, поворот. Негромкий струнный перебор, это оживает мандолина одного из наших менестрелей. Я подстраиваю шаг, а слева и справа ко мне уже льнут мои партнеры по танцу. Им тоже невыносимо ожидание, они тоже рады хоть чем-то занять мысли и тело. Шаг, поворот, еще и еще.

- Графа Шерези и белое крыло ожидают в бальной зале!

Зычный крик герольда прервал нашу негромкую репетицию.

- В бой, господа! - скомандовала я. - Промедлить - значит потерять честь!

И тут девиз рода Шерези пришелся как нельзя более кстати.

Сам балет я практически не запомнила, то есть он остался со мною в неких телесных ощущениях. Прохладный порыв ветра - это вздох, которым встретила нас публика. В нем, этом вздохе, смешалось изумление и одобрение. «Какие хорошенькие!» - писк какой-то дамы. И вялые ободряющие аплодисменты, будто отскакивающие от плеч вишневые косточки. Акт первый - пастораль! И первый музыкальный аккорд, хлестнувший вдоль позвоночника. И ослепительный свет перед глазами, вдохновение, безумие. Некая высшая сущность, будто захватывающая мое тело и управляющая им.

Гэбриел Ван Харт был равнодушен к музыке примерно в той же мере, сколь и к танцам, а еще он невероятно устал. Подготовка сегодняшних испытаний утомила его невероятно. Но день еще не закончился, поэтому миньон сидел по правую руку от ее величества и вяло ожидал начала действия. Королевская ложа вмещала всего семерых - королеву с ее шутом, самого Ван Харта, Оливера Виклунда, не успевшего сменить свой красный мундир, Станисласа Шарля лорда Доре с мандолиной на коленях и обоих доманских послов, прочая свита которых жалась внизу к ограждению зрительного зала.

- А они неплохи, эти ваши миньоны, - протянул лорд Перес, сидящий за спиной Авроры.

- Неплохи? - Лорд Мармадюк фыркнул с комичным возмущением. - Мне казалось, что вы, милорд, успели выучить больше ардерских слов. Как насчет - «ошеломительны» или «непревзойденны»? Запишите их для памяти.

Перес издевку проигнорировал.

- Юноша, возглавлявший воинское крыло. Как ваше имя?

- Оливер Виклунд, милорд.

- Откуда вы? Ах, мне говорили, мелкие кланы Тиририйских гор, ардерские козопасы. Если пожелаете сменить сюзерена, попробуйте свои силы при доманском дворе.

- Остыньте, дружище, - решительно сказал лорд Рамос, - рыцарь и дворянин не может променять свою даму сердца. Не правда ли, любезный Виклунд?

А затем, прижав к носу кружевной платок, чихнул в сторону:

- Козопас!

- Будьте здоровы, - почтительно пожелал собеседнику лорд Виклунд и отвернулся к сцене.

Гэбриел поморщился. Доманскую тактику он уяснил себе еще накануне. Послы работали в паре. Перес отыгрывал роль эдакого порывистого забияки, бросающегося в словесный бой при любой возможности, а лорд Рамос, напротив, занимал выжидающую позицию, жалея исподтишка, когда его партнер уже достаточно потрепал жертву. Вчера досталось Шерези, сегодня уже разделали лорда Доре, подвергнув сомнению не только его музыкальный талант, но и голос, и слух. Самого Гэбриела чаша сия минула. Наверное, потому, что поздно ночью у пажеских казарм он в беседе один на один уже обсудил с лордом Пересом все терзающие их разногласия, особенно те, которые касались графа Цветочка Шерези, коего лорд Перес желал непременно видеть в тот момент.

Ван Харт потерял костяшки пальцев. Домания, дипломатия... Конечно, когда он станет канцлером, о таких методах убеждения послов сопредельных держав ему придется забыть. Но пока он всего лишь миньон, постельная грелка ее величества Авроры, он может позволить себе почти любую эскападу, даже начистить рыло хряку Пересу, зная, что жаловаться тот не будет.

Его размышления прервал герольд, трижды опустивший на пол церемониальный посох:

- Бастиан! Мартере! Граф Шерези! - торжественно провозгласил он. - И его балет.

Белое крыло шло клином, на острие которого как мотылек порхал Цветочек. Его пурпурные волосы локонами рассыпались по плечам, подведенные глаза сверкали, а ярко-алые губы кривила призывная усмешка.

- Что он делает? - пробормотал Перес.

- Какой порочный юноша, - строго сказал лорд Рамос.

- Несомненно, - лорд Перес не сводил с порочного юноши зачарованного взгляда.

А потом зазвучала музыка, и Гэбриел лорд ван Харт подумал, что обожает балет, а следом, что пора прекращать эти дурацкие игры.

Мы бисировали дольше, чем длилось само представление. Сценку Бахвальства ван Сол исполнял двенадцать раз. Публика, чуждая моих сантиментов, во весь голос подпевала танцу. «Ах, как же его звали, его ведь как-то звали, определенно звали...» А я, хотя и пыталась не смотреть в зал, время от времени выхватывала взглядом полное благородного гнева лицо его шутейшества.

«Тысяча фаханов! Он меня убьет. И будет тысячу раз прав. Чем я думала, когда выбирала для музыкального сопровождения эту прилипчивую песенку? Нет. Не буду смотреть на Мармадюка!»

Рядом с лордом-шутком сидела королева, весело подпевающая. На нее я смотреть тоже не могла, потому что по другую руку от нее сидел некто с алмазной звездой в ухе. Потом там еще были доманские послы, на которых просто смотреть не хотелось, и, слава Спящему, Виклунд с Доре, которые и уладили мой воспаленный взор своими честными, приятными лицами.

Музыка закончилась, ван Сол согнулся в поклоне, тяжело дыша, и чуть не рухнул. Его ноги уже не держали, но публика топала и свистела, требуя повтора. Я махнула Оливеру, а потом четко проартикулировала:

- Помогите!

Великан перегнулся через балюстраду, выдернул кого-то за красный воротник, что-то велел, и через минуту сцена, скрипнув, повернулась. Публика ожидающе затихла, я подтолкнула ван Сола к боковому ходу:

- Беги! Иначе они затаңцуют нас до смерти, как злые феи из сказок.

- Я люблю тебя, Шерези, - всхлипнул Дэни, спрыгивая со сцены. - Давай всю жизнь танцевать!

А на помосте уже появились синие камзолы менестрелей Станисласа. Их встретили аплодисменты и крики толпы. Я, пошатываясь, спустилась со сцены, внизу меня подхватили мои миньоны и потащили прочь из залы.

- Мы любим вас, милорд, - проорал мне на ухо де Намюр уже в коридоре.

- Умойте рожи, - сказала я нежно, - и следующий, кто признается мне в любви, получит оплеуху.

- Как вам будет угодно, милорд, - Лайон склонился, подставив голову под удар, - мы вас любим.

Я потрепала его смоляную шевелюру:

- Ладно, сегодня позволяю любезничать и болтать вздор. Вы молодцы, парни. Мы молодцы! И это был величайший балет! Он войдет в историю, вот увидите.

- В честь этого великого события, миньоны, - проорал Перрот, - предлагаю выпить в хлам!

- Великолепная мысль! - благословила я свое крыло.

Мне стало неожиданно грустно. Мне ведь будет этого не хватать – ежедневного напряжения, физического и эмоционального, бесконечных репетиций и обсуждений.

Я отпустила парней, а сама устало прислонилась к стене. Для меня, в отличие от них, представление не закончилось, я должна вернуться в зал, поклониться ее величеству, выслушать ее вердикт. Что я там про «не хватать» думала? Да проведи я еще пару дней в таком ритме, отошла бы в чертоги Спящего прямо с репетиции. Мне нужен отдых и сон.

Голова кружилась, и я прикрыла глаза, пережидая, когда она успокоится. Сон и отдых.

– Где Почечуйник? – Грозный голос Мармадюка звучал издали, но заставил меня встрепетаться. – Где этот Ядовитый Плющ?

– Тихо! – Гэбриел Ван Харт взял меня за плечо. – Если не желаешь получить трепку...

Свободной рукой он потянулся к ближайшей колонне в завитках лиственного орнамента.

– Предлагаю сбежать.

Я видела меченого красавчика как в тумане, и как сквозь толщу воды слышала приближающийся голос его шутейства. Ван Харт быстро толкнул меня за колонну, в открывшуюся щель, и юркнул следом, закрывая за своей спиной дверь тайного хода.

Голова опять закружилась, я отшатнулась, ван Харт подхватил меня за талию, и если бы он этого не сделал, я бы уже летела вниз по ступеням.

– Что со мной? – спросила я жалобно, обнимая его за плечи. – Меня опять отравили?

– Это усталость, – Гэбриел взял меня на руки и стал осторожно спускаться, – просто усталость... Все будет хорошо.

В себя я пришла, уже лежа в постели. Полумрак покоев рассеивал мягкий свет ночника и серебристый – лун, заглядывающих в приоткрытое окно.

– Это снадобье подарит нам несколько часов бодрости. – Ван Харт поднес к моим губам флакончик.

– Не доверяю я твоим снадобьям, – едва слышно шепнула я и проглотила пряную жидкость, оказавшуюся во рту.

– Это была порция на двоих, – его губы были у моих, – придется поделиться.

И начался поцелуй, пряный и бесконечный, проникающий и жаркий. Где-то в полутьме звякнуло расколовшееся стекло флакона, руки Гэбриела гладили мое тело, сминая кружево балетного костюма, я попыталась отстраниться, когда его ладонь встретила на талии застежку пояса.

– Пора прекращать эти игры, – зло сказал Гэбриел ван Харт, раздался щелчок серебряных звеньев, – милая.

Я дернулась, вскрикнула, ответила на поцелуй, ощутила, как напрягается его плоть, как плавится моя под его напором и, окончательно придя в себя, резко его оттолкнула, вскочив с постели.

– Нет.

Отпускать меня никто не собирался. Ван Харт схватил мои запястья и притянул к себе:

– Ты меня измучила, – жалобно проговорил он, зарываясь лицом в мои волосы, – я видел тебя во всех женщинах, как ты и обещала мне тогда, в розовом королевском саду, я не мог думать ни о ком другом, ты заставила меня сомневаться в своем мужском естестве. Я страдал.

Я лихорадочно осматривалась, пытаюсь найти что-нибудь, чем можно огреть по голове ретивого кавалера.

- Когда ты узнал?

Снадобье, видимо, начало действовать, потому что я сообразила, что пока он говорит, за свою невинность я могу не опасаться. Пусть говорит. Пока я не обнаружу какой-нибудь увесистый предмет. Например, вот этот соляной светильник...

- Ты давно понял, что я?..

- У меня были подозрения. - Он оставил в покое мои волосы, но теперь его прохладные ладони гладили шею и ключицы. - Хотя кого я обманываю. Я ничего не подозревал до того момента, как увидел тебя у королевских покоев.

- Я была в маске, ты не мог меня узнать!

И гладить меня ему лучше перестать! Не там! Я ведь, фахан его раздери, тоже не из стали!

- Как ты думаешь, милая, сколько в Ардере людей, не женщин или мужчин, а вообще людей, у которых волосы отливают пурпуром? А форма скул? Ты думаешь, маска может скрыть их полностью? А уши? Я знаю твои мочки лучше собственных, я прикладывал к ним лекарства ночь напролет. И еще снять серьгу было разумным решением, - он кончиком пальца дотронулся до адаманта, - но прокол-то никуда не делся.

- Понятно.

Я неторопливо поднялась с постели, Гэбриел меня не держал, желая, видимо, рассмотреть женское лицо графа Шерези. Я подошла поближе к свету.

- Изобилие! - он щелкнул пальцами. - Теперь я уверен, что на полотне изображена именно ты!

- Туше! - Я приподняла светильник, пристроив его на плече на манер аллегорического рога, будто бы, чтоб усилить свое сходство с картиной, а затем столкнула этот соляной куб на голову собеседника. - Туше!

Стало темно и тихо, я побежала к двери, не нашла ее, потому что не удосужилась заранее выяснить, в какой она стороне, ринулась к противоположной стене, потом к окну. До земли было туазов десять, без веревки мне не спуститься. И куда, позвольте узнать, я побегу в костюме Спящего и с отнюдь не графскими прелестями его расpiraющими? К лордам Пересу и Рамосу, быть может?

Я села на подоконник. Глаза привыкали к полумраку, к тому же свет лун теперь был у меня за спиной. Дверь оказалась слева, мой пояс поблескивал на полу, а кровь на белых простынях выглядела черной.

Сердце екнуло где-то на уровне горла. Он умер? Гэбриел Ван Харт, дважды канцлерский сынок, меченый красавчик, посмеявшийся над моими чувствами, умер от моей руки?

Я прислушалась, ловя звуки дыхания или стон. Тщетно. Я же хотела его просто отключить. Ни один из знакомых мне парней не умер бы от удара по голове. Это невозможно! В груди защемило, по щекам потекли слезы. Поскуливая я пошла к кровати. Ван Харт лежал на боку, свесив одну руку. Ею он меня и схватил, когда я достаточно приблизилась.

- Ты жив!

- Не потому, что ты не старалась!

Гэбриел подмял меня под себя, навис всем телом, кровь из рассеченного лба капала мне на лицо, смешиваясь со слезами.

- Подожди, - я шмыгнула носом. - Давай обработаем твою рану и спокойно все обсудим. Гэб...

Я снова шмыгнула носом:

- Кстати, мне нужно высморкаться, а я этого сделать не могу, потому что ты держишь

мои запястья. Отпусти! Обещаю не драться и не пытаться сбежать, Гэб.

- Я буду звать тебя Гэбриела. - Он оттолкнулся от постели и твердо встал на ноги. - По примеру нашего лорда-шута, одариваемого твоими услугами сверх всякой меры.

- Прости?

Ван Харт зажег свет, два настенных светильника по сторонам двери.

Его темно-каштановые волосы были черными от крови и блестели, казалось, он надел на голову диковинный рыцарский шлем.

- Мое прощение тебе придется заслужить, милая. - Ван Харт криво улыбнулся. - Для лорда Мармадюка ты Мармадель, для меня...

- А мое настоящее имя...

- Никого не интересует.

Я пыталась думать здраво. Сейчас главное - уйти от ван Харта без потерь, то есть с поясом и с возможностью его надеть. Главное - уйти, а дальше действовать по обстоятельствам. Можно броситься к королеве, и, если я прорвусь через кордоны фрейлин, она обязательно мне поможет. А еще - Мармадюк. Он-то защитит меня от меченого красавчика?

- И кстати, - ван Харт подошел к умывальному столику и налил в таз воды, - настоятельно советую тебе не делиться ни с кем нашим с тобой секретом. Иначе оба ардерских канцлера будут осведомлены о королевском перевертыше, о джокере, припасенном у нее в рукаве, а явный джокер, милая Гэбриела, перестает быть джокером и переводится в разряд низших карт, как известно любому игроку.

Я промолчала, наблюдая, как он смачивает в тазу льняной лоскут и смывает кровь.

- Ах да, - как будто ему только что это пришло в голову, - сразу после этого тебя казнят за подлог личности. Скорее всего, обезглавят.

И он изобразил простецкую пантомиму, закончив ее выпученными глазами и свешенным изо рта языком.

- Что тебе нужно? Я имею в виду, какую выгоду ты намерен извлечь из моей ситуации?

- Как ты изящно формулируешь! - саркастично воскликнул ван Харт и зашипел от боли, когда вода попала на рану. - Я еще не придумал, как именно тебя использовать.

- Наверное, как инструмент? - не менее саркастично сказала я. - Ты же так используешь доверившихся тебе людей?

- Я, по крайней мере, не пытаюсь их убить. - Он поморщился. - А еще, милая, мне больше любопытно сейчас, как тебя хочет использовать лорд Мармадюк вкупе с нашим величеством. Очень любопытно, какой расклад попытаются закрыть Цветочком Шерези. Что он делает с Мармадель, мне и без того понятно, и тут я претендовать ни на что не буду, брезгуя объедками...

Мне стало гадко, я потянула за краешек простыни, вытерла глаза, а потом, громогласно трубя, высморкалась в нее и, увидев на лице Гэбриела отвращение, ощутила вкус крошечной победы.

- Хорошо, лорд ван Харт. Я в восхищении от вашей любознательности и наблюдательности, и прочих талантов. Давайте на сегодня закончим. Сейчас я надену свой пояс и вернусь в казарму к друзьям. Мы до поры до времени забудем о том, что произошло между нами сегодня, сохранив спокойные деловые отношения или видимость их. А когда вы надумаете меня использовать, я буду к вашим услугам.

Отбросив грязную простыню в угол комнаты, я потянулась к артефакту:

- Могу дать вам клятву, если дворянское слово Шерези хоть что-то еще значит.

- Нет, - он отодвинул пояс носком сапога, - ты не вернешься в казарму. С сегодняшнего дня ты будешь жить со мной.

- Простите?

Ван Харт сокрушенно вздохнул и проговорил медленно, чуть не по слогам:

- Два миньона ее величества Авроры - ван Харт и Шерези будут жить вместе, разделяя радости служения своей леди.

- Где именно?

- В этих покоях.

- Здесь только одна кровать!

Он патетически воздел руки:

- Мы разделим походный плащ, Шерези, как принято между друзьями!

- Мы не друзья!

- Ты мне надоела, - ван Харт наклонился, подбирая пояс, - иди куда хочешь, дели что хочешь, с кем тебе угодно, но если к рассвету ты не явишься сюда...

Он выпучил глаза и провел под подбородком ребром ладони.

- ... все закончится примерно так.

Я взяла из его рук пояс и быстро застегнула его на талии, в мужской ипостаси сдерживать слезы было легче.

- Как странно устроено волшебство фей, - протянул ван Харт, - я все равно теперь вижу перед собой девицу, пытающуюся притвориться парнем.

Я подумала, что, видимо, это волшебство действует на всех по-разному. Потому что Мармадюк, помнится, говорил мне обратное - что в поясе никто и не усомнится, что перед ним не бравый граф.

- Помни, Цветочек, до рассвета, - в спину мне проговорил мой мучитель.

Я вышла за дверь, не обернувшись. Возвращаться я не собиралась.

Спальня ван Харта располагалась на самом верху круглой башенки. Тайного хода, которым он вел, ну или, если угодно, нес меня сюда, обнаружить не удалось. Поэтому я воспользовалась обычной спиральной лестницей, спустившись по ней, и вышла во двор, толкнув массивную дощатую дверь. В этой части замка я, кажется, раньше не бывала, но шпиль королевской резиденции возвышался буквально в двух шагах, из чего я заключила, что нахожусь во внутреннем круге и что от королевских-то покоев дорогу к пажеским казармам найду без труда.

До рассвета было часа три. Замок не спал, продолжая празднества. Количество пьяных и просто веселых его обитателей увеличивалось соизмеримо расстоянию, которое отделяло меня от башни ван Харта. А в казармах недвижимых и малоподвижных тел было как на поле брани после кровопролитной тридцатидневной войны. Я надеялась, что мои друзья празднуют окончание испытания в каком-нибудь другом месте. Все, что мне было нужно - сменить свои кружевные балетные одеяния на нечто практичное.

Я толкнула дверь спальни. Патрик испуганно подпрыгнул.

- Цветочек! Не ожидал тебя сегодня увидеть.

Я ощутила стыд от того, что абсолютно не думала о друге.

- Перебираешь реликвии? - спросила я, кивнув на сундук, у которого лорда Уолеса и застала.

- Это твои вещи, - сказал Патрик. - Их доставили после обеда по распоряжению лорда-шута.

Я заглянула под крышку. Моя сменная одежда, которую я подгоняла еще в Шерези, белье, сбитые на каблуках сапоги, фамильный клинок с фамильным гербом, свернутая в трубочку картина маменьки и фамильный кристалл поверх всего этого богатства.

- Я очень рад, что ты успел... Не будешь ли ты добр, дружище...

Патрик еще что-то говорил, но я уже подхватила стопку одежды и заперлась в клозете. Прежде чем переодеться, я умылась, оттерев грим и следы крови, расчесала волосы и стянула их в тугую косицу на затылке. Затем сбросила кружевные тряпки и облачилась в простой костюм, принадлежавший некогда папеньке, покойному и последнему настоящему графу Шерези.

- Извини, ты не мог бы повторить? - попросила я Патрика, вернувшись в спальню.

- Ты куда-то собираешься? - удивленно спросил запнувшийся на полуслове лорд Уолес.

Не ответив, я села на кровать и стала натягивать сапоги.

Сапоги были большими, на полторы моих ступни, штаны - вытертыми на коленях почти до дыр, а плохо подогнанный кафтан топорщился на плечах. Как я выйду из замка? Пропуск ван Харта остался в лиловом камзоле, камзол - в солярии...

Я зарычала и стукнула кулаком по кровати, заставив матрас колыхнуться.

- Ну-ну, - Патрик присел рядом и обнял меня за плечи, - если хочется поплакать, не сдерживайся, станет легче, а я никому не расскажу...

Он одной рукой стал массировать мне шею у линии волос. Я прикрыла глаза и расслабилась.

- Говорят, лорд наш Спящий благословил этой способностью слабый пол...

Сердце пропустило удар, ладонь Патрика замерла, он опустил руку.

- Ты знаешь?! - хриплым шепотом спросила я.

Лорд Уолес опустил глаза, рассматривая свои колени, затем кивнул.

- Как давно?

- С самого начала. - Он смутился, покраснел и говорил запинаясь. - Ты же помнишь, я вырос в монастыре, а сестры часто переодевались в мужское, когда вели торговлю в городе или для боя. И это все так заметно, вы же по-другому ходите, выворачивая носки вперед, иначе держите голову...

Я тряхнула челкой:

- Глупости, Уолес! Переодеваю женщину, допускаю, можно определить сразу, но как можно преодолеть колдовство?

- Ах, так это колдовство? - Патрик облегченно улыбнулся. - Тогда кадык у тебя не настоящий? Потому что, например, у второй предстательницы, сестры Флауры, были такие ... гкх-м... усики, которые помогали ей при случае изобразить мужчину, но пугали тех, кто видел сестру впервые, когда она была в женском обличи.

Я опять тряхнула челкой:

- При чем тут дамские усы?

- Святые бубенчики, Басти! Ты не замечаешь, что даже в поклоне замираешь на мгновение, чтоб не перепутать, какой стороной, мужской, или женской складывать ладони?

- Тогда почему ты раньше мне об этом не сказал?

- Потому что мы друзья, а друзьям прощают как недостатки, так и секреты, я ждал, когда ты сам... сама...

- Шере-зи-и-и! - заорал кто-то за окном громко и пьяно. - Цве-то-о-очек! Не прячься от почитателей твоего таланта! Выйди к нам!

Голос удалялся, затихая.

- Мне пора! - Я поднялась и, выдернув из стопки простыню, принялась увязывать в нее свои пожитки.

Правду говорят: что знают двое, знает и свинья. Ее величество, Мармадюк, ван Харт, Патрик... Кто еще? А может, все вокруг осведомлены об этой моей дырявой тайне и только делают вид, что нет, а сами потешаются за спиной?

- Ты уходишь?

- Ты уже спрашивал, - огрызнулась я. - Да, ухожу.

- Куда?

- В Шерези!

- Я с тобой. - Лорд Уолес достал из-под кровати холщовый мешок.

- Куда?

- В Шерези, если граф меня пригласит. - Он улыбнулся. - Или в фаханову бездну, или в Малихабар, здесь я никому не нужен и в любом случае собирался покинуть Ардеру.

- Нам придется идти пешком, - предупредила я его, - денег нет и купить лошадей нам не на что.

- У меня нет, - Патрик снял с пояса пухлый кошель, - а у тебя достаточно.

- Откуда? - Я растянула горловину, сумма действительно была внушительной.

- Это те деньги, которые были зашиты тобою в матрац. Кажется, ты получил их за картины у доманского купца Пучелло.

- Ты притащил их из миньонской казармы? - Я отдернула руку, будто обжегшись. - Они отравлены!

Лорд Уолес покачал головой:

- Это экю, Басти, солнечные монеты.

- Отравленные экю! - Я лихорадочно терла ладони о штаны, как будто таким образом можно было избавиться от яда.

Патрик перекатился с пятки на носок и с занудством хабилиса начал вещать:

- Солнечные экю, которые имеют оборот во всей Ардере, прибрежной части Скасгардии, Домании и Тарифе производятся методом горячей штамповки королевским монетным двором Ардеры из золота.

Я потрогала пальцами рассыпанные на простыне монеты и не умерла.

- А золото, - продолжал Патрик, - единственный металл, колдовству фей неподвластный, стало быть, смертная бледь их отравить не может!

- А тебя? - Я ссыпала наши деньги обратно в кошель. - Ты-то не из золота, как ты не побоялся вернуться в казарму?

- Я не из золота. - Патрик все еще покачивался и продолжал учительствовать. - Но эликсир лорда Альбуса, как, впрочем, и любое снадобье, выводится из организма не за один день, поэтому я смог забрать монеты, не опасаясь отравиться.

- Ты самый умный из нас, Уолес! - восхитилась я, но кошель повесила на свой пояс. Если я смогу сторговать пару лошадей подешевле, остатка суммы хватит на ремонт флигеля в Шерези. - Интересно получается, значит, «золотая кость» - это не иносказание? У королевских потомков действительно скелет из благородного металла?

- Да и нет. Это не аллегория, но, если верить хроникам, золотых костей у потомков немного - один-два хряща или фаланга пальца, или вообще - зуб.

Я слушала, не прекращая сборов, тащиться с сундуком не хотелось, в простыню многое не помещалось, семейный меч пришлось пристегнуть к перевязи, а кристалл - просто засунуть в карман.

- Хорошо, что у Авроры не зубы, - хихикнула я, - это смотрелось бы устрашающе. Кстати, милорд, а каким образом мы собираемся миновать стражу?

- У меня есть план. - Лорд Уолес был само спокойствие. - А ты подумай о том, что написать.

- Кому?

- Оливеру и Станисласу. Если мы покинем их без объяснений, они ринутся на поиски, заподозрив... Да мало ли, что они могут заподозрить, но действовать будут непременно.

А ведь и правда. Я вспомнила эпичную осаду госпиталя и всплеснула руками.

- Но они-то о моей маленькой особенности не знают?

- Не знают, - успокоил меня Патрик. - Но это не отменяет ни нашей дружбы, ни рыцарской клятвы, данной именем Спящего.

Он подошел к столу и достал из-под скатерти лист бумаги, а из кармана - угольный карандаш. Я, оставив у кровати уже свернутый и связанный тюк, тоже приблизилась.

- Для начала давай решим, почему мы покидаем Ардеру?

- Ты первый, - предложила я с толикой коварства.

- Я здесь лишний, - грустно сказал Патрик, - я упустил время, когда мог продемонстрировать свои таланты, и лишился не по своей вине покровительства хабилиса Джесарда. Пока я спал, правила игры изменились, и я за ними не успеваю.

- Это не повод бросать друзей!

- Я собираюсь вернуться через год, получив степень какого-нибудь университета. А почему бросаешь друзей ты?

- Потому что Гэбриел ван Харт узнал мою тайну и хочет меня использовать!

- И?

- И мне нужно сделать так, чтоб использовать меня он не смог!

Лорд Уолес молча смотрел на меня, размышляя:

- Значит, ты не бежишь, а отступаешь, чтоб, аллегорично выражаясь, собрать войска?

Я кивнула.

- Каким образом?

- Я собираюсь превратиться в настоящего мужчину, дружище. В Шерези, не в самом замке, а неподалеку от него, живет моя фея, дарующая имена, она-то и сделала тот самый артефакт, который позволил мне притворяться графом все это время. Фея должна мне еще одну услугу, так как получила плату вперед. Я потребую от нее окончательной трансформации. Лорд Мармадюк сказал, что такое волшебство возможно.

- То есть лорд-шут знает?

- И ее величество, - вздохнула я, - королева видела все с самого начала, так как на золотую кость волшебство фей не действует.

- М-да, - лорд Уолес хмыкнул, - это почему-то не приходило мне в голову, хотя лежит на поверхности. Видимо, потому, что я не знал, каким образом тебе... тебя... Ах, Басти, я не знаю, как к тебе обращаться!

- Меня зовут Бастиана. - Я поклонилась, держа ладони по-женски, треугольником вниз.

- И ты-женщина абсолютно непохожа на себя-мужчину?

- Хочешь посмотреть?

- Обязательно, - Патрик улыбнулся, - но не сейчас. Тебе не кажется, что мы тянем время, чтоб кто-нибудь пришел и уговорил остаться?

Я схватила карандаш:

- Ван Харт сказал, что если не вернусь в его покои до рассвета, он расскажет мою тайну обоим канцлерам.

- И чем он подтвердит свои слова, если тебя в замке уже не будет?

- Да! А потом граф Цветочек Шерези вернется во всем блеске своей мужественности и докажет всем, что канцлеров сынок солгал!

«Мои драгоценные друзья, - вывела я вверху листа, - Станислас, Оливер. Неотложные дела требуют моего срочного присутствия в Шерези...»

Я помусолила карандаш и добавила дюжину восклицательных знаков.

«Патрик лорд Уолес любезно согласился сопровождать меня...»

- А можем ли мы покинуть дворец без разрешения ее величества? - вдруг пришло мне в голову.

- То, что лорд Мармадюк вернул фамильные кристаллы, развязывает нам руки. Формально - можем.

Я быстро дописала письмо друзьям, оставив подпись в завитушках и пообещав скорую встречу, и достала из-под скатерти еще один лист.

«Моя драгоценная, моя бесценная, моя любимая...»

Письмо Авроре писалось легко, как песня.

«Ваш покорный слуга безмерно благодарен за ваше разрешение посетить родные края в эту нелегкую для всех минуту...»

Ее величество поймет и подыграет, мы ведь с ней обе девчонки, мы всегда сумеем договориться за спиной у парней.

«Моя путеводная звезда, моя Аврора...»

Вместо подписи я оставила угольный отпечаток губ.

- Мы положим оба послания здесь, а уж друзья придумают, как доставить одно из них ее величеству.

- Не желаешь черкнуть пару строк лорду ван Харту?

- Разве что клинком на его черном сердце.

- Что ж, - Патрик достал из кармана какой-то футляр и положил его поверх писем. - Я кое-что хотел оставить лорду Доре.

- Что именно?

Он, кажется, смутился:

- Будем считать, что я отдаю ему долг.

Я не стала настаивать. В конце концов, каждый имеет право на секреты, даже от друзей, мне ли об этом не знать.

Мы подхватили свои пожитки и, закрыв дверь спальни, спустились во двор. До рассвета оставалось совсем немного, обе луны – и белоснежная Алистер, и ее темная сестра Нобу прощались с нами, почти исчезнув с небосклона.

- Так что мы скажем стражникам?

- Мы их не увидим, – гордо ответил Патрик, – так что ничего объяснять не придется. Не знаю, привлекло ли твое внимание обилие пустых бутылок...

- Привлекло. Мы с ван Солом решили, что ты так борешься с одиночеством.

- Боюсь, что, если бы я выпил все это в одно горло, компанию мне уже составил бы сам Спящий лорд в своих чертогах.

Мы миновали двор, свернули направо, прошли под аркой.

- Так с кем ты пил?

- С одним из помощников королевского картографа.

- Я его не знаю.

- Неважно. Это маленький человечек на маленькой должности, нас познакомил хабилис Джесард еще до своего отъезда. Ты же знаешь, я уважаю картографию.

Этот двор был крошечным колодцем, в него не выходило ни одного окна, у стены ютились грядки с каким-то укропом и фонтанчик, служащий скорее для полива огорода, чем для красоты.

- Так вот, – Патрик опустил на землю свой мешок и, низко склонившись, стал высматривать что-то у себя под ногами, – маленький человечек, чей желудок просто бездонен, когда дело касается выпивки, подарил своему собутыльнику и приятелю, то есть мне, план одного из подземных ходов Ардерского замка. И когда я говорил тебе о плане, имел в виду именно его.

Я зааплодировала, зажав свой тюк под мышкой:

- То есть наследник Ленстера подпоил слугу, чтоб добыть чертеж?

- Нет, Басти, – серьезно и грустно ответил Патрик, – я не умею играть и управлять людьми, я просто искал собеседника, которому до меня есть дело.

Стыд залил мои щеки жаром. Благородный прекраснотушный Патрик! Как мы были себялюбивы, бросив тебя в одиночестве!

- Нашел! – Лорд Уолес с усилием поднял и отодвинул квадратный кусок дерна, оказавшийся крышкой люка.

В этот момент лорд Солнце показался из-за стены, метнув косою луч, подсветивший фонтанчик. Я похолодела. Вода, стекающая в чашу, была красной.

- Патрик! – позвала я испуганно.

- Что? – он посмотрел, куда я показала, подошел к фонтану и обмакнул в жидкость кончики пальцев, поднеся их затем к носу. – Это определенно не кровь. Может, краска?

Я тоже понюхала его пальцы:

- Киноварь, – я хихикнула от облегчения.

- Краску добавили не в чашу, а в резервуар, откуда вода поступает.

- Как расточительно! Киноварь! Патрик, это же наша киноварь, та, которую мы искали с лордом-шутом! Мы думали, что она понадобилась Ригелю для того, чтоб пометать своих последователей, что их уже сотни, а на самом деле...

- Ригель? - Патрик округлил глаза.

- Ригель Безумный, ну то есть не он сам, а его потомок по прямой линии, золотая кость, заговорщик и убийца. Дружище, я обязательно тебе об этом расскажу, по дороге. Только оставлю весточку лорду-шуту.

Я достала из кармана прихваченный из спальни угольный карандаш и жирно вывела на стене поверх чаши: «Киноварь», потом нарисовала звезду с пятью лучами и, обмакнув пальцы в фонтан, раскрасила ее.

Патрик наблюдал за мною скептически, но терпеливо.

- Не одолжишь чернил?

- Карандаша тебе не хватило? - он снял с пояса крошечный сосуд из оленьего рога, синие чернила были очень дорогими, и тратить их просто так никто не любил.

- Мне только капельку, - я заткнула горлышко флакона пальцем, перевернула его, а затем провела чернильным пальцем поверх киноварной звезды, красный ожидаемо пошел лиловыми полосами.

Сделав половину звезды лиловой, я для надежности добавила углем слова «чернила» и «холодный синий», подведя под «холодный» двойную черту. Кому надо, тот поймет. Мармадюку надо.

- Благодарю. - Я вернула Уолесу чернильницу и угольный карандаш. - Интересно, зачем ему понадобилось менять цвет воды? - Я вытерла руки о штаны и, взяв вещи, стала спускаться в подземный ход.

Лорд Уолес бросил мне свой мешок:

- Это как раз понятно. Звезда начнет охоту на звезду.

- Это какая-то песня?

- Лиловый сменит алый, затем придет другой. Звезда звезду поймает, и только Спящий знает... - Патрик повис на одной руке, другой задвигая люк, затем спрыгнул вниз. - Мои пресветлые сестры любили по вечерам перетолковывать уже исполнившиеся пророчества. Одно из них про звезды. А когда ее величество Аврора взошла на престол, вся вода в Ардере на три дня стала лиловой.

В абсолютной темноте я не могла видеть своего друга, и от этого, а еще от торжественности его голоса меня пробрала дрожь.

- То есть киноварь в фонтане предрекает смену династий?

- Нет, Басти, не так, - лорд Уолес, хорошо подготовленный к путешествию, зажег небольшой светильник, - это не киноварь предрекает, а Ригель Безумный. Или, скорее, угрожает. Пойдем.

Я поехала, но последовала за своим другом по коридорчику настолько тесному, что плечи мои касались стен, а звук дыхания буквально оглушал.

Откуда Патрик так много знает о королевских династиях? Ему рассказали в монастыре? Звезда начнет охоту на звезду...

Нет, я не могу думать о ленстерце плохо. Он мой друг, мы поклялись друг другу в верности.

Он с самого начала знал, что ты девушка.

Догадался! Он знает женщин лучше всех остальных, знает не как объект желания, а как друзей, соратников, учителей. Его так воспитали. Он внимателен и очень умен.

А чем подкреплено твое мнение о его уме? Ну вот назови хоть один случай, когда тебя поразил его ум. Ты никогда не слышала, чтоб он с лету решил арифметическую задачу или выиграл ученый спор. Оптика, картография – всего лишь красивые слова. Вспомни, он не смог сделать окуляров для плохо видящего Станисласа, он отговорился отсутствием нужных инструментов. А может, дело в незнании?

Первым с ним подружился лорд Виклунд, в чьем благородстве никто не может усомниться.

С Оливером они встретились незадолго до тебя. Совместная драка в придорожном трактире, которая вполне могла быть просто представлением, затем знакомство, обмен именами, не подкрепленный доказательствами. Тиририец никогда не был в Ленстере и не видел раньше тамошнего наследника.

Наследование подтвердил фамильный зеленый кристалл! Ты видела, как он зажегся в руках Патрика.

А также видела, как в руках Авроры зажглись они все. Дар золотой кости. А ты замечала хоть раз, чтоб лорд Уолес брал в руки чей-нибудь чужой камень? Твой или Доре, или Виклунда? Может, потому, что и они бы засветились?

Он мой друг.

У него изумрудные глаза, как у Авроры, и золотистые волосы, которые вполне можно назвать рыжими.

Патрик пострадал от смертной бледи, на представителя золотой кости этот яд не подействовал бы.

Ты уверена? Его осматривал брат Гвидо, помеченный красной звездой приспешник.

Звезда! Лорд Альбус тоже осматривал Патрика и не обнаружил на нем меток!

Потому что метят лишь подчиненных, метят именно для того, чтоб будущий узурпатор мог их узнать. Это он, Басти, прекрати отрицать очевидное. И ты сейчас в его власти.

Он! Мой! Друг!

Патрик лорд Уолес замедлил шаг и стал спускаться:

– Тут крутые ступеньки. – Он обернулся, в черных огромных зрачках плескался алый отсвет.

Я охнула, Патрик повел светильником из стороны в сторону, рассматривая мою перекошенную физиономию, затем испуганно пробормотал:

– Впереди кто-то есть, – и потушил светильник.

Глава 11

Ригель

Гэбриел ван Харт не ожидал увидеть в покоях лорда-шута женщину. Тем более голую, тем более мертвую. Мармадюк, кажется, тоже удивился.

- Лизель?

Они оба замерли на пороге, где за мгновение до этого выясняли, кто первый достоин высокой чести войти в покои. Гэбриел считал, что гостя предписано пропускать вперед, его шутейшество сопротивлялся, блюдя свой высокий статус. Они возились в дверях, оттесняя друг друга плечами, вместе шагнули, переругиваясь и...

- Ее звали Лизель? - Ван Харт отступил и слегка поклонился. - Прошу.

- С такого расстояния я точно не скажу, - Мармадюк тоже отступил, - надо рассмотреть поближе. Только после вас, милорд.

Гэбриел подчинился. Девушка лежала ничком на ковре, неестественно вывернув голову. Ван Харт осторожно приблизился, заглянул в синюшное лицо, принялся широко раздувая ноздри.

- Точно Лизель, - сказал Мармадюк за его плечом, - веселая была девица, Спящий, прими ее душу.

Потом закричал:

- Стража!

Послышался топот подбитых железом солдатских сапог. Ван Харт достал из кармана перчатки и надел их.

- Милорд? - в комнату вбежали двое высоких парней в форме.

- Давно она здесь?

Гэбриел приподнял веко покойницы, рассмотрел мутное глазное яблоко, негромко сказал:

- Она мертва более пяти часов.

- Пришла не в нашу смену, милорд, - сообщил стражник. - Мы дежурируем с рассвета до заката, значит, эта леди явилась к вам ночью. Вы же сами приказали, чтоб женщины к вам пропускались беспрепятственно, так что нашей вины тут нет.

- Иди к капитану, - прервал его Мармадюк, - пусть он тебя накажет и объяснит, что определять, где чья вина - не твоего ума дело. А потом заскочи в казармы и скажи... Нет, стой, я передумал. Недосуг мне ждать, пока ты туда-сюда ходить будешь. Допроси сменщиков. Когда и с кем пришла, во что была одета, что говорила. Если допросишь усердно и принесешь в клювике что-нибудь важное, помилую.

Стражник затопал, убегая. Второй подождал, потом, так и не получив указаний, попятился за дверь и замер в коридоре, сжимая древко алебарды.

- Что скажешь, зельевар? - Мармадюк присел на корточки рядом с Гэбриелом. - Как ее убили?

- Убили? - Ван Харт поморщился, потом осторожно перевернул тело на спину.

Левая рука покойницы вздулась венами и распухла, а в правой был зажат узкий нож.

- Это первое, - сказал ван Харт, - и второе.

Он надавил на белое круглое колено, открывая внутреннюю поверхность бедра, там алела свежая метка.

- А можно чуть больше слов? - раздраженно спросил Мармадюк.

- Ваша Лизель убила себя сама, - ван Харт распрямылся и снял перчатки, - она пришла в ваши покои ночью, когда вы, милорд, были заняты развлечением доманского посольства.

- А ты получал по голове от неизвестного доброжелателя, - кивнул шут, - милорда можешь оставить в прошлом.

Ван Харт поправил повязку, сползшую к уху.

- Одета она была, - он обвел взглядом комнату, снял с кровати алый, расшитый стеклярусом плащ, и накрыл им тело, - вот в это.

Шут кивнул.

- Бедняжка ждала меня всю ночь и весь день, пока мы с тобой заседали в королевском совете, кормили Рамоса с Пересом, катались с ее величеством и арестовывали господ-заговорщиков. Если бы я знал...

- На левой руке порез, яд попал в кровь, разъедая ее, о чем свидетельствует вздутие. А то, с какой силой правая рука сжимает нож, исключает, что его подложили после смерти. Думаю, лорд Альбус подтвердит мое заключение.

- Дурочка, - прошептал Мармадюк. - Она и правда умом не блистала, но казалась вполне добродушной...

- Это сильный яд, - жестко сказал Гэбриел, - она умерла очень быстро, нелепо, но быстро.

- М-да... - Мармадюк подошел к окну. - А ведь Мармадель меня предупреждала, что рано или поздно одна из них притащит отравленный кинжал.

Потом он позвал из коридора стражника и велел тому организовать транспортировку тела к медикусам, потом вызвал незнакомого Гэбриелу пажа и отправил мальчишку сообщить скорбную весть господину Пучелло, затем выслушал отчет о допросе ночной смены и отменил наказание разговорчивому вояке.

Все это время Гэбриел ван Харт сидел в покоях лорда-шута под портретом лорда Этельбора и ждал, прекрасно понимая, что Мармадюк его не отпустит. Это была игра, кот играл с мышью, и котом, к сожалению, сейчас был не Гэбриел.

- Итак, - наконец лорд Мармадюк откинулся на спинку кресла, вытянув ноги под письменным столом, - чем бы ты теперь хотел заняться, о грозный миньон нашего драгоценного величества?

Его шутейшество таскал за собой ван Харта с ночи, с того момента, как ворвался в его спальню, орлиным взором оценил испачканную кровью простыню, повязку на голове и соляные кристаллы, хрустящие под подошвами своих остроносых туфель.

- Узнаю изящный почерк нашего общего друга. Судя по тому, что ты пока еще жив, ничего непоправимого не произошло?

Ван Харту было неловко, он то ли кивнул, то ли покачал головой.

- Собирайся, - велел Мармадюк, выдержав паузу. - Наше капризное величество велело нам с тобой отложить разногласия и объединить усилия, с тем чтоб закончить историю с Ригелем уже сегодня.

Гэбриел отправился сменить костюм и спросил из-за ширмы:

- А что ее величество сказала о предмете наших разногласий?

- Предмет нам велено оставить в покое под угрозой умерщвления и оскотления, не обязательно в таком именно порядке. - Лорд-шут шмыгнул носом. - Долго же ты складывал два и два... Хотя, по чести говоря, я вообще не углублялся в эту арифметику. Мне рассказали.

- Она?

- Аврора.

Юноше пришлось приложить усилия, чтоб подавить вздох облегчения. Королева, не она...

Он закрепил у виска повязку, кровь уже не текла, но ему не хотелось, чтоб в рану попала грязь, и вышел из-за ширмы.

Лорд Мармадюк встретил его внимательным взглядом:

- Давай договоримся сейчас, ван Харт, чтоб ничего не отвлекало нас от сегодняшних дел. Цветочек мне нравится, если желаешь поухаживать за садом, встань в очередь.

- А на чем основывается ваша уверенность, что возглавляете очередь именно вы?

- Я старше.

- Не испытываю достаточного уважения к старости, чтоб отступить.

Черные глаза встретились с серыми, ни один из собеседников не отводил взгляда.

- Ты растопчешь этот цветок, ван Харт, - наконец грустно сказал Мармадюк, - своим диким напором, своей игрой, рассчитанной на тридцать шагов вперед и оттого слишком неотвратимой. А девочке нужно гореть. Ты же видел балет, видел, как он действовал на публику? Это называется талант, ван Харт, Цветочка при рождении целовали боги. Ее нужно баловать, а ты заставишь ее делать то, что нужно тебе, будешь ее использовать...

- Откровенность на откровенность, мой лорд, - холодно перебил Гэбриел собеседника, - я ни на мгновение не верю в ваше прекраснодушие и бескорыстие. Да, моя девочка талантлива и ей нужно гореть, но я не позволю использовать ее для растопки вашего костра. Если моя игра рассчитана, как вы говорите, на тридцать ходов вперед, в вашей счет перевалил за сотни, и началась она не вчера, и, если я в состоянии сложить два и два, начали ее не вы и даже не ее величество.

- Какая пронизательность, - саркастично хмыкнул шут, отбросив показную искренность, как маскарадный костюм, - и это смеет говорить человек, разбивший...

- Нет, милорд, - тон Гэбриела не изменился, оставаясь холодным и деловым, - не стоит переводить разговор на мою скромную особу, пытаюсь лишить меня равновесия. Этот риторический прием даже старше вас. Считайте мои слова объявлением войны, я собираюсь бороться за эту женщину. Все.

- Но не сегодня, - быстро сказал Мармадюк. - Перемирие! Пауза в боевых действиях объявляется до момента пленения Ригеля.

И когда они уже пожимали руки, скрепляя мирный договор, быстро добавил:

- И окончательного разрешения вопроса с тайной организацией ригелевых приспешников.

А потом его шутейшество сделал все от него зависящее, чтоб Гэбриел лорд ван Харт ни на мгновение не оставался без присмотра. Они совместно занимались десятком неотложных дел, среди которых, кроме арестов и допросов, была также конная прогулка за стенами замка в компании доманских послов и ее величества и королевский совет, главной темой которого было странное изменение воды во всех дворцовых фонтанах.

А теперь лорд Мармадюк притащил ван Харта в свои покои, и Гэбриел был уверен, что не окажется в спальне трупа куртизанки, лорд-шут и без того придумал бы, как задержать при себе королевского миньона.

- Чем ты хочешь заняться?

Гэбриел хотел бы немедленно встретиться с графом Шерези и чтоб лорд-шут за минуту до встречи провалился в фаханов ад, но по понятным причинам эти свои желания он не озвучил.

- Арестом нашего главного подозреваемого - Патрика лорда Уолеса, - сказал он вместо этого.

- Самое время, - зевнул его шутейшество. - Я собирался допросить Вальденса, он должен был уже дозреть в заточении, но арест Уолеса - тоже неплохое времяпровождение. Тем более что он мне никогда не нравился. Смазливый умник. Сочетание отвратительнее сложно себе представить. Что там за шум?

Из коридора слышались громкие голоса и топот множества ног, дверь без стука отворилась, в покои вошла ее величество Аврора в сопровождении пары фрейлин, пары слуг и пары миньонов, лордов Доре и Виклунда. Последние явно страдали похмельем и источали неприятные похмельные ароматы. В покоях сразу стало невероятно тесно. Ван Харт вскочил и поклонился, Мармадюк поднялся медленно и исполнить поклон не успел. Ее величество обвела помещение тяжелым взглядом, затем обернулась к свите:

- Все вон! Ждать меня в коридоре, не менее чем в десяти шагах от двери!

Фрейлины зашуршали юбками, ван Харт тоже попятился к двери, рассудив, что Аврора явилась побеседовать с шутком, и что этот факт позволит ему, Гэбриелу, разыскать графа Цветочка.

- Стоять! - крикнула королева.

Все замерли.

- Вы, пошли вон! - Ручка венценосной особы описала широкий круг, включив в него всех присутствующих. - А вы, - ручка замерла, - останьтесь.

- Ее величество имеет в виду ван Харта, - любезно пояснил всем Мармадюк, украдкой зевнув. - То есть удалиться должны все, кроме поименованного лорда. Тебе не удастся сбежать от меня, милый...

И он послал Гэбриелу воздушный поцелуй.

Наконец, когда все правильно уяснили себе, чего хочет королева, и это исполнили, лорд-шут обошел письменный стол, уступив Авроре хозяйское кресло, пересек комнату, выглянул за дверь, проверив, не отирается ли за ней некто любопытный, и захлопнул ее.

- Итак? - Он повернул ключ в замке и вернулся к королеве.

- Почему лорд Уолес до сих пор не арестован? - грозно спросила ее величество, доставая из-за корсажа смятый лист бумаги.

- У нас нет доказательств, - пожал плечами Мармадюк, - кроме, признаю, вполне конкретных подозрений милого, - он одарил Гэбриела сладкой улыбкой, - ван Харта. Мы сейчас допросим Вальденса и уж затем...

- И куда же вы с милым, - ее величество скривилась, будто хлебнув уксуса, - ван Хартом заключили Вальденса?

- В башню Арктура, - в голосе шута послышалась тревога, - ее легко обеспечить охраной и туда не ведет ни единого подземного хода...

- Потому что... - подбодрила запнувшегося лорда-шута Аврора.

- Потому что серебряный меч, хранящийся в ее подвале... У нас украли меч?

- И Вальденса! - Аврора расплакалась. - Но фахан с ним, с Вальденсом! Смотри!

Она расправила бумагу на столешнице. Несколько смазанных строчек угольным карандашом и грязный отпечаток губ. Ван Харт заглянул через плечо лорда-шута.

- У меня украли миньона!

Ван Харт, не испрашивая разрешения, побежал к двери. Ключ не слушался, он погнул его, проворачивая. Виклунд с Доре стояли у дальнего окна, великан дремал, прислонившись к стене, Доре пощипывал струны мандолины.

- Где Басти?

- Они не попрощались, - грустно сказал Станислас, - оставили записку, что уезжают в Шерези.

- И любовное письмо ее величеству. - Виклунд говорил с закрытыми глазами. - Вчера все свински перепились, мы не успели...

- Мы пытались их догнать, - лорд Доре забросил за плечо мандолину и достал из кармана футлярчик, - но ни на одном посту их не заметили, поэтому мы с лордом Виклундом отправились к ее величеству с нижайшей просьбой отпустить нас в Шерези. Ну и весточку от Цветочка передать.

В футляре лежали стеклянные окуляры в проволочной оправе, Станислас закрепил их на переносице и развернул перед Гэбриелом бумагу:

- Смотри, Цветочек написал про неотложные дела. Мы думаем, что его дядюшка опять досаждают леди Шерези, а это значит, что нашему другу понадобится помощь.

- Ее величество, кажется, не порадовало любовное письмо. - Оливер потер ладонями лицо и зевнул. - Что случилось, Гэб?

- Вы опросили всех стражников? - не ответил ван Харт.

- Наверное, всех, но мы особо не настаивали. Шерезский замок никуда не денется, там-то мы их точно... Ты куда?

Ван Харт бегом вернулся в комнату. Королева с шутком прервали беседу, ведущуюся на повышенных тонах.

- К фахану этикет! - Поклон Гэбриела вызвал венценосное раздражение. - Что?

- Это не Патрик лорд Уолес. Мы подозревали невиновного.

Свет погас, я рванула с пояса фамильный клинок Шерези, стукнулась о стену плечом, запуталась в перевязи и выбросила вперед руку, изо всех сил опуская рукоять на голову Патрика, то есть Ригеля. Судя по звукам, попала - шорох оседающего тела и дребезжание катящегося по ступеням светильника.

Туше! И что мне теперь делать? Наверное, несложно будет на ощупь вернуться к входу, но отодвинуть снизу крышку люка мне вряд ли удастся, я до него не допрыгну. Значит, идти вперед? Но у меня нет ни карты, ни даже светильника. Сколь долго смогу я блуждать здесь в темноте и одиночестве?

Я шагнула вперед и вниз, преодолев две ступени и не наткнувшись ни на чье бездыханное тело.

И сколь долго я смогу выигрывать в прятки у Безумного Ригеля?

- Ты здесь, любовь моя? - нежный голосок, разнесшийся по коридору, принадлежал красавице Моник и доносился он из-за моей спины.

- Здесь! - Я вскарабкалась обратно и побежала на звук. - Продолжай говорить, любовь моя, я скоро буду.

Вдали появилось пятно света. Слава Спящему!

- Я шла за тобой, мой любезный граф, чтоб попрощаться, - Моник капризно растягивала гласные, - наша миссия в замке закончилась, лорд Мармадюк более не нуждается в услугах сестричек. А потом мне стало любопытно, куда ты отправляешься с красавцем Уолесом.

Она хихикнула и озвучила свои предположения, куда и для чего направлялись в рассветный час два пригожих лорда.

Фантазия ее, как обычно, простиралась недалеко, и начиная, и заканчиваясь в штанах. Я сейчас буду у люка, Моник подаст мне руку, поможет выбраться...

- Ты же не сердись на меня, милый?

- Нет-нет, Моник! Я тебя обожаю.

Потом раздался вскрик, затем звук, будто кто-то в раздражении хлопнул дверью, и наконец, громкий женский плач.

Я подбежала к прекрасной куртизанке. Ее одежда была в беспорядке, белокурые локоны растрепались, а сурьма, которой девушка по обыкновению подвела глаза, оставила на щеках черные дорожки.

- Я упала, - сообщила Моник, шмыгнув носом.

- Хорошо, что вместе со светильником, - я потрепала ее по пухлому плечу. - Не плачь, мы сейчас выберемся.

- И главное, какая досада, я не отодвинула этот фаханов люк, а только приоткрыла, чтоб заглянуть под него, он-то своей тяжестью и втокнул меня внутрь. Кстати, куда подевался твой дружок лорд Уолес?

Я сделала вид, что не услышала вопрос.

- Нужно, чтобы один из нас поддержал другого. Давай ты встанешь мне на плечи и сдвинешь крышку изнутри.

Мы попробовали. Моник, на твердой земле отличавшаяся изяществом движений, поднятая над нею, все свое изящество теряла. Я не могла удержать куртизанку на плечах, как ни старалась.

Мы поменялись ролями, но хрупкая девушка не в силах была даже поднять графа Шерези. Она опять расплакалась, я обняла ее, утешая.

- А красавчик Патрик далеко ушел? - доверчиво спрашивала Моник, не прерывая рыданий. - Давай позовем его. Он повыше тебя и, наверное, гораздо сильнее. Слышишь шаги? Он идет к нам!

Я отстранила девушку и, вытянув из ножен клинок, встала в стойку. Кажется, пришло время применить на практике воинское искусство, которое вдалбливали в королевских миньонов «лиловые плащи».

Теперь шаги слышала и я, они были тяжелыми, как будто требовали нечеловеческих усилий от того, кто к нам приближался.

- Лорд Уолес! Мы здесь! - Моник повизгивала, будто собачка в ожидании хозяйской ласки. - Патрик-ик!

Далекая темнота пришла в движение, выпуская фигуру мужчины. Я облегченно вздохнула, но клинок убирать не спешила. Подходящий к нам был гораздо выше моего фальшивого друга, настолько, что пробирался он коридором согнувшись. А еще он постоянно поворачивался то так, то эдак, цепляясь широкими плечами за стены.

Он вышел на свет и оказался горбуном из купальни, лордом-работником, который любезно одалживал мне ключи и чья отвратительная внешность так пугала веселых сестричек господина Пучелло.

- А где же красавчик Уолес? - удивилась Моник.

- Она проломила ему голову рукоятью, - сказал горбун, кивнув в мою сторону. Зубы у него были острыми, как у волка или у моей феи, дарующей имена.

- Почему? - протянула куртизанка, в голосе ее совсем не слышалось испуга.

- Потому что, - горбун выбрался из коридора и распрямился, горб его никуда не делся, но как будто сполз ниже на спину, плечи развернулись, делая рост его вовсе огромным, -

она решила, что Патрик лорд Уолес на самом деле золотая кость и наследник короны – Ригель Безумный. Она приводила доводы и опровергала их один за другим, пока не пришла к определенному выводу.

Что он такое говорит? Я опять думала вслух? Тогда почему Ригель меня не слышал? И почему этот горбун упорно называет меня «она»?

Тысяча! Мокрых! Фаханов!

– Значит, Патрик именно Патрик? – Я отсалютовала клинком и угрожающе повела им в сторону. – Тогда получается, что Ригель – ты?

Горбун посмотрел на острие меча, затем, будто не веря своим глазам, потер их ладонями. Я сделала выпад, быстро отбитый костлявым запястьем уroda. Глаза у него были красными, не бурыми, как мне помнилось, а красными, глазами феи, и зубы, которые он обнажал в хищной улыбке, тоже были фейскими.

– Конечно же, он не Ригель, – холодно проговорила Моник за моей спиной. – Он – фея, а Ригель – это я.

– Но...

– Значит, так, любовь моя, – перебила меня Моник, и я ощутила щекой холод стали, – замолчи, иначе я проковыряю в твоей щеке дырочку, сквозь которую будет видно зубы. Ты же часто думала о шраме, правда? Караколь мне рассказывал, о чем ты думаешь: ах, меченый красавчик, ах, Гэб, ах, шрам...

– Ты не можешь быть Ригелем. – Я была настолько ошеломлена, что угрозы на меня не действовали.

– И почему же? – она все-таки полоснула меня по коже, не до зубов, но щеку обожгло, и по ней потекла дорожка крови.

– Ты женщина!

Она визгливо расхохоталась:

– В этом-то и прелесть. Женщина! Ну кто заподозрит женщину? Кто заподозрит шлюху? А то, что на их троне уже двадцать лет сидит еще большая шлюха, нисколько их не тревожит!

– Не бывает фей мужчин!

– Аврора – шлюха! Она спала со стариком! – продолжала Моник доверительным тоном, причем продолжала она не диалог, а лишь интересующую ее тему. – Я никогда не спала ни с кем старше себя.

– Ты спала с Мармадюком, – зачем-то сказала я, – а ему уже за тридцать!

Какой нелепый диалог! Мне безразлично, кто с кем спит или спал, или собирается. У меня друг погиб, от моей руки, между прочим. Патрик, прости меня, дружище!

Нет! Скорбеть буду потом.

– Когда мне было за тридцать, твой Мармадюк пытался вылупиться из яйца, в котором его заточил Этельбор! – Она опять засмеялась, дернула меня за ухо, срывая серьгу. – О чем она думает, Караколь? Она ошеломлена? Завидует?

– Сейчас она собирается подсесть противника под колено, воспользовавшись тем, что нож уже не около ее лица.

Это было несправедливо, я даже топнула ногой, которой собиралась подсесть куртизанку. У них преимущество! Не бывает фей-мужчин! Никто о них никогда не слышал!

– Бывает, – сказал горбун одними губами и подмигнул.

Тысяча фаханов!

- Знаешь, что было самым сложным? - не унималась Моник.

- В том, чтоб спать с лордом-шутком?

- В том, чтоб притворяться обычной! Приходилось все время напоминать себе об этой обычности, стоять каждый день у зеркала и говорить себе: «Красота не вечна, она скоро пройдет, нужно как-то устроиваться в этой жизни».

- А потом интриговать, помогая любовникам достичь величия, хотя их величие не интересует тебя ни в коей мере? Нечеловечески сложно!

Я кивнула и бросилась на нее, особо не размышляя. Нож отлетел, звякнув о стену вдалеке. Раз мысли работают против меня, то и думать не буду. Вот у Моник в голове такая каша, небось, ее красноглазый Караколь потеет, когда туда заглядывает.

Дралась я здорово, не по-девчачьи, а как настоящий ардерский дворянин, правда, хилый и не особо тренированный, но белокурой Моник и того хватило. Кстати, белокурой она быть перестала в первую очередь. Не уверена, что таскание за волосы одобрил бы лорд-коннетабль, но оно у меня получилось на отлично. Моник взвизгнула, раздался треск как будто рвущегося шелка, локоны отделились от ее головы.

Я отбросила парик, подняла свой клинок.

- Отреши ее, Караколь! - прокричала Моник, прижимая руки к коротким рыжим волосам. - Не убивай!

И меня отрешили, что бы это ни значило. Щелкнуло, но не снаружи, а как будто внутри моей головы, я стала пустой, как кузнечный мех, и такой же легкой, зависла над землей, привязанная к ней невидимой нитью и на ней же, этой нити, покачивалась. Шевелиться не могла, говорить тоже, поэтому я громко подумала про Караколя и Моник, вместе и по отдельности, и в сочетаниях с разным количеством фаханов разного качества и расцветок. Караколь мои гневные мысли прекрасно слышал, он поцокал языком и ткнул мне в лоб кончиком пальца, отчего я опять покачулась на ниточке и думать ругательства перестала.

- Чего мы ждем? - раздраженно спросила Моник, когда горбун наконец подал ей руку, помогая подняться с земли.

- Я жду указаний.

Перед тем как начать говорить, Моник сделала такую небольшую паузу, будто для того, чтоб набрать воздуха. Она продумывала слова! Я знала это состояние. Когда торгуешься с феями, формулировка очень важна, они любительницы прицепиться к неточности и извратить смысл просьбы.

Как же глупенькая куртизанка справляется с феей? Может, ее глупость - лишь одна из масок? Одна из масок Безумного Ригеля, ох, нет - Безумной Ригель.

Интересно, меня убьют? Хотя она сказала своему дрессированному фею «отреши, но не убивай», это вселяет надежду.

А еще дуэт у них интересный, будто извращенная копия пары Аврора - Мармадюк... Я наткнулась на внимательный взгляд Караколя и заткнулась. М-да...

- Воспользуйся мечом Арктура для того, чтоб проложить путь, и позволь мне им воспользоваться, следуй за мной, затем уничтожь путь.

Горбун кивнул.

- Девку бери с собой.

Он кивнул опять:

- Вальденс будет ждать в условленном месте.

Я мысленно ругнулась. А не упомяни она про меня, может, и обошлось бы. Вальденс?

- Лорд Вальденс может хвастаться самым коротким заточением за всю историю Ардеры, - возбужденно хихикнула Моник. - Так ты уже испробовал новую игрушку?

- Да.

- Тогда начинай. Я хочу это видеть.

И в руках Караколя будто из воздуха соткался огромный, с его рост двуручник.

- Его только называют меч Спящего, - шепнула мне Моник, - или меч Арктура, на самом деле ни один человек им воспользоваться не может, даже золотая кость, даже чародей.

Я покачнулась на ниточке, как бы поддерживая беседу.

- А теперь смотри, что может сделать с ним фея!

Как будто меня нужно было уговаривать! Да я даже если бы хотела отвернуться и не смотреть, не смогла бы.

Меч сиял, Караколь тоже что-то испускал, и то, что поначалу приняла я за его личное сияние, оказалось раскрывшимися за спиной крыльями. Святые бубенчики, у него были крылья! Все это время были крылья, которые я принимала за горб. Он же и не скрывался от людей особо, ходил среди нас - красноглазый, крылатый, острозубый. А мы не замечали, потому что всем известно, что фей-мужчин не бывает. Да и кто вообще будет смотреть на слугу при купальнях? Разве что, если горячая вода закончится, вот тогда на него внимание обратят. Ну или если ты урод, тогда тоже обратят, но брезгливое и недолгое. Всем неприятно лицезреть безобразия. Люди невнимательны, даже матушка моя об этом говорила, поверхностные и легкомысленные ротозеи. И многие этим пользуются. Караколь, например, или даже ты, Шерези. Ты такой же уродец, только вместо горба у тебя пумекс в штанах.

Интересно, а у моей феи, дарующей имена, крылья есть? Мысли она читать точно не умеет, иначе торговаться с ней у меня бы не получилось. Но крылья-то у нее есть?

- Нету! - проорал Караколь раздраженно. - У фей-изгнанниц нет крыльев! Прекрати! Ты мешаешь мне колдовать!

Моник дернула меня за волосы, боли я не почувствовала, зато ощутила себя как будто внутри фиалкового бутона, фиолетово-лилово-черной воронки, и внутри пульсирующего фиолетово-лилово-черного дождевого червя. А еще до того, как ощутила себя червем (не исключаю и такого эффекта от фейского колдовства) поняла, что Караколь открыл путь.

И уже много-много позже, когда осталась одна и смогла раскрыть свой разум, не опасаясь быть подслушанной, впустила в себя тщательно скрываемую мысль. Патрик лорд Уолес жив, его лицо я видела за спиной Караколя. Мой друг жив и спасет меня. Потому что друзья прощают друзей, даже если те - глупцы и проламывают головы рукоятками мечей.

Эпилог

Ее величество любовалась закатом, опершись локтями о перила балюстрады. Лорд наш Солнце прощался с миром, его закатные лучи, будто пальцы музыканта, перебирающего струны волшебной лютни, играли струями большого королевского фонтана, в честь окончания празднеств работающего на полную мощность. Вода выстреливала в небеса на высоту пятнадцати туазов, так что для того, чтоб рассмотреть место, где струи изгибались, устремляясь обратно к земле, приходилось задирать голову. Ее величество улыбалась. Цвет воды был насыщенно-лиловым, ее цветом, цветом Авроры.

- Довольна? - Мармадюк подошел неслышно и оперся локтями о перила, прислонившись плечом к плечу ее величества. - Подданные в восторге, а слухи, что вода в столице изменила цвет, разнеслись далеко за пределы дворца. Площадные предсказатели сулят благоденствие и процветание Ардеры под короной Авроры.

- Как тебе это удалось?

- Слухи? Да все как обычно, бродячие театрики и пара-тройка специально подготовленных менестрелей, которые только и ждут советов и указаний.

- Я про цвет.

- Если киноварно-красный смешать с холодным синим, на выходе он даст тот самый лиловый оттенок, который в Ардере лстиво называют адамантовым. Цветочек мне все доступно написала.

- Мы с тобой дураки, Мармадюк.

- Только я, милая. - Шут приобнял величество за плечи, чем вызвал недовольное шевеление в рядах стоящих поодаль фрейлин. - Только я...

- Да ладно, - королева прислонилась виском к камзолу шута, - оба хороши, стратеги фахановы. Если бы мы не стали выжидать, а сразу дернули за ниточки убийства феи Богдены...

- И что бы нашли? Ну пользовала покойница наших куртизанок, так к ней, наверное, половина столицы за услугами хаживала. Хотя что я говорю? Точно половина. Да и ведь хорошо в канву ложилось: прибытие в столицу миньонов, убийство, покушение.

- Как в дамском рукоделии - на лицевой стороне идиллическая сцена, а с изнанки - хаос и узелки, - улыбнулась Аврора.

- В дамском! Вот уж точно!

- А все потому, что ты, дурак, женщин нисколечко не уважаешь! Поэтому тебе даже в голову не пришло, что наследник наш не мужского пола!

- А тебе, можно подумать, пришло!

- Вот потому я и говорю, что оба дураки!

- Ну ладно, хорошо, - шут отстранился и покаянно сложил на груди руки, - ты права, моя королева, мы с тобой оба - дураки.

На лице ее величества выражение удовольствия от победы сменилось сначала растерянностью, а затем понимающей улыбкой:

- Ну уж нет, милый. Носи это звание в одиночестве. Итак?

- Все не так уж плохо, - Мармадюк опять придвинулся к Авроре и обнял ее за плечи, - мы знаем, что Ригель - женщина, что у нее есть меч Аркура и фея, чтоб им воспользоваться.

- Фея-мужчина!

- Ригель - женщина, фея - мужчина. Мы не могли бы разгадать эту головоломку, тут я

требую от тебя отметить изящную фигуру речи, если бы не Патрик лорд Уолес и его поломанная голова. Ты же подаришь страдальцу бриллиантовую сережку?

- Подарю! Но знай, что мода носить мой личный знак в ушах мне не нравится.

- Расскажешь об этом законодателю адамантовых мод графу Цветочку при встрече.

Аврора погрузилась:

- Мне очень жаль нашу девочку, за роль джокера ей приходится платить неподъемную цену.

Мармадюк опустил глаза:

- Ригель оставит ее в живых, это пока главное.

- Надолго ли?

- Пока Ригель будет уверена, что Басти нужна нам с тобой, девочке ничего не грозит. Мы не повторим ошибки и лучше переоценим врага.

- А наш интерес к Бастиану Мартере графу Шерези выразится...

- Мы направим на его спасение экспедицию. Твои миньоны уже прядут ушами, ожидая королевского приказа. Лорд Оливер Виклунд, лорд Станислас Доре и лорд Патрик Уолес, связанные с графом клятвой вечной дружбы, просят королевского соизволения на подвиги.

- Мы его даруем, пусть разыщут и вернут мне моего любимчика!

- Я почему-то уверен, что там будет и четвертый претендент на подвиг.

Аврора кивнула:

- Повелеваю возглавить экспедицию Гэбриелу ван Харту.

- Вот за это я тебя и люблю, умнейшая из женщин, - Мармадюк потрепал Аврору по голове, как отец разумное чадушко, - а пока наши цыплятки будут искать Цветочка, мы с тобой зачистим здесь поляну.

- А вот этого я совсем не люблю.

- Никто не любит. Но заговор был, и мы должны его не только раскрыть, но и примерно наказать виновных. Если не прольем кровь мы сейчас, это придется делать нашим последователям и гораздо более масштабно. Уважение заслуживается долго, а теряется в один миг.

Королева кивнула, затем громко проговорила, обращаясь к фрейлинам:

- Подготовьте писчие принадлежности в королевском кабинете и доставьте туда немедленно лордов ван Харта, Виклунда, Доре и Уолеса.

Леди Сорента не стала переспрашивать, какого именно из ван Хартов ей нужно доставить, с некоторых пор поименованная четверка стала устойчивым сочетанием.

Королева с фрейлинами удалилась в кабинет, а лорд-шут простоял на балюстраде до темноты. И если рядом с ним находился бы кто-нибудь еще, он бы слышал, как его шутейшество напевает грустно и вполголоса: «Ах, как же его звали... его ведь как-то звали... определенно звали...»